

Роберт Луис Стивенсон

Клуб самоубийц и Алмаз Раджи

<http://book.zehinli.info>

*** КЛУБ САМОУБИЙЦ ***

ПОВЕСТЬ О МОЛОДОМ ЧЕЛОВЕКЕ С ПИРОЖНЫМИ

Блистательный Флоризель, принц Богемский, во время своего пребывания в Лондоне успел снискать всеобщую любовь благодаря своим обворожительным манерам и щедрой руке, всегда готовой наградить достойного. Это был человек замечательный, даже если судить на основании того немногого, что было известно всем; известна же была только ничтожная часть его подвигов. Спокойный до флегматичности, принимающий мир таким, каков он есть, с философским смирением простого землепашца, принц Богемский тем не менее питал склонность к жизни более эксцентрической и насыщенной приключениями, нежели та, к которой он был предназначен волею судеб. Порою на него находили приступы хандры, и если в это время на лондонских подмостках не было ни одного спектакля, на котором можно было как следует посмеяться, а сезон к тому же был не охотничий (в этом виде спорта принц не знал себе равных), он призывал к себе своего шталмейстера, полковника Джеральдина, и объявлял, что намерен совершить с ним прогулку по вечернему Лондону. Молодой офицер этот был постоянным наперником принца, и отвага его подчас граничила с безрассудством. Он с неизменным восторгом встречал подобные приказы своего господина и, не мешкая, совершал все нужные приготовления. Богатый опыт и разностороннее знание жизни развили в нем необычайную способность к маскараду; к любой избранной им роли, независимо от положения, характера и национальности лица, которое он брался изображать, он умел приспособить не только лицо и манеры, но и голос и даже образ мышления. Благодаря этому своему дару ему удавалось отвлекать внимание от принца и вместе со своим господином спускаться во все слои общества. Власти, разумеется, в эти приключения не посвящались. Непокколебимая храбрость принца вместе с изобретательностью и рыцарской преданностью его наперника не раз вызволяла

эту пару из самых опасных положений, и доверие, которое они питали друг к другу, с каждым годом все возрастало.

Однажды вечером холодный мартовский дождь пополам со снегом загнал их в кабачок неподалеку от Лестер-сквера. Полковник Джеральдин был одет и загримирован под рыцаря прессы в несколько стесненных обстоятельствах; грим Флоризеля, как всегда, заключался в накладных бакенбардах да паре косматых бровей, которые изменяли его изысканный облик до неузнаваемости, придавая ему вид человека, испытавшего превратности судьбы. Под прикрытием этого маскарада принц со своим шталмейстером спокойно сидели в устричном заведении и потягивали бренди с содовой.

Зал был переполнен посетителями обоих полов, и хотя среди них оказалось немало охотников вступить в беседу с нашими искателями приключений, ни один не представлял особого интереса. Здесь были собраны ординарнейшие обитатели лондонского дна. Принц начал было уже зевать и подумывать о том, чтобы идти домой, как вдруг двустворчатые двери трактира с треском распахнулись, впуслав молодого человека в сопровождении двух слуг. В руках у каждого слуги было по большому подносу, покрытому салфеткой, которую они тотчас сдернули. На подносах лежали маленькие круглые пирожные с кремом, и молодой человек принялся обходить столики, с преувеличенной любезностью предлагая каждому посетителю полакомиться. Одни со смехом принимали его угощение, другие решительно, а подчас и грубо от него отказывались. В последнем случае молодой человек неизменно съедал пирожное сам, отпуская при этом какую-нибудь шутиливую реплику.

Наконец он подошел к принцу Флоризелю.

-- Сударь, -- произнес он тоном глубочайшего почтения и протянул ему пирожное, -- не окажете ли вы любезность человеку, не имеющему чести быть с вами знакомым? За качество пирожного могу поручиться, ибо за последние два-три часа я сам проглотил ровно двадцать семь штук.

-- Качество угощения, которым меня потчуют, -- отвечал принц, -- представляется мне не столь важным, сколько чувство, с каким мне это угощение предлагают.

-- Чувство, сударь, -- сказал молодой человек, отвесив еще один поклон, -- с вашего позволения, самое издевательское.

-- Издевательское? -- повторил Флоризель. -- Над кем же вы намерены издеваться?

-- Видите ли, -- сказал молодой человек, -- я пришел сюда не для того, чтобы развивать свои философские воззрения, а лишь затем, чтобы раздать эти пирожные с кремом. Если я сообщу вам, что я самым искренним образом включаю в число тех, над которыми издеваюсь, собственную персону, ваша щепетильность, я надеюсь, будет удовлетворена и вы снизойдете к моему угощению. В противном случае я буду вынужден съесть двадцать восьмое пирожное, а мне эти гастрономические упражнения, признаться, немного надоели.

-- Мне вас жаль, -- сказал принц, -- и я готов сделать все, что в моих силах, чтобы вас вызволить, но только при одном условии. Если я и мой приятель отведаем ваших пирожных -- а надо сказать, что ни у меня, ни у него они не вызывают большого аппетита, -- то и вы должны будете за это с нами отужинать.

Молодой человек как будто что-то обдумывал.

-- У меня на руках осталось еще несколько дюжин, -- сказал он наконец.

-- А следовательно, мне придется навеститься еще в несколько подобных заведений, прежде чем я разделаюсь со своим основным делом, боюсь, что это займет некоторое время, и если вы голодны...

Принц остановил его речь любезным мановением руки.

-- Мы будем вас сопровождать, -- сказал он. -- Нас очень заинтересовал избранный вами чрезвычайно приятный способ проводить вечера. Теперь, когда мы договорились о предварительных условиях мира, позвольте мне скрепить наш договор.

И принц любезно взял протянутое ему пирожное.

-- Превосходное угощение, -- сказал он.

-- Я вижу, вы большой знаток, -- заметил молодой человек.

Следуя примеру своего патрона, полковник Джеральдин тоже отдал должное пирожному. Молодой человек обошел все столы и, получив от каждого посетителя отказ или благодарность, повел своих спутников в другой трактир. Двое слуг, которые, казалось, вполне смирились со своим нелепым занятием, следовали за молодым человеком, между тем как принц с полковником, взявшись под руку и улыбаясь, замыкали шествие. В таком порядке вся компания посетила еще два кабака, и в каждом повторилась та же сцена -- одни принимали угощение бродячего хлебосола, другие отказывались, и тогда молодой человек неизменно проглатывал пирожное сам.

После третьего заведения молодой человек пересчитал оставшиеся пирожные: на одном подносе их оказалось шесть, на другом три -- итого девять штук.

-- Господа, -- сказал он, обращаясь к своим новым знакомцам, -- мне неприятно, что я задерживаю ваш ужин. Я уверен, что вы проголодались не на шутку, и к тому же у меня есть по отношению к вам известные обязательства. В этот многозначительный для меня день, когда мне предстоит завершить мой дурацкий жизненный путь последним и наиболее ярким дурачеством, я не хотел бы оказаться невежей перед теми, кто меня так благородно поддержал. Господа, я не заставлю вас больше ждать. И пусть здоровье мое и без того расшатано излишествами, я готов, рискуя жизнью, отказаться от условия, которое сам себе поставил.

И, окончив свою речь, -- молодой человек проглотил одно за другим оставшиеся девять пирожных. Затем, отвесив по поклону обоим слугам и протянув им по золотому, он сказал им:

-- Примите, пожалуйста, мою благодарность за ваше долготерпение.

Отпустив слуг, он с полминуты постоял, уставясь на кошелек, из которого только что извлек для них плату, и вдруг засмеялся, бросил его на мостовую и сообщил своим спутникам, что готов идти с ними ужинать.

В маленьком французском ресторанчике в Сохо, пользовавшемся незаслуженно громкой славой, которая, впрочем, уже начала идти на убыль, принц, его шталмейстер и их новый знакомый попросили себе отдельный кабинет на третьем этаже, уселись за изящно сервированный стол, заказали к ужину четыре бутылки шампанского и принялись непринужденно беседовать между собой. Молодой человек был весел и оживлен, однако смеялся несколько громче, чем можно было ожидать от человека его воспитания; к тому же руки его заметно

дрожали, в голосе появлялись неожиданные резкие переходы, как у человека, который не совсем владеет собой. Когда официант унес со стола последнее блюдо и все трое закурили сигары, принц обратился к своему новому знакомцу со следующей речью:

-- Я надеюсь, что вы простите мне мое любопытство. Хотя мы и знакомы всего лишь несколько часов, вы мне очень симпатичны и, признаться, чрезвычайно меня интригуете. Я бы не хотел показаться нескромным, но я должен вам сказать, что мы с приятелем в высшей степени достойны доверия. У нас великое множество своих тайн, которые мы постоянно доверяем тем, кому не следует. А если, как я полагаю, ваша история достаточно нелепа, то и в этом случае, уверяю вас, вы можете, не стесняясь, изложить ее нам, ибо более нелепых людей, чем мы, вы не сыщете во всей Англии. Меня зовут Годол, Теофилус Годол; имя моего друга -- майор Альфред Хаммерсмит, во всяком случае, ему угодно выступать под этим именем. Всю свою жизнь мы посвятили поискам экстравагантных приключений; и нет такой экстравагантной выходки, которой бы мы не могли посочувствовать всей душой.

-- Вы мне нравитесь, мистер Годол, -- ответил молодой человек, -- к тому же вы во мне вызываете инстинктивное доверие; и я не имею ничего против вашего друга, майора, который представляется мне переодетым вельможей. И уж, во всяком случае, я убежден, что к армии он не имеет ни малейшего касательства.

Полковник только усмехнулся, услышав такой комплимент своему искусству перевоплощения.

-- Существует множество причин, по которым мне не должно бы вам открыться, -- продолжал между тем молодой человек, постепенно воодушевляясь. -- Быть может, поэтому-то я и намерен рассказать вам все без утайки. Во всяком случае, я вижу, что вы настроились услышать нечто нелепое, и у меня не хватает духа вас разочаровать. Свое имя, в отличие от вас, я не назову. Возраст мой не имеет прямого отношения к моему рассказу. Я прямой наследник своих предков, и наследство мое заключается в весьма сносном жилище, которое я занимаю по сей день, и капитале, дававшем триста фунтов годового дохода. Вместе с домом и этим капиталом я, должно быть, унаследовал от предков и легкомыслие, не противиться которому составляло высшее наслаждение всей моей жизни. Я получил хорошее образование. Я изрядный музыкант -- еще немного, и мог бы играть на скрипке в каком-нибудь захудалом оркестре, однако как раз этого немногого мне и недостает. То же относится к моей игре на флейте и на валторне. Выучился играть в вист и в этой премудрости преуспел настолько, что с легкостью могу проигрывать до ста фунтов в год. Знакомство мое с французским языком оказалось достаточным, чтобы мотать деньги в Париже почти с той же легкостью, что и в Лондоне. Как видите, я человек всесторонне образованный. Жизнь не обошла меня и приключениями всевозможного рода, я даже дрался на дуэли, для которой не было ни малейшего повода. А два месяца назад я повстречал молодую особу, которая показалась мне олицетворением всех совершенств, как духовных, так и физических. Сердце мое растопилось. Я наконец встретил свою судьбу и чуть было не влюбился. Но когда я принялся подсчитывать, что осталось мне от всех моих капиталов, оказалось, что у меня нет и полных четырехсот фунтов! И вот я вас спрашиваю: может ли уважающий себя человек позволить себе влюбиться, имея за душой всего четыреста фунтов?

Естественно, я должен был ответить на этот вопрос: нет, не может. Засим, расставшись с очаровательницей и несколько ускорив темп проматывания своих капиталов, к сегодняшнему утру я остался с суммой в восемьдесят фунтов в кармане. Разделив эти деньги на две равные части и отложив на одно дело сорок фунтов, остальные сорок я решил во что бы то ни стало промотать до наступления ночи. Я премило провел день, разыграл не одну комедию, подобную этой, с пирожными, благодаря которой я имел честь познакомиться с вами. Дело в том, что я, как я вам уже докладывал, задумал привести свои дурацкие похождения к еще более дурацкому концу. Когда я выбросил у вас на глазах свой кошелек на середину мостовой, те сорок фунтов у меня уже кончились. Итак, вы теперь не хуже меня самого знаете, что я представляю собой: безумец, но последовательный в своем безумии и, как вы, надеюсь, подтвердите, не нытик и не трус.

По всему тону речей молодого человека можно было заключить, что он не питает относительно себя никаких иллюзий и, напротив, горько в себе разочарован. Его собеседники догадывались, что сердечная история, которую он им поведал, затрагивала его больше, нежели он хотел показать, и что они имеют дело с человеком, задумавшим покончить все счета с жизнью. Комедия с пирожными обещала обернуться трагедией.

-- Какое, однако, совпадение, -- воскликнул Джеральдин, сделав глазами знак принцу Флоризелю, -- что в этой пустыне, именуемой Лондоном, мы трое совершенно случайно повстречали друг друга! И что к тому же мы все находимся, можно сказать, в одинаковом положении!

-- Что вы говорите? -- воскликнул молодой человек. -- Неужели вы тоже дошли до полного разорения? И этот ваш изысканный ужин -- такое же безумие, как мои пирожные с кремом? Неужели сам сатана свел нас вместе для последней пирушки?

-- Как видите, сатана подчас бывает весьма любезным джентльменом, -- сказал принц Флоризель. -- Что касается меня, я так поражен этим совпадением, что, хоть сейчас мы с вами и не совсем в равных обстоятельствах, я намерен положить этому неравенству конец. Пусть ваш героический поступок с пирожными послужит мне примером.

С этими словами принц вынул бумажник и извлек из него небольшую пачку банкнот.

-- Видите ли, я отстал недели на две, но хочу вас догнать с тем, чтобы прибыть к цели вместе с вами, ноздря в ноздю, -- продолжал он. -- Этого, -- сказал он, положив несколько бумажек на стол, -- довольно, чтобы оплатить счет за ужин. Что касается остального...

Принц швырнул остаток в пылающий камин, вся пачка вспыхнула и пламенем взвилась в трубу.

Молодой человек попытался было удержать его руку, но не успел дотянуться до него через стол.

-- Несчастный! -- воскликнул он. -- Зачем вы сожгли все ваши деньги? Надо было оставить сорок фунтов.

-- Сорок фунтов? -- переспросил принц. -- Но отчего именно сорок, скажите на милость?

-- И почему бы не все восемьдесят в таком случае? -- подхватил полковник. -- Ибо, насколько мне известно, в пачке находилось ровно сто

фунтов.

-- Больше сорока фунтов ему не понадобилось бы, -- мрачно произнес молодой человек. -- Но без них путь ему прегражден. Правила наши суровы и не допускают исключений. Сорок фунтов с души. Что за проклятая жизнь, когда человеку без денег и умереть нельзя?

Принц и полковник обменялись взглядами.

-- Объяснитесь, -- сказал последний. -- Мой бумажник при мне и, кажется, не совсем пуст. Незачем говорить, что я готов поделиться всем, что у меня есть, с Годолом. Но я должен знать, для чего. Вы обязаны нам точно все разъяснить.

Молодой человек словно внезапно очнулся от сна.

Он перевел взгляд с одного из собеседников на другого, и краска залила его лицо.

-- А вы не смеетесь надо мной? -- спросил он. -- Вы в самом деле разорены дотла?

-- Что касается меня -- вне всякого сомнения, -- сказал полковник.

-- А что касается меня, -- сказал принц, -- я, по-моему, вам это доказал. Ибо кто, кроме совершенного банкрота, станет швырять деньги в огонь? Мои действия говорят за себя.

-- Банкрот? -- задумчиво протянул молодой человек. -- Пожалуй. Или миллионер.

-- Довольно, сударь, -- сказал принц. -- Я не привык к тому, чтобы мое слово подвергалось сомнению.

-- Итак, вы разорены? -- повторил молодой человек. -- Разорены, как и я? Привыкнув не отказывать себе ни в чем, удовлетворять малейшую свою прихоть, вы наконец дошли до той точки, когда у вас остается возможность выполнить только одно, последнее, желание? И вы, -- по мере того как он говорил, его голос становился все глуше, -- и вы готовы позволить себе эту последнюю роскошь? Вы намерены с помощью единственного, безотказного и самого легкого способа избежать последствий собственного безрассудства? Вы хотите улизнуть от жандармов собственной совести через единственную дверь, оставшуюся открытой?

Молодой человек неожиданно оборвал свою речь и через силу засмеялся.

-- Ваше здоровье! -- вскричал он, осушая бокал шампанского. -- И покойной вам ночи, господа веселые банкроты!

Он поднялся было со стула, но полковник Джеральдин удержал его за руку.

-- Вы нам не доверяете, -- сказал он. -- Напрасно. На каждый из ваших вопросов я готов ответить утвердительно. Впрочем, я человек не робкого десятка и намерен называть вещи своими именами. Да, мы тоже, подобно вам, пресытились жизнью и твердо решили с ней расквитаться. Раньше или позже, вдвоем или порознь, мы решили схватить смерть за косу. Но поскольку мы повстречались с вами и ваше дело не допускает отлагательства, пусть это случится нынче же ночью -- тотчас же -- и, если вы согласны, давайте пойдем ей навстречу втроем. Такие бедняки, как мы, -- воскликнул он, -- должны войти рука об руку в царство Плутона, поддерживая один другого среди теней, его населяющих!

Джеральдин точно попал в тон взятой на себя роли. Принц даже был несколько обескуражен и метнул в своего наперсника тревожный взгляд. Между

тем краска вновь залила лицо молодого человека, и глаза его засверкали.

-- Нет, нет, я вижу, вы для меня идеальные товарищи! -- вскричал он с каким-то отчаянным весельем. -- Итак, по рукам! -- И протянул холодную, влажную руку. -- Вы и понятия не имеете, в каком обществе вам предстоит выступить в поход! И в какую счастливую для себя минуту, вы согласились отведать моих пирожных с кремом! Я всего лишь рядовой боец, но рядовой боец великой армии. Я знаю потайную калитку в царство Смерти. Я с нею накоротке и могу препроводить вас в вечность без всяких церемоний. При этом уход ваш не вызовет никаких кривотолков.

Оба собеседника принялись горячо уговаривать его покончить, наконец, с иносказаниями.

-- Можете ли вы вдвоем наскрести восемьдесят фунтов? -- спросил он.

Джеральдин для вида пересчитал наличность в своем бумажнике и ответил утвердительно.

-- Да вы баловни судьбы! -- воскликнул молодой человек. -- Сорок фунтов с каждого -- вступительный взнос в Клуб самоубийц.

-- Клуб самоубийц? -- повторил принц. -- Это что еще за штука?

-- Сейчас расскажу, -- сказал молодой человек. -- Мы с вами живем в век комфорта, и я должен поведать вам о последнем усовершенствовании в этой области. Так как у нас дела во всех уголках планеты, человечеству пришлось придумать железные дороги. Железные дороги успешнейшим образом разъединили нас с друзьями, поэтому пришлось изобрести телеграф -- чтобы и на больших расстояниях люди могли общаться друг с другом. В отелях, например, завели лифты, чтобы людям не приходилось карабкаться какие-нибудь сто ступеней по лестнице. Жизнь, как вы знаете, всего-навсего подмости, на которых каждому предоставляется возможность кривляться, покуда не наскучит. В системе современного комфорта недоставало лишь одного усовершенствования: пристойного и удобного способа сойти с этих подмостков, так сказать, черного хода на свободу, или, как я уже говорил, потайной калитки в царство Смерти. Этот-то ход, дорогие мои бунтари-единомышленники, эту калитку и открывает нам Клуб самоубийц. Не думайте, что мы с вами одиноки или даже исключительны в этом своем в высшей степени разумном желании. Таких, как вы, людей, которым до смерти надоело участвовать изо дня в день в спектакле, именуемом жизнью, великое множество, и они не уходят со сцены лишь изза тех или иных соображений. Того удерживает мысль о близких, которых слишком ошеломил бы подобный конец, а в случае огласки, быть может, и навлек бы на них нареkania; другой слишком слаб духом, чтобы собственноручно лишиться себя жизни. До некоторой степени к этому второму разряду принадлежу и я; я, например, решительно неспособен приложить к виску пистолет и нажать на курок: нечто, сильнее меня самого, мешает мне произвести этот последний жест, и, хоть жизнь мне опротивела совершенно, у меня нет сил пойти навстречу смерти самому. Вот для таких-то субъектов, а также для всех, кто мечтает вырваться из плена жизни, избежав при этом посмертного скандала, и основан Клуб самоубийц. Как он был организован, какова его история и имеются ли у него филиалы в других странах -- всего этого я не знаю; то же, что мне известно относительно -- его устава, я не вправе вам открыть. Но вот в какой мере я берусь вам способствовать: раз вы в самом деле пресытились жизнью, я вас этим же вечером представлю собранию членов клуба, и если и не нынешней

ночью, то по крайней мере на этой неделе вы будете с наименьшими для себя неудобствами избавлены от существования в этом мире. (Молодой человек взглянул на часы.) Сейчас одиннадцать. Через полчаса мы должны отсюда выйти. Итак, у вас тридцать минут, чтобы обдумать мое предложение. Это дело несколько более серьезное, я полагаю, нежели пирожные с кремом, -- заключил он с улыбкой, -- и, как мне кажется, более заманчивое.

-- Что оно более серьезное, -- сказал полковник Джеральдин, -- это так. Поэтому я позволю себе попросить пять минут для обсуждения его наедине с моим другом мистером Годолом.

-- Это -- ваше право, -- сказал молодой человек, -- и я с вашего разрешения вас на время покину.

-- Вы очень любезны, -- сказал полковник.

-- Для чего вам понадобилось это совещание, Джеральдин? -- спросил принц Флоризель, как только они остались вдвоем. -- Вы, я вижу, несколько взволнованы, между тем как я совершенно спокойно решил довести всю эту историю до конца.

-- Ваше высочество, -- сказал полковник, побледнев. -- Позвольте вам напомнить, что ваша жизнь не только дорога вашим близким, но и необходима для блага отечества. Вы слышали, как выразился наш безумец: "если и не нынешней ночью". А что, как именно этой ночью с особой вашего высочества приключится какое-нибудь непоправимое несчастье? Попытайтесь, молю вас, представить себе мое отчаяние, а также скорбь вашего великого народа.

-- Полковник Джеральдин, я намерен довести эту историю до конца, -- повторил принц голосом, не допускающим возражений. -- Будьте добры помнить и уважать свое слово джентльмена. Ни при каких обстоятельствах, без особого моего на то разрешения, вы не должны открыть инкогнито, под которым мне угодно выступать. Таков был мой приказ, и я его вам сейчас напоминаю. А теперь, -- прибавил он, -- позвольте мне просить вас позвать официанта.

Полковник Джеральдин почтительно поклонился.

Но когда в комнату вошли официант и молодой человек, угостивший их пирожными, лицо его было бледно, как полотно. Принц сохранял всю свою невозмутимость и с большим юмором и живостью принялся рассказывать молодому самоубийце последний фарс, виденный им в Пале-Рояле. Он искусно не замечал умоляющих взглядов полковника и старательнее обычного принялся выбирать сигару. Из всех троих он один и сохранял полное самообладание.

Спросив счет, принц оставил изумленному официанту всю сдачу с банкноты. Затем все трое уселись в наемную карету, которая вскоре подвезла их к воротам довольно скудно освещенного двора.

Когда они сошли на тротуар и Джеральдин расплатился с извозчиком, молодой человек обернулся к принцу Флоризелю и сказал:

-- Еще не поздно, мистер Годол, если вам угодно, вы можете вернуться к своим цепям. Да и вы тоже, майор Хаммерсмит. Подумайте хорошенько, прежде чем предпринять следующий шаг. И если сердце вам скажет: "нет", -- разойдемся подобра-поздорову.

-- Ведите нас, сударь, -- сказал принц. -- Я не из тех, кто изменяет своему слову.

-- Ваше хладнокровие меня радует, -- сказал молодой человек. -- Мне еще не доводилось видеть никого, кто бы в этих обстоятельствах сохранял подобную

невозмутимость, а скольких я приводил к порогу этого дома! Кое-кто из моих приятелей прежде меня отправился туда, куда вскоре неминуемо отправлюсь и я. Впрочем, к чему вам это знать? Обождите меня здесь несколько минут. Я приду за вами, как только договорюсь о вашем приеме в клуб.

И, помахав своим новым знакомцам рукой, молодой человек прошел в ворота и скрылся в подъезде.

-- Из всех наших безрассудств, -- произнес полковник Джеральдин вполголоса, -- это -- самое безрассудное и рискованное.

-- Вполне с вами согласен, -- сказал принц.

-- В нашем распоряжении еще две-три минуты, -- продолжал полковник. -- Позвольте же мне умолять ваше высочество воспользоваться случаем и удалиться. Шаг, который вы намерены сделать, чреват самыми грозными последствиями и может оказаться роковым. Поэтому я решаюсь злоупотребить свободой обращения, которую ваше высочество позволяет мне, когда мы остаемся наедине, без посторонних.

-- Должен я из всего этого вывести, что полковник Джеральдин поддался чувству страха? -- спросил принц и, вынув изо рта сигару, проникновенно взглянул полковнику в глаза.

-- Мой страх, во всяком случае, не имеет отношения к моей собственной персоне, -- гордо ответил тот. -- В этом ваше высочество может не сомневаться.

-- А я и не сомневался, -- благодушно произнес принц. -- Просто мне не хотелось напоминать вам о разнице в нашем с вами положении. Довольно, впрочем, -- прибавил он, предупреждая намерение полковника. -- Не надо извинений. Вы прощены.

И в ожидании молодого человека принц спокойно продолжал курить, облокотившись о решетку.

-- "Ну что? -- спросил он, когда тот вернулся. -- Удалось договориться?"

-- Следуйте за мной, -- был ответ. -- Председатель просит вас пожаловать к нему в кабинет. Позвольте предупредить вас, чтобы вы на все его вопросы отвечали с полной откровенностью. Я за вас поручился. Но по уставу клуба перед тем, как принять нового члена, его подвергают тщательному опросу. Ибо малейшая нескромность одного из членов повела бы к полному разгрому всего клуба.

Принц и Джеральдин с минуту пошептались. "Я скажу то-то", -- сказал один. "А я -- то-то", -- отвечал другой. Условившись, что каждый будет изображать когонибудь из их общих знакомых, они договорились в один миг и были готовы следовать за своим Вергилием в кабинет председателя.

На пути им не было больше никаких преград: наружная дверь стояла распахнутой настежь, дверь в кабинет -- тоже. Здесь, в маленькой комнатке с очень высоким потолком, молодой человек вновь их оставил.

-- Председатель сейчас придет, -- сказал он и, кивнув головой, ушел.

Из соседней комнаты сквозь двустворчатую дверь доносились голоса, хлопанье пробок и время от времени -- взрывы смеха. Из единственного очень высокого окна открывался вид на реку и набережную. По расположению фонарей новые кандидаты в клуб догадались, что где-то невдалеке должен находиться вокзал Черингкросс. Обставлен кабинет был скудно, чехлы на мебели были сильно потерты и, кроме ручного колокольчика посреди круглого стола да

довольно большого количества плащей и шляп на стенах, в комнате ничего не было.

-- Что за притон? -- подивился Джеральдин.

-- Вот это-то нам и предстоит выяснить, -- ответил принц. -- Если они к тому же держат здесь дьяволов во плоти, дело обещает оказаться забавным.

В эту минуту дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы пропустить одного человека. Звуки голосов усилились, и в кабинете появилась фигура грозного председателя Клуба самоубийц. На вид ему было лет пятьдесят с небольшим; он шагал широкой, слегка развинченной походкой; лицо его было окаймлено косматыми бакенбардами, на макушке просвечивала небольшая тонзура, а в тускловатых серых глазах время от времени вспыхивали огоньки. Губы его плотно сжимали толстую сигару и находились в непрерывном движении, то круговом, то из стороны в сторону, меж тем как глаза холодно и пронизательно изучали новых пришельцев. На нем был светлый костюм из ворсистого сукна и полосатая рубаха с отложным воротником. Под мышкой он держал большую конторскую книгу.

-- Добрый вечер, -- сказал он, притворяя за собою дверь. -- Мне сообщили, что вам угодно со мной побеседовать.

-- Нам хотелось бы вступить в члены Клуба самоубийц, сударь, -- ответил полковник.

Председатель перегнал сигару из одного угла рта в другой.

-- Какого такого клуба? -- резко спросил он.

-- Простите, сударь, -- ответил полковник, -- но мне кажется, вы лучше всякого другого могли бы ответить на этот вопрос.

-- Я?! -- вскричал председатель. -- Клуб самоубийц? Помилуйте, господа. Сегодня ведь не первое апреля. Ну, да я понимаю, когда джентльмены позволяют себе выпить лишнее, им подчас хочется отколоть какую-нибудь штуку. Однако хорошенького понемножку.

-- Называйте ваш клуб каким хотите именем, -- продолжал полковник, -- но у вас за этой дверью несомненно собралось общество, и нам хотелось бы к нему присоединиться.

-- Сударь, -- сухо возразил председатель, -- вы ошиблись. Это частный дом, и я прошу вас покинуть его сию минуту.

Принц во все время этого диалога продолжал спокойно сидеть в своем кресле. Теперь же, когда полковник метнул в него взор, как бы говорящий: "Вот видите, идемте же отсюда ради бога!", -- он вынул изо рта сигару и заговорил.

-- Я прибыл сюда, -- сказал он, -- по приглашению вашего знакомого. Он, разумеется, осведомил вас о желании, побудившем меня навязать вам таким образом свое общество. Позвольте вам напомнить, что бывают обстоятельства, когда люди не склонны чувствовать себя связанными какими-либо условностями и безропотно сносить оскорбления. Я человек, как правило, мирный. Однако, милостивый государь, я должен вас предупредить: либо вы окажете мне небольшую любезность -- какого характера, вы прекрасно знаете сами, -- либо вам придется горько раскаяться в том, что вы допустили меня на порог вашего кабинета.

Председатель громко рассмеялся.

-- Вот это другой разговор, -- сказал он. -- Я вижу, вы настоящий

мужчина. А знаете что? Вы мне приглянулись и можете делать со мной что хотите! Будьте добры, -- обратился он к Джеральдину, -- отойдите от нас на минутку. Кое-какие формальности, сопряженные со вступлением в наш клуб, требуют разговора с глазу на глаз, и я начну с вашего товарища.

С этими словами он открыл дверь в потайной чуланчик, предложил жестом полковнику в него войти и закрыл за ним дверцу.

-- Вам я верю, -- сказал он Флоризелю, -- но можете ли вы поручиться за своего приятеля?

-- Не скажу, чтобы я в нем был уверен, как в самом себе, -- ответил Флоризель, -- хотя причины, которые привели его сюда, еще более настоятельны, чем мои. Однако я достаточно в нем уверен, чтобы безбоязненно ввести его к вам. Столько щелчков от судьбы, сколько получил он, излечили бы самого жизнелюбивого человека от приверженности к жизни. А на днях ему еще предложили выйти из полка за то, что он передергивал в карты.

-- Что же, это причина вполне достойная, -- протянул председатель, -- у нас тут один такой случай уже имеется, и я за него совершенно спокоен. А сами вы, позвольте спросить, не служили?

-- Служил, -- ответил принц. -- Но я был ленив и вовремя покинул службу.

-- Отчего же вы решили прекратить свое существование? -- спросил председатель.

-- Да все по той же причине, насколько я понимаю, -- ответил принц. -- Непреоборимая лень.

Председатель отпрянул.

-- Черт побери! -- воскликнул он. -- Право, это не совсем уважительная причина.

-- Видите ли, у меня к тому же кончились все деньги, -- сказал Флоризель. -- И это, конечно, тоже довольно досадное обстоятельство. Лень моя, таким образом, вступила в неразрешимый конфликт с жизнью.

Председатель, крутя во рту сигарой, устремил немигающий взор прямо в глаза этому странному кандидату в самоубийцы. Принц выдержал его взгляд со своим обычным невозмутимым благодушием.

-- Если бы у меня был чуть менее богатый опыт, -- произнес наконец председатель, -- я бы, вероятно, указал вам на дверь. Но я знаю свет. Во всяком случае, настолько, что понимаю, как самые легкомысленные на первый взгляд поводы для самоубийства могут подчас оказаться наиболее вескими. К тому же, сэр, мне трудно в чем-либо отказать человеку, который придется мне по душе, и я скорее готов сделать для него некоторое послабление.

Затем принц и полковник, один за другим, по очереди, были подвергнуты длительному и весьма строгому опросу. Принца председатель допросил с глазу на глаз, полковника Джеральдина -- в присутствии принца, с тем, чтобы по выражению лица последнего определить, правду ли отвечает допрашиваемый. По всей видимости, председателя результат удовлетворил. Занеся некоторые сведения к себе в протокольную книгу, он предложил им текст клятвы, которую каждый должен был скрепить своей подписью. Большого закабаления воли, более стеснительных условий невозможно было себе представить. Нарушить столь страшную клятву означало бы утратить последние остатки чести и лишиться всех утешений, какие дарует людям религия.

Флоризель договор подписал, хоть и не без внутреннего содрогания. Полковник уныло последовал его примеру. После этого председатель принял от них вступительный взнос и без дальнейших церемоний ввел новых членов в курительную комнату Клуба самоубийц.

Здесь был такой же высокий потолок, что и в кабинете, из которого они вышли, но сама комната была просторнее и оклеена обоями, имитирующими дубовую обшивку. Ее освещал весело потрескивающий огонь в камине и торчавшие из стен газовые рожки. Вместе с принцем и его компаньоном в курительной собралось восемнадцать человек. Почти все курили и пили шампанское, в комнате царило лихорадочное веселье, но время от времени в ней вдруг наступала зловещая тишина.

-- Сегодня все в сборе? -- спросил принц.

-- Более или менее, -- ответил председатель. -- Кстати, -- прибавил он, -- если у вас остались еще при себе какие-нибудь деньги, здесь принято угощать шампанским. Это поднимает дух у общества, а мне, помимо прочего, приносит небольшой доход.

-- Хаммерсмит, -- распорядился Флоризель. -- Позаботьтесь, пожалуйста, о шампанском.

С этим он повернулся и начал обход гостей. Привыкший играть роль хозяина в самых высоких сферах, он без труда пленил и покорил всех, с кем беседовал. В его манерах была чарующая смесь властности и доброжелательства. А необычайная его невозмутимость придавала ему особое достоинство среди этой компании полуманьяков. Переходя от одного к другому, он внимательно вглядывался и вслушивался во все, что происходило кругом, и вскоре составил себе некоторое представление о людях, среди которых очутился. Как водится во всякого рода притонах, здесь преобладал определенный человеческий тип: люди в расцвете молодости, со всеми признаками острого ума и чувствительного сердца, но лишённые той энергии или того качества, без которого нельзя достичь успеха ни на одном жизненном поприще. Мало кому перевалило за тридцать, попадались даже юнцы, не достигшие двадцатилетнего возраста. Одни отчаянно курили, другие, сами того не замечая, держали во рту погасшие сигары. Некоторые говорили оживленно и с блеском, большинство же предавалось пустой болтовне, треща языком без остроумия и смысла, с единственной целью -- разрядить свое нервное напряжение. Всякий раз, как открывалась новая бутылка шампанского, веселье вспыхивало с новой силой. Почти все стояли -- одни, опираясь о стол, другие -- переминаясь с ноги на ногу. Сидели только двое. Один из них занимал кресло подле окна. Бледный, безмолвный, весь в испарине, он сидел, опустив голову и засунув руки в карманы, -- полная развалина. Другой пристроился на диване подле камина. Он настолько отличался от всех остальных, что невольно обращал на себя внимание. Ему было, должно быть, немногим больше сорока, но выглядел он на добрых десять лет старше. Никогда Флоризелю не доводилось видеть человека более безобразного от природы, на котором к тому же столь пагубно отразилась болезнь, вызванная, по-видимому, неумеренным образом жизни. От него остались кожа да кости, он был наполовину парализован, и его очки были такой необычайной силы, что глаза за ними казались огромными и деформированными. Не считая принца и председателя, он был единственным из присутствующих, кто сохранял спокойствие.

Члены клуба не очень стеснялись условностями.

Одни хвастали своими безобразными поступками, заставившими их искать убежища в смерти, другие слушали без порицания. Казалось, у них была негласная договоренность ни к чему не применять нравственной мерки. Таким образом, всякий, попавший в помещение клуба, уже как бы заранее пользовался привилегиями жильца могилы. Они провозглашали тосты в память друг друга, пили за прославленных самоубийц прошлого; обменивались взглядами на смерть, -- на этот счет у каждого была своя теория. Одни заявляли, что в смерти нет ничего, кроме мрака и небытия, другие высказывали надежду, что, быть может, этой ночью они начнут свое восхождение к звездам и приобщатся к сонму великих теней.

-- За бессмертную память барона Тренка, этого образца среди самоубийц!
-- провозгласил один. -- Из тесной каморки жизни он вступил в другую, еще более тесную, с тем, чтобы выйти, наконец, на простор и свободу!

-- Что касается меня, -- сказал другой, -- единственное, о чем я мечтал, это о повязке на глаза да вате, чтобы заткнуть уши. Но увы! В этом мире не сыскать достаточно толстого слоя ваты.

Третий предполагал, что в их будущем состоянии им удастся проникнуть в тайну бытия; четвертый заявил, что ни за что не примкнул бы к клубу, если бы теория мистера Дарвина не показалась ему столь убедительной.

-- Мысль, что я являюсь прямым потомком обезьяны, -- сказал сей оригинальный самоубийца, -- показалась мне невыносимой.

В общем же принц был несколько разочарован манерами и разговором членов клуба. "Неужели все это так важно, -- подумал он, -- чтобы поднимать такую суету? Если человек решил уйти из жизни, какого черта он не совершает этот шаг, как подобает джентльмену? Вся эта возня и велеречие совершенно неуместны".

Между тем полковник Джеральдин предавался самым мрачным размышлениям. Клуб и устав его все еще оставались для него загадкой, и он переводил взор с одного лица на другое в надежде найти кого-нибудь, кто бы мог его успокоить. Взгляд его упал на паралитика в сильных очках; пораженный его спокойствием, он перехватил председателя, который то и дело появлялся и исчезал, и попросил познакомить его с джентльменом, сидящим на диване.

Председатель объяснил, что у них в клубе нет надобности прибегать к таким церемониям, но тем не менее представил мистера Хаммерсмита мистеру Мальтусу.

С любопытством оглядев полковника, мистер Мальтус указал ему на место подле себя.

-- Вы здесь свежий человек, -- сказал он, -- и желаете во всем разобраться, не так ли? Ну что ж, вы обратились по верному адресу. Вот уже два года, как я являюсь посетителем этого прелестного клуба.

Полковник вздохнул с облегчением. Если мистер Мальтус целых два года посещает этот притон, то навряд ли принца ожидает опасность в первый же вечер. Впрочем, Джеральдин терялся в догадках. Уж не водят ли их с принцем за нос?..

-- Как? -- вскричал он. -- Два года? Я думал... Впрочем, должно быть, надо мною подшутили.

-- Отнюдь, -- спокойно ответил мистер Мальтус. -- Я здесь на особом

положении. Я, собственно, являюсь не самоубийцей, а всего лишь, так сказать, почетным членом этого клуба. Я посещаю его раз в месяц, а то и реже. Благодаря любезности нашего председателя и из уважения к состоянию моего здоровья я пользуюсь некоторыми льготами, за которые и вношу повышенную плату. Впрочем, мне к тому же очень везет.

-- Простите, -- сказал полковник, -- но я просил бы вас несколько подробнее обрисовать обстановку. Как вы сами понимаете, у меня еще весьма смутное представление о порядках в этом клубе.

-- Рядовой член клуба, который, подобно вам, вступает в него с намерением встретить смерть, -- сказал мистер Мальтус, -- является сюда каждый вечер, покуда ему не улыбнется удача. Если он не имеет ни гроша, он даже может здесь поселиться на полном пансионе. Условия, на мой взгляд, вполне сносные -- без излишней роскоши, но чисто. Впрочем, на роскошь претендовать не приходится, учитывая скудость вступительного взноса, не в обиду вам будь сказано. Прибавьте сюда общество самого председателя -- а это само по себе изысканнейшее удовольствие.

-- Право? -- воскликнул Джеральдин. -- А меня, представьте, он не слишком очаровал.

-- Ах, вы не знаете этого человека, -- сказал мистер Мальтус. -- Занятнейшая личность! А какой рассказчик! Сколько цинизма! Он знает жизнь, как никто, и, между нами говоря, должно быть, во всем христианском мире не сыскать большего негодяя, плута и распутника, чем он.

-- И он тоже, -- спросил полковник, -- в некотором роде величина постоянная, как и вы?

-- Ах, нет, он величина постоянная, но совсем в другом роде, нежели я, -- ответил мистер Мальтус. -- Я просто пользуюсь любезно предоставленной мне отсрочкой, но в конце концов тоже должен буду отправиться, куда и все. Он же вне игры. Он тасует и раздает карты, а затем предпринимает необходимые шаги. Этот человек, мой дорогой мистер Хаммерсмит, -- воплощенная изобретательность. Вот уже три года, как он подвизается в Лондоне на своем полезном и, я бы сказал, артистическом поприще. Причем ни разу ему не довелось навлечь на себя и тени подозрения. Не сомневаюсь ни минуты, что этот человек гениален. Вы, конечно, помните нашумевший случай отравления в аптеке полгода назад? Это был один из наименее эффектных, наименее острых плодов его фантазии. Но какая при этом простота! И какая чистая работа!

-- Вы меня поражаете, -- сказал полковник. -- Так этот несчастный был одной из... -- Полковник -- собирался было сказать "жертв", но вовремя поправился: -- Одним из членов клуба?

И тут же полковнику пришло в голову, что мистер Мальтус не производит впечатления человека, жаждущего смерти, и он поспешно прибавил:

-- Но я все еще бреду, как в потемках. Вы только что упомянули карты. Объясните мне, пожалуйста, при чем здесь карты? К тому же у меня такое впечатление, что вы не только не стремитесь к смерти, но, напротив, хотели бы ее оттянуть. Что же в таком случае заставляет вас приходиться сюда?

Мистер Мальтус заметно оживился.

-- Вы и в самом деле ничего еще не понимаете, -- сказал он. -- Атмосфера этого клуба, милостивый мой государь, кружит голову лучше самого крепкого вина. Поверьте, если бы не состояние моего здоровья, я бы чаще

припадал к этому источнику. Только чувство долга, поддерживаемое длительной привычкой к недомоганию и строгому режиму, удерживает меня от излишеств в этом, я могу сказать, последнем моем наслаждении. Я испытал их все, сударь, -- продолжал он, коснувшись рукой плеча Джеральдина. -- Все без исключения, и, честью клянусь вам, люди бессовестно лгут, говоря о радостях, которые им доставляют эти наслаждения. Они играют любовью. А я вам скажу, что любовь отнюдь не самая сильная из страстей. Страх -- вот сильнейшая страсть человека. Играйте страхом, если вы хотите испытать острейшее наслаждение в жизни. Завидуйте мне, завидуйте, сударь, -- прибавил он и радостно усмехнулся. -- Ведь я величайший трус на свете!

Джеральдин с трудом подавил отвращение к этому омерзительному существу. Однако он обуздал себя и продолжал свои расспросы.

-- Но каким образом, сударь, -- спросил он, -- удастся вам столь искусно продлевать это наслаждение? И разве здесь есть какой-либо элемент случайности?

-- Я расскажу вам, каким образом выбирается жертва на каждый вечер, -- ответил мистер Мальтус. -- И не только жертва, но и тот из членов клуба, которому надлежит выполнять роль орудия рока и верховного жреца смерти.

-- Боже милостивый! -- воскликнул полковник. -- Следовательно, сами члены клуба убивают друг друга?

Мальтус кивнул головой.

-- Именно таким образом, -- сказал он, -- снимается вся тяжесть самоубийства.

-- О боже, -- повторил полковник. -- Значит, и вы, и я, и даже сам... я хочу сказать, и мой приятель -- любой из нас этой же ночью может быть вынужден сделаться убийцей своего ближнего и его бессмертной души? Неужели среди людей, рожденных женщиной, возможно такое? Неслыханный позор!

Джеральдин чуть не вскочил от ужаса, и только грозный и суровый взгляд принца Флоризеля, стоявшего в другом конце комнаты, удержал его на месте. Этот взгляд возвратил полковнику его привычное самообладание.

-- Впрочем, -- сказал он, -- почему бы и нет? А поскольку вы утверждаете, что игра эта забавна, *vogue la galere* [1], -- куда все, туда и я!

Мистер Мальтус остро наслаждался удивлением и ужасом полковника. Он обладал особым тщеславием -- тщеславием порока, при котором всякое благородное движение души другого вызывает чувство собственного превосходства; закоснев в самодовольном разврате, он чувствовал себя недоступным для подобных порывов.

-- Ну вот, -- сказал он, -- теперь, отдав дань удивлению, вы можете оценить всю прелесть нашей клубной жизни. Как видите, она соединяет в себе азарт карточной игры, рулетки, дуэли и римского амфитеатра. Язычники знали свое дело, и я от всей души восхищен их тонкостью, но только христианам было дано довести эту квинтэссенцию ощущений, это совершенство изошренности до абсолюта. Теперь вы понимаете, какими пресными должны казаться все прочие удовольствия человеку, вкусившему от этой высшей радости? Что касается самой игры, -- продолжал он, -- она проста до чрезвычайности. Берется колода карт -- впрочем, кажется, уже пришло время, и вы сами сможете наблюдать всю процедуру. Позвольте опереться на вашу руку! Я имею несчастье быть

парализованным.

И в самом деле, к тому времени, как мистер Мальтус приступил к описанию игры, двери курительной распахнулись, и все члены клуба стали с некоторой суетой и поспешностью проходить в соседнюю комнату. Она мало отличалась от той, которую они покинули, только меблирована была несколько иначе. Посредине стоял длинный стол, покрытый зеленым сукном. За столом сидел председатель и старательно тасовал колоду карт. Несмотря на костыль и поддержку полковника, мистер Мальтус передвигался с таким трудом, что, когда они вошли, все члены клуба уже сидели за столом. Пропустив Мальтуса с полковником, принц проследовал за ними, и все трое уселись вместе в дальнем от председателя конце стола.

-- В колоде пятьдесят две карты, -- шепнул мистер Мальтус. -- Следите за тузом пик -- это знак смерти, а также за тузом треф; получивший его назначается исполнителем на эту ночь. О счастливые молодые люди! -- прибавил он. -- У вас не притупилось зрение, и вы можете следить за игрой. Увы, я с этого расстояния не отличаю двойки от туза!

С этими словами он водрузил себе на нос еще одну пару очков.

-- Я хочу следить за выражением лиц хотя бы, -- пояснил он.

Полковник торопливым шепотом пересказал своему другу все, что ему удалось узнать от почетного члена клуба, и о страшной альтернативе, ожидающей каждого. Холод пробежал по жилам принца, сердце его сжалось. Он проглотил подступивший к горлу ком, и на миг все поплыло перед его глазами.

-- Смелый рывок, -- прошептал полковник, -- и мы еще можем очутиться на свободе.

Это замечание привело принца в чувство.

-- Перестаньте, -- сказал он. -- Какой бы ни была ставка, вы обязаны играть, как подобает джентльмену.

Он вновь обвел окружающих взглядом, в котором уже нельзя было прочитать и следа замешательства. Сердце, однако, билось у него ускоренно, в груди он ощутил нестерпимое жжение. Кругом царила напряженная тишина. Лица у всех были бледны, но самой бледной была физиономия мистера Мальтуса. Глаза его, казалось, вылезали из орбит, голова неудержимо тряслась, руки беспрестанно поднимались ко рту, хватаясь за дрожащие, пепельно-серые губы. По всей видимости, наслаждение, которое испытывал почетный член клуба, носило в самом деле характер весьма своеобразный.

-- Господа, внимание! -- произнес председатель и принялся раздавать карты в противоположность общепринятому порядку, справа налево; после каждой сданной карты председатель выдерживал паузу, и каждый игрок должен был показать, что он получил. Почти все немного мешкали, прежде чем открыть свою карту. Бывало, что пальцы отказывались слушаться и игрок Долго возился над плотным, скользким прямоугольником. Чем ближе подходила очередь к принцу, тем нестерпимее становилось его волнение. Он чуть не задышался. Впрочем, в его характере было нечто от игрока; к собственному удивлению, он отметил, что испытывает некоторый душевный подъем. Ему досталась девятка червей. Джеральдину -- тройка пик. На долю мистера Мальтуса выпала королева червей, и он невольно всхлипнул от облегчения. Почти одновременно открыл свою карту молодой человек, угощавший пирожными с кремом. Карта затрепетала и замерла в его руках: туз треф! Он пришел сюда, чтобы быть убитым, но не затем, чтобы

убивать! Принц в своем благородном сочувствии к его положению чуть не забыл об угрозе, которая по-прежнему нависала над ним и над его другом.

Председатель стал сдавать второй раз. Карта смерти все не появлялась. Игроки затаили дыхание, и только время от времени раздавался чей-нибудь прерывистый вздох. Принцу вновь попались черви. Джеральдину на этот раз -- бубны. Но когда мистер Мальтус перевернул свою карту, из его уст раздалось какое-то нечленораздельное блеяние. Он поднялся на ноги и вновь опустился в кресло -- паралич его словно рукой сняло! В своей жажде сильных ощущений почетный член клуба самоубийц на этот раз зашел слишком далеко: ему выпал туз пик.

Все разом заговорили. Позы игроков сделались непринужденнее, один за другим они стали подниматься из-за стола и возвращаться в курительную. Председатель потянулся и зевнул, как после долгого рабочего дня. Один мистер Мальтус оставался в кресле. Неподвижный, хмельной, совершенно раздавленный, он продолжал сидеть, так и не убрав со стола рук и уронив на них голову.

Принц и Джеральдин, не мешкая, покинули клуб. Ясная и холодная ночь заставила их еще отчетливей осознать весь ужас того, чему они были свидетелями.

-- Увы! -- вскричал принц. -- Быть связанным такой страшной клятвой и в таком страшном деле! Не иметь возможности остановить эту торговлю человеческой жизнью, которая не только остается безнаказанной, но даже еще приносит доход! Ах, если бы только я имел право нарушить клятву!

-- Для вашего высочества это невозможно, -- сказал полковник, -- ибо ваша честь -- это честь всей Богемии. Зато я могу себе позволить такую роскошь.

-- Джеральдин, -- сказал на это принц. -- Если в каком-либо из приключений, в которые я вас вовлек, пострадает ваша честь, я не только не прошу этого вам, но -- и я полагаю, что это для вас еще хуже, -- я никогда не смогу простить себе.

-- Слово вашего высочества -- закон, -- сказал полковник. -- Но давайте хоть уйдем подальше от этого проклятого места.

-- Да, да, -- сказал принц. -- Позовите извозчика, ради всех богов, и попробуем хотя бы во сне забыть о позоре нынешней ночи.

Любопытно, однако, что прежде чем покинуть тупичок, принц Флоризель внимательно прочитал его название.

На следующее утро, едва принц пробудился ото сна, полковник Джеральдин принес ему свежую газету, в которой был отчеркнут следующий столбец:

"ПРИСКОРБНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ. Сегодня, в два часа утра, мистер Бартоломей Мальтус, проживавший в доме N 16 на площади Чепстоу, Уэстберн Гроув, возвращаясь вместе со своим знакомым после вечера, проведенного в гостях, и желая остановить извозчика, споткнулся о парапет на Трафальгарской площади, сломав при этом руку и ногу, а также повредив черепную коробку. Смерть наступила мгновенно. Потерпевший страдал параличом, и есть основания полагать, что падение его произошло вследствие очередного приступа болезни. Мистер Мальтус был широко известен в самых почтенных кругах общества, и его гибель вызовет глубокую и повсеместную скорбь".

-- Если только существует прямая дорога в ад, -- торжественно произнес полковник, -- душа этого несчастного уже там.

Принц закрыл лицо руками и некоторое время не нарушал молчания.

-- Я почти рад тому, что его больше нет в живых, -- продолжал полковник. -- Но должен признаться, что мое сердце обливается кровью при мысли о молодом человеке, угощавшем нас пирожными с кремом.

-- Джеральдин, -- сказал принц, подняв голову, -- еще вчера вечером этот бедный молодой человек был столь же неповинен в пролитии крови, как мы с вами. А теперь на его душе этот смертный грех. Когда я думаю о председателе, во мне все переворачивается. Я еще не знаю, как я это сделаю, но только, клянусь богом, я заставлю мерзавца молить меня о пощаде. О эта игра! Какой незабываемый урок!

-- Незабываемый, -- подхватил полковник, -- и, надеюсь, последний.

Принц так долго не отвечал, что Джеральдин не на шутку встревожился.

-- Неужели вы собираетесь туда возвращаться? -- воскликнул он. -- Неужели вы не пострадали вдоволь, неужели еще не насмотрелись? Ответственность, с которой сопряжено ваше высокое положение, запрещает вам вновь подвергнуть свою особу подобному риску.

-- В ваших словах есть доля справедливости, -- сказал принц Флоризель, -- не могу сказать, чтобы я был доволен своим упорством. Но увы! Под пышным нарядом даже самого великого властелина скрывается всего лишь простой смертный! Ах, Джеральдин, я и сам готов проклинать свою слабость! Но все равно я ничего не могу с собой поделать. Я не могу оставаться равнодушным к печальной участи несчастного молодого человека, с которым мы ужинали не далее как вчера вечером. Могу ли я допустить, чтобы председатель безнаказанно продолжал свою гнусную торговлю человеческими жизнями? Могу ли, повстречав столь увлекательное приключение, оборвать его и остановиться на полпути? Нет, Джеральдин, вы требуете от принца Богемского большего, чем может человек, имеющий честь носить этот титул. Итак, нынче вечером мы вновь займем свои места за зеленым столом Клуба самоубийц.

Полковник Джеральдин бросился на колени перед принцем.

-- Если вашему высочеству понадобится моя жизнь, -- взмолился он, -- берите ее, не задумываясь. Она принадлежит вам всецело. Но только, ради бога, не требуйте, чтобы я поддерживал вас в предприятии, сопряженном с таким ужасным риском!

-- Полковник Джеральдин, -- несколько надменно ответил принц. -- Жизнь ваша принадлежит всецело вам. Я полагал, что ваша преданность выражается в беспрекословном выполнении моей воли. Но в покорности, если она исходит не от души, я не нуждаюсь. Прибавлю лишь одно: ваша настойчивость в этом вопросе исчерпала мое терпение.

Шталмейстер принца Флоризеля поднялся с колен.

-- Ваше высочество, -- произнес он, -- не позволите ли вы мне покинуть вас до вечера? Как честный человек, я не имею права вступать вторично в этот роковой дом, не приведя прежде в порядок своих дел. Я обещаю, что ваше высочество никогда более не встретит непокорности от своего преданнейшего и благодарнейшего слуги.

-- Мой дорогой Джеральдин, -- ответил принц. -- Мне всегда больно, когда вы вынуждаете меня напоминать о неравенстве моего и вашего положения. Располагайте сегодняшним днем, как вам угодно, но только будьте здесь вечером не позднее одиннадцати, в том же обличье, что и вчера.

На этот раз число членов клуба было меньше, чем накануне. Когда Джеральдин с принцем прибыли, в курительной собралось человек десять -- двенадцать, не больше. Его высочество отвел председателя в сторонку, чтобы горячо поздравить с кончиной мистера Мальтуса.

-- Я всегда радуюсь, когда встречаю способного человека, -- сказал он, -- а у вас, я вижу, способностей хоть отбавляй. Призвание ваше весьма щекотливого свойства, и, однако, я вижу, с каким блеском и с какой предусмотрительностью вы справляетесь с вашими обязанностями.

Председатель был заметно польщен похвалами лица, незаурядность которого он не мог не чувствовать, и смиренно поблагодарил за комплимент.

-- Бедняга Мальти! -- прибавил он. -- Мой клуб совсем не тот без него, право! Большая часть моих клиентов -- юнцы, сударь, а с этой романтической молодежью не очень-то разговоришься. Впрочем, Мальти был не чужд романтики, но только его романтизм был близок моей душе.

-- Могу себе представить, как уютно вы должны были чувствовать себя с мистером Мальтусом, -- ответил принц. -- Мне он показался личностью весьма своеобразной.

Вчерашний молодой человек находился тут же, но он был молчалив и, видимо, угнетен. Его новые знакомцы тщетно пытались вовлечь его в разговор.

-- Ах, как я раскаиваюсь, -- воскликнул он, -- что ввел вас в этот проклятый притон! Бегите отсюда, покуда руки ваши не осквернились кровью. Если бы вы слышали, как завизжал старик, падая на тротуар, -- и как захрустели его кости! Пожелайте мне, если у вас есть капля участия к недостойному -- пожелайте мне получить нынешней ночью туза пик!

В течение вечера подошли еще несколько членов клуба, но, когда все уселись за зеленое сукно, общее число их не превышало чертовой дюжины. Принц, несмотря на то, что ужас сжимал его сердце, вновь ощутил прилив неизъяснимой радости. Но что его удивило больше, это что Джеральдин казался значительно спокойнее, чем накануне. "Как странно, -- подумал принц, -- что такое обстоятельство, как составление завещания, могло бы так действовать на человека его возраста".

-- Внимание, господа! -- возвестил председатель и принялся сдавать.

Трижды карты обошли стол, а роковые тузы все еще не появлялись. Когда председатель начал метать в четвертый раз, напряжение достигло высшей точки. Каждому оставалось получить еще одну карту. Принц сидел через одного от председателя, по его левую руку, и, поскольку сдача шла против часовой стрелки, ему должна была достаться предпоследняя карта. Игрок, сидевший третьим справа от председателя, получил черного туза. Это был туз треф. Следующему достались бубны, его сосед получил черви и так далее. Туз пик все не появлялся. Наконец Джеральдин, сидевший рядом с принцем, по его левую руку, перевернул свою карту. Ему вышел туз, туз червей.

Когда перед принцем Флоризелем легла на стол карта, которая должна была решить его судьбу, сердце его внезапно остановилось в груди. Несмотря на все его мужество, капли пота выступили на его челе. Ровно пятьдесят шансов из ста были за то, что он человек обреченный. Он перевернул карту: это был туз пик. В голове у него зашумело, в глазах помутилось. Он слышал, как судорожно расхохотался сосед: в этом жутком смехе были и радость и разочарование. Видел, как, встав из-за стола, игроки поспешно покидали комнату. Но мысли

его были заняты другим. Ему представилось все преступное безрассудство его поведения: в расцвете сил и здоровья, наследник престола, он проиграл свое будущее -- и не только свое собственное, но и будущее своей славной, мужественной страны. "О господи! -- вскричал он. -- Боже милостивый, прости меня!" Впрочем, он тотчас с собой справился.

К его удивлению, Джеральдин куда-то исчез. В опустевшей комнате председатель вполголоса совещался с тем, кому на эту ночь выпала роль палача. Казалось, в комнате, кроме их троих, не было никого. Но тут к принцу незаметно подошел молодой человек, угощавший пирожными, и шепнул ему в самое ухо:

-- Я бы дал миллион, если бы у меня он был, за то, чтобы мне выпало ваше счастье.

Принц не мог удержаться от мысли, что он согласился бы уступить свою удачу и за гораздо более скромную сумму.

Между тем совещание с палачом пришло к концу. Владелец туза трэф вышел из комнаты с видом человека, понявшего свою задачу, а председатель подошел к принцу с протянутой рукой.

-- Рад был с вами познакомиться, сударь, -- сказал он, -- и счастлив, что мне удалось оказать вам эту пустяковую услугу. Во всяком случае, вы не имеете оснований жаловаться на проволочку. На второй же день -- это редкая удача!

Принц тщетно пытался произнести что-то в ответ. У него пересохло во рту, и язык отказывался повиноваться.

-- Вам немного не по себе? -- участливо спросил председатель. -- Это бывает почти со всеми. Может, хотите глоток бренди?

Принц в знак согласия кивнул, и тот наполнил ему рюмку.

-- Бедняга Мальти! -- воскликнул председатель, когда принц осушил рюмку. -- Он выпил чуть ли не целую пинту, а толку никакого!

-- Должно быть, я лучше поддаюсь лечению, -- сказал принц и в самом деле почувствовал, что дурнота проходит. -- Я снова, как видите, владею собой. Теперь будьте любезны объяснить мне, что я должен делать дальше.

-- Вы должны идти вдоль Стрэнда по направлению к Сити, по левой стороне улицы, куда не повстречаетесь с господином, который только что нас покинул. Он сообщит вам дальнейшие распоряжения, а вы уж будьте любезны в точности их выполнить. На эту ночь он облечен верховной властью. Итак, -- заключил председатель, -- позвольте пожелать вам приятной прогулки.

Кое-как поблагодарив хозяина, Флоризель откланялся и пошел прочь. Проходя сквозь курительную, в которой игроки все еще допивали заказанное принцем шампанское, он с удивлением отметил, что в душе посылает им всем проклятия. В кабинете председателя он надел пальто и шляпу и разыскал свой зонт среди полдюжины других, стоявших в углу. Обыденность этих действий в сочетании с мыслью, что он совершает их в последний раз, вызвала у него странный приступ смеха, прозвучавший неприятно в его собственных ушах. Он вдруг почувствовал, что ему не хочется выходить из кабинета, и на минуту повернулся к окну. Вид фонарей и окружающего их мрака заставил его вновь опомниться.

-- Ну же, ну, -- сказал он себе, -- будь мужчиной! Ступай.

На углу Бокс-корта какие-то три молодчика накупились на принца

Флоризеля и грубо швырнули его в карету, которая тут же покатила дальше. В карете оказался еще один пассажир.

-- Простит ли мне ваше высочество мое рвение? -- произнес хорошо знакомый голос.

Принц бросился полковнику на шею.

-- Как могу я вас отблагодарить? -- вскричал он. -- И как все это произошло?

Несмотря на все свое мужество и готовность, не дрогнув, встретить свою судьбу, принц несказанно обрадовался дружескому насилию, возвращавшему ему и жизнь и надежду.

-- Вы отлично меня отблагодарите, -- ответил полковник, -- если обещаете в будущем избегать таких рискованных положений. Что касается вашего второго вопроса, все оказалось чрезвычайно просто. Я договорился за несколько часов до заседания клуба с известным детективом. Он гарантировал полную тайну, за что ему и была выдана соответствующая сумма. Исполнителями операции были в основном ваши собственные слуги. С наступлением темноты дом в Бокс-корте был окружен, а эти лошади -- из ваших же конюшен -- вот уже почти час, как поджидали вас здесь.

-- А тот несчастный, что был приговорен меня убить? Что с ним?

-- Как только он покинул здание клуба, его связали по рукам и ногам, -- ответил полковник, -- и он теперь ожидает вашего приговора во дворце, куда вскоре свезут всех его сообщников.

-- Джеральдин, -- сказал принц. -- Вопреки моим приказаниям вы спасли мне жизнь и прекрасно поступили. Я обязан вам не только жизнью, но и уроком. И я был бы недостоин звания принца Богемского, если бы не отблагодарил своего учителя. Предоставляю вам избрать форму, в которую должна вылиться моя благодарность.

В разговоре друзей наступила длительная пауза. Каждый был погружен в свои размышления, между тем как карета продолжала быстро катиться по улицам Лондона. Первым молчание нарушил полковник Джеральдин.

-- В распоряжении вашего высочества, -- сказал он, -- находится изрядное число арестованных. Среди них имеется по крайней мере один преступник, которому должно воздать полной мерой за его преступления. Клятва, которой мы оба связаны, запрещает прибегнуть к закону. Но даже если бы мы нашли возможным нарушить ее, соображения государственного порядка все равно не позволили бы предать дело гласности. Разрешите спросить, ваше высочество, что вы намерены предпринять?

-- Это уже решено, -- ответил Флоризель. -- Председатель должен пасть в поединке. Остается лишь выбрать ему противника.

-- Ваше высочество, вы предложили мне назвать свою награду, -- сказал полковник. -- Позвольте же просить вас назначить противником в этом поединке моего брата. Я сознаю, сколь почетно и ответственно подобное поручение, но смею заверить ваше высочество, мой братец выполнит его с честью.

-- Вы просите о страшной услуге, -- отвечал принц, -- но я не могу вам отказать ни в чем.

Полковник с почтительной нежностью поцеловал принцу руку. Между тем карета въехала под арку, ведущую в роскошную резиденцию принца.

Час спустя принц Флоризель, облаченный в парадный мундир и при всех

орденах Богемского королевства, принимал у себя членов Клуба самоубийц.

-- Несчастные безумцы, -- обратился он к ним. -- Каждый, кого в Клуб самоубийц привела бедность, получит работу и соответственное вознаграждение. Если же вас мучит совесть, вам следует обратиться к властителю более могущественному и милосердному, чем я. Жалость, которую я испытываю ко всем вам, глубже, чем вы можете себе представить. Завтра каждый из вас расскажет мне повесть своей жизни. Чем вы будете со мной откровенней, тем легче мне будет вам помочь. Что касается вас, -- обратился принц к председателю, -- я проявил бы верх бестактности, если бы вздумал навязывать помощь человеку столь блистательных талантов. Зато я могу предложить вам следующее развлечение. Этот молодой офицер, -- здесь принц Флоризель положил руку на плечо младшего брата полковника Джеральдина, -- изъявил желание проехаться в Европу. Я попрошу вас как об особом одолжении принять участие в этой маленькой прогулке. Владеете ли вы пистолетом? -- спросил принц, внезапно переменив тон. -- Может статься, что вам понадобится это искусство. Когда два джентльмена отправляются вместе в турне, надо быть готовым ко всему. Позвольте прибавить, что если вы в силу каких-либо обстоятельств потеряете в пути юного мистера Джеральдина, среди моих приближенных всегда найдется другой джентльмен, готовый поступить в ваше распоряжение. И, надо сказать, господин председатель, что я славлюсь зорким зрением и длинной рукой, которая достает до самых отдаленных уголков нашей планеты.

Этими словами, произнесенными ледяным тоном, принц заключил свою речь. На следующее утро, устроив со свойственной ему широтой судьбу бывших членов Клуба самоубийц, принц отправил их председателя путешествовать в сопровождении мистера Джеральдина и двух преданных и искушенных придворных лакеев. Впрочем, он не удовольствовался этим и поместил своих агентов, людей, которым он мог верить, как самому себе, сторожить Бокс-холл. Вся корреспонденция и все лица, прибывающие в бывшее помещение Клуба самоубийц, направлялись ими к самому принцу Флоризелю.

На этом, по словам нашего арабского рассказчика, и кончается история молодого человека с пирожными, который ныне является почтенным домовладельцем и проживает на Вигмор-стрит, что возле Кавэндиш-сквера. Номер дома, по понятным причинам, я не намерен предавать гласности. Тем же, кому угодно узнать о дальнейших приключениях принца Флоризеля и председателя Клуба самоубийц, мы можем рекомендовать повесть об английском докторе и дорожном сундуке. Итак...

ПОВЕСТЬ ОБ АНГЛИЙСКОМ ДОКТОРЕ И ДОРОЖНОМ СУНДУКЕ

Молодой американец мистер Сайлас К. Скэддемор был кроток и простодушен, что следует вменить ему в особую заслугу, поскольку он родом был из Новой Англии, стороны славной в Новом Свете отнюдь не вышеназванными качествами. Человек весьма и весьма состоятельный, он тем не менее заносил все свои расходы в маленькую записную книжку, а радости парижской жизни вкушал с высоты седьмого этажа скромной гостиницы Латинского квартала. Бережливость его была следствием привычки, а добродетельное поведение, выгодно отличавшее его в кругу знакомых, имело основанием робость, присущую юному возрасту.

В соседней с ним комнате проживала некая особа весьма привлекательной

наружности. Изыщество ее туалетов заставило Сайласа поначалу принять ее за графиню. Со временем, однако, он узнал, что зовут ее мадам Зефирин и что, каково бы ни было ее истинное положение в обществе, знатностью рода она не отличается. Мадам Зефирин -- быть может, в надежде пленить юного американца -- то и дело попадалась ему на лестнице; при этом она всякий раз слегка наклоняла головку, роняла два-три слова приветствия, которые непременно сопровождалась испепеляющим взглядом ее черных очей, и, прошуршав мимо, оставляла в его впечатлительной памяти прелестное видение ножки чуть повыше ботинка. Впрочем, все эти авансы, вместо того чтобы ободрить мистера Скэддемора, повергали его в глубочайшее уныние и еще больше увеличивали его застенчивость. Раза два-три она даже заходила к нему -- попросить спичек или извиниться за мнимые прегрешения своего пуделя, -- и, однако, в присутствии столь блистательной дамы он неизменно терял дар речи, и ни одно французское слово не приходило ему на ум. Бедный молодой человек мялся и пожирал прекрасную гостью глазами. Зато в более непринужденной обстановке, в обществе приятелей мужского пола он позволял себе ронять небрежные намеки, из которых вырисовывалась картина значительно более эффектная, нежели тусклая действительность.

По другую сторону его комнаты -- а их было на каждом этаже всего три -- проживал пожилой англичанин, лондонский доктор с несколько подмоченной репутацией. Доктор Ноэль -- так звали соседа Сайласа -- был вынужден покинуть Лондон, где у него была большая и все возрастающая практика; говорили, что этой смене декорации в известной степени способствовали полицейские власти. Как бы то ни было, человек этот, некогда занимавший в обществе положение не лишенное известного блеска, ныне жил в Латинском квартале непривлекательной жизнью анахорета, почти весь свой досуг отдавая науке.

Мистер Скэддемор вскоре с ним подружился, и они иногда вместе вкушали скромный обед в ресторане напротив гостиницы.

За Сайласом К. Скэддемором водились кое-какие грешки, не слишком, впрочем, серьезные, и хоть они и не украшали его репутации, он предавался им, отбросив ложный стыд. На первом месте среди них стояло любопытство. У него был нюх прирожденного сплетника; жизнь, особенно та ее сторона, с которой он еще не успел как следует познакомиться, занимала его до страсти. Его любознательность была неискоренима и неутомима, расспросы его были столь же назойливы, сколько нескромны. Если кто-нибудь просил его снести на почту письмо, он непременно взвешивал его на ладони и вертел в руках, тщательнейшим образом штудировав адрес на конверте.

Однажды, обнаружив, между своей комнатой и комнатой мадам Зефирин небольшую щель, мистер Скэддемор вместо того, чтобы тотчас ее заделать, расширил и усовершенствовал это оконце, позволившее ему наблюдать за соседкой.

Чем больше он стремился утолить свое любопытство, тем сильнее оно разгоралось. И вот однажды, в последних числах марта, он решился еще больше расширить щель, чтобы иметь возможность обозревать еще один уголок комнаты, в которой обитала мадам Зефирин. Однако в тот же вечер, заняв свой наблюдательный пост, Сайлас, к своему удивлению, заметил, что щель заделана с той стороны. Еще более подивился он, когда его смотровое окно вновь

внезапно открылось и до его ушей донеслось хихиканье. Очевидно, обвалившаяся с той стороны штукатурка выдала его тайну, и соседка решила отплатить ему любезностью за любезность. Мистер Скэддемор испытал острое чувство неудовольствия и мысленно посылал проклятия по адресу мадам Зефирин. Более того, он даже и себя побранил. Впрочем, когда на другой день обнаружилось, что мадам Зефирин не приняла никаких мер, чтобы помешать его любимому занятию, он вновь воспользовался ее беспечностью.

В тот день к мадам Зефирин пришел посетитель, которого Сайлас никогда прежде не видел. Это был рослый мужчина с развинченной походкой, лет пятидесяти с лишним. Его ворсистый шерстяной костюм, цветная сорочка, не говоря уже о косматых бакенбардах, сразу выдавали в нем англичанина. От его тускловатосерых глаз на Сайласа повеяло холодом. Во все время разговора, который велся вполголоса, посетитель беспрестанно кривил губы. Юному уроженцу Новой Англии несколько раз почудилось, будто собеседники кивают в его сторону. Впрочем, как он ни напрягал слух, из всего разговора ему удалось уловить только одну фразу.

-- Я досконально изучил его вкусы, -- сказал англичанин, внезапно повысив голос, -- и повторяю, что не могу найти более подходящей кандидатуры, чем ваша.

В ответ мадам Зефирин только вздохнула и жестом выразила безграничную покорность собеседнику.

К вечеру обсерватория молодого человека была окончательно закрыта с помощью шкафа, который переставили, к стене, разделяющей обе комнаты. Сайлас все еще скорбел по поводу этого несчастья, причины которого приписывал злым козням англичанина, как вдруг консьержка доставила ему письмо. Оно было написано женским почерком по-французски, без излишнего педантизма в орфографии. Подписи не было, однако писавшая в самых недвусмысленных выражениях назначала молодому американцу свидание в Бале-Булье в одиннадцать часов вечера. Долго в его юном сердце сражались любопытство и робость; то он был весь добродетель, то -- кипучая дерзость. Баталия кончилась тем, что мистер Сайлас К. Скэддемор, безукоризненно одетый, прибыл к дверям Бала-Булье задолго до назначенного часа и, упиваясь собственной лихостью и широтой, купил входной билет.

По случаю масленицы зала была полна народу. Вначале при виде шумной толпы и зажженных огней юный искатель приключений несколько смешался, но вскоре хмель веселья кинулся ему в голову, и он ощутил в себе удаль, о которой ранее и не подозревал. Со всеми повадками завязтого кавалера он развязно, словно сам черт ему не брат, шаркал по бальному паркету, и, слоняясь из одного угла зала в другой, вдруг заметил мадам Зефирин и ее давешнего англичанина; они стояли подле колонны и были увлечены разговором. Кошачья натура Сайласа оказалась сильнее его; бесшумно подойдя к ним сзади, он стал прислушиваться.

-- Вот он, -- говорил англичанин, -- вон тот, с длинными русыми волосами, который разговаривает с девицей в зеленом.

Сайлас тотчас обратил внимание на красивого молодого человека, ростом чуть ниже среднего, о котором, очевидно, и шел разговор.

-- Хорошо, -- сказала мадам Зефирин, -- сделаю все, что в моих силах. Но помните, что при всем желании я не могу поручиться за успех.

-- Вздор! -- оборвал ее собеседник. -- За результаты ручаюсь я. Вы разве не знаете, что прежде чем остановить свой выбор на вас, я перебрал десятка три других имен. Итак, за работу! Но остерегайтесь принца. Не понимаю, каким ветром его сегодня сюда занесло. Как будто в Париже нет балов, более достойных его внимания, чем это сборище студентов и приказчиков! Вот только поглядите на него: восседает, словно император на троне, а не простой наследный принц, шатающийся по свету без дела!

Сайласу вновь посчастливилось. Он увидел мужчину несколько грузного сложения, чрезвычайно красивого, с манерами любезными и одновременно властными; рядом с ним сидел человек тоже красивой наружности и на вид чуть помоложе. Этот второй обращался к своему собеседнику с подчеркнутой почтительностью. Слово "принц" сладко отозвалось в ушах молодого республиканца, а вид человека, которого величали этим титулом, произвел свое обычное магнетическое действие. Покинув мадам Зефирин и ее англичанина, Сайлас протиснулся сквозь толпу к столику, отмеченному августейшим присутствием принца.

-- А я повторяю, Джеральдин, -- говорил в эту минуту принц, -- что все это -- чистое безумие. Вы сами (я рад это подчеркнуть) избрали своего родного брата для выполнения столь опасного задания, и ваш долг -- руководить его поступками. Он согласился задержаться в Париже на несколько дней -- это уже само по себе безрассудство, если учитывать характер субъекта, с которым ему приходится иметь дело. А теперь, за двое суток до отъезда, когда еще два-три дня -- и наступит решительный час, где он проводит эти оставшиеся дни? Он не должен бы выходить из тира, тренируя глаз и руку; должен спать как можно больше и совершать небольшие прогулки пешком; соблюдать строгую диету и не пить белых вин и коньяков. Или этот щенок воображает, что мы разыгрываем комедию? Но ведь вопрос идет о жизни и смерти, Джеральдин!

-- Я знаю своего брата, -- отвечал полковник, -- и знаю, что мое вмешательство ему не нужно. Он гораздо более осмотрительный человек, нежели вы полагаете, и дух его непоколебим. Если бы в деле была замешана женщина, быть может, я и не был бы так спокоен, но доверять председателю ему и вашим двум слугам я могу с закрытыми глазами.

-- Ваша уверенность меня радует, -- сказал принц, -- и все-таки душа у меня не на месте. Эти мои слуги -- первоклассные сыщики, и тем не менее разве злодей не умудрился трижды обмануть их бдительность и провести по несколько часов кряду неизвестно где? Можете быть уверены, он не теряет времени даром. Какойнибудь дилетант еще мог бы случайно потерять его след, но если председателю удалось сбить со следа Рудольфа с Жеромом, это неспроста. У этого человека, должно быть, имеются веские причины действовать таким образом, не говоря уже о его дьявольской ловкости.

-- Я полагаю, -- ответил Джеральдин слегка обиженным голосом, -- что это наша забота, моя и брата.

-- Вполне с вами согласен, полковник Джеральдин, -- ответил принц. -- Но, быть может, именно вследствие этого вы и могли бы несколько прислушаться к моим советам. Вон та девица в желтом недурно танцует.

И беседа перекинулась на обычные темы парижских балов во время масленицы.

Сайлас спохватился, что ему пора идти на свое свидание. Он думал о нем без всякого удовольствия. В это время толпа повлеклась к дверям, и он не стал сопротивляться течению, которое занесло его в уголок под хорами, где слух его тотчас уловил знакомые интонации мадам Зефирин. Она говорила по-французски с тем русокудрым юношей, которого ей указал немногим меньше получаса назад таинственный англичанин.

-- Я вынуждена оберегать свою репутацию, -- говорила она, -- иначе я не стала бы думать ни о чем, кроме как о влечении собственного сердца. Впрочем, довольно одного вашего словечка портье, и он пропустит вас беспрепятственно.

-- Но к чему этот разговор о каком-то долге? -- возразил ее собеседник.

-- Боже мой! -- воскликнула она. -- Неужели вы полагаете, что мне меньше вашего известны нравы отеля, в котором я живу?

И, нежно опираясь на руку своего собеседника, она прошла с ним дальше.

Сайлас снова вспомнил, что и его тоже ожидает свидание.

"Как знать, -- подумал он, -- какие-нибудь десять минут, и я сам, быть может, пойду под руку с дамой, не уступающей мадам Зефирин красотой, и, быть может, даже лучше одетой? Вдруг она окажется настоящей светской дамой да притом еще и титулованной?"

Но, вспомнив орфографию полученного им любовного письма, он немного сник.

"Впрочем, она могла продиктовать записку горничной", -- подумал он тут же.

Оставалось всего пять минут; пульс его участился, сердце тягостно заныло. Ему пришло в голову, что еще, собственно, не поздно и он вовсе не обязан явиться на свидание. Добродетель, найдя мощного союзника в малодушии, подвигала его ближе к дверям -- на этот раз самостоятельно и даже против общего течения, которое внезапно повернуло назад. Но -- то ли он устал протискиваться сквозь толпу, то ли пребывал в том состоянии духа, когда невозможно бывает больше нескольких минут кряду следовать в одном направлении, -- как бы то ни было, он в третий раз повернул назад и остановился невдалеке от места, указанного ему прекрасной незнакомкой.

Здесь он пережил сущую душевную муку и, будучи благочестивым молодым человеком, несколько раз принимался молить бога о помощи. Предстоящая встреча его уже не привлекала нисколько, и только глупый страх показаться недостаточно мужественным удерживал его от бегства. Однако чувство это оказалось сильнее всех прочих и хоть и не заставило его сделать и шаг вперед, но помешало уйти. Между тем часы показывали десять минут двенадцатого. Юный Скэддемор приободрился. Выглянув из своего уголка, он увидел, что в условленном месте его никто не ждет. Должно быть, наскучив ожиданием, его таинственная поклонница ушла. Все его малодушие как рукой сняло. Он так и светился отвагой. Пусть и с опозданием, но все же он пришел, и это снимало с него тень обвинения в трусости. Впрочем, продолжал он рассуждать, над ним, очевидно, подшутили, и он уже поздравлял себя с собственной проницательностью, позволившей ему раскусить шутку и перехитрить своих мистификаторов. Как легко совершаются подобные переходы в юности!

Ободренный всеми этими соображениями, он дерзко покинул свой угол, но не успел сделать и двух шагов, как почувствовал на своей руке легкое прикосновение женской ручки. Он живо обернулся и увидел перед собой даму

весьма крупных форм и с довольно величавыми чертами лица, лишенными, впрочем, малейшего признака суровости.

-- Вы, я вижу, опытный сердцеед, -- сказала она, -- ибо заставляете себя ждать. Но я твердо решила с вами повидаться. Если женщина решается на первый шаг, она уже оставляет все соображения мелкого самолюбия далеко позади.

Сайлас был ошеломлен могучими формами своей очаровательной корреспондентки, а также внезапностью, с какой она на него обрушилась. Впрочем, она держалась так просто, что вскоре и он стал чувствовать себя с ней вполне непринужденно. Она была очень любезна и мила, вызывала его на острословие и до упаду смеялась его шуткам. Таким образом, в предельно короткий срок с помощью комплиментов и бренди, разбавленного кипятком, ей удалось внушить ему, что он до смерти влюблен, и, больше того, -- вырвать у него признание, облеченное в самые страстные выражения.

-- Увы! -- сказала она. -- Как ни велико счастье, которое доставляет мне ваше признание, я должна бы проклинать эту минуту. До сих пор я страдала в одиночестве; теперь, мой бедный мальчик, нас двое. К сожалению, я не свободна. Я не могу пригласить вас к себе, ибо за мною учрежден ревнивый надзор. Я, пожалуй, вас старше, -- продолжала она, -- и вместе с тем насколько слабее! И хоть я ничуть не сомневаюсь в вашей отваге и решимости, я должна в наших же интересах руководствоваться своим знанием света. Где вы живете?

Он назвал ей свой отель, улицу и номер дома.

Она задумалась.

-- Хорошо, -- сказала она наконец, -- я ведь могу рассчитывать на вашу преданность и повиновение, не так ли?

Сайлас с жаром уверил ее в своей безграничной покорности.

-- Ну что же, -- продолжала она с улыбкой. -- В таком случае завтра вечером вы должны сидеть дома и под любым предлогом избавиться от случайных посетителей. У вас двери, вероятно, запираются в десять?

-- В одиннадцать, -- сказал Сайлас.

-- Хорошо. Ровно в четверть двенадцатого вы выйдете из дому. Попросите портя вас выпустить, -- и смотрите же, не вступайте с ним в объяснения: это может погубить все дело. Идите прямо на угол Люксембургского сада и Бульваров. Там я и буду вас ожидать. Я рассчитываю, что вы в точности исполните мои указания, и помните: малейшее, самое незначительное отступление может погубить несчастную женщину, повинную лишь в том, что увидела вас и полюбила с первого взгляда.

-- Мне не совсем понятно, зачем столько предосторожностей, -- сказал Сайлас.

-- Ого, вы уже начинаете проявлять свою власть надо мной! -- воскликнула она, игриво прикоснувшись к его руке веером. -- Терпение, терпение! Со временем придет и это. Но вначале женщине нужно, чтобы ей повиновались, и только потом она сама начинает находить особое наслаждение в покорности. Ради всех богов, делайте, как я вам велю, или я ни за что не ручаюсь. А впрочем, -- прибавила она задумчиво, словно ей только что представились какие-то дополнительные и непредвиденные осложнения, -- я придумала для вас еще лучший способ избавиться от непрошенных гостей. Скажите

портье, чтобы он никого к вам не пускал, кроме человека, который, быть может, придет получить с вас старый долг; причем произнесите это с некоторым волнением, словно страшитесь визита этого кредитора, так, чтобы ваши слова как можно убедительнее прозвучали в ушах портье.

-- Я полагаю, что и сам могу изыскать способ избавиться от нежелательных визитеров, -- не без досады ответил он.

-- Мне бы хотелось, чтобы вы поступили именно так, как я говорю, -- холодно произнесла она. -- Ну да я знаю мужчин. Для вас репутация женщины ничто.

Сайлас покраснел и потупился. Он и в самом деле рассчитывал порисоваться перед друзьями в своей новой роли победителя.

-- Главное же, -- повторила она, -- когда будете выходить, -- ни слова портье!

-- Почему вы придаете этому такое значение? -- спросил он. -- Из всех ваших указаний последнее мне кажется наименее существенным.

-- Вы ведь сомневались в целесообразности и прочих моих распоряжений, которые вам уже более не кажутся излишними, -- парировала она. -- Поверьте мне, что и это, последнее, не простой каприз; со временем вы убедитесь сами. Чего стоят, однако, ваши чувства, если в первое же свидание вы хотите отказать мне в таком пустяке!

Сайлас запутался в оправданиях и извинениях, которые она внезапно прервала, как бы невзначай взглянув на настенные часы.

-- Господи боже мой! -- воскликнула она, всплеснув руками. -- Неужели так поздно? У меня ни минуты времени. Увы, какие мы, женщины, несчастные, какие мы все рабыни! Вы и представления не имеете, чем я рискую ради вас! -- И, повторив еще раз свои указания, сопровождая их ласковыми словами и более чем красноречивыми взглядами, она пожелала ему покойной ночи и исчезла в толпе.

Весь последующий день Сайлас был исполнен важности; у него уже не оставалось сомнений в том, что его возлюбленная -- графиня. А с наступлением вечера, скрупулезно исполнив все ее наказания, в назначенный час он явился на угол Люксембургского сада и Бульваров. Там никого не оказалось. Чуть ли не полчаса простоял он, заглядывая в лица всех женщин, которые проходили мимо или останавливались поблизости. Он даже исследовал все окрестные углы Бульваров и обошел Люксембургский сад кругом. Однако прекрасная графиня, готовая броситься ему в объятия, так ему нигде и не повстречалась. Наконец он печально поплелся обратно в отель. По дороге ему вдруг припомнился подслушанный им разговор между мадам Зефирин и русокудрой юношей, и он ощутил смутную тревогу. "Непонятно, почему все должны что-то врать нашему портье", -- подумал он.

Он позвонил. Портье в ночной рубашке и колпаке открыл дверь и предложил посветить ему на лестнице.

-- Он уже ушел? -- спросил портье.

-- Кто ушел? О ком вы говорите? -- в свою очередь, спросил Сайлас. Он еще не оправился от своего разочарования, и поэтому голос его был немного резок.

-- Я не видел, как он выходил, -- продолжал портье, -- надеюсь, что вы с ним расплатились. Мы не очень-то жалуем постояльцев, которые не

расплачиваются со своими кредиторами.

-- Что за белиберда, черт возьми! -- вскричал Сайлас. -- Не понимаю, о ком вы говорите!

-- Да об этом коротеньком господине со светлыми волосами, -- ответил портье. -- О ком же еще? Ведь вы же сами не велели пускать к вам никого, кроме человека, который придет за своим долгом.

-- Господи, да ведь он, разумеется, и не приходил! -- ответил Сайлас.

-- Значит, мои глаза меня обманули, -- сказал портье и подмигнул жильцу с самым плутовским видом.

-- Дерзкий шут! -- вскричал Сайлас. И, досадуя на себя за то, что выказал перед портье свое раздражение, объятый к тому же миллионом самых неприятных предчувствий, взбежал на лестницу.

-- Так вам не надо посветить? -- крикнул ему вслед портье.

Сайлас только ускорил шаг и взлетел к себе на седьмой этаж, ни разу не останавливаясь. У двери своей комнаты он постоял с минуту, чтобы отдышаться; самые мрачные предположения роились в его мозгу, и он не сразу решился войти.

Наконец, преодолевая робость, он открыл дверь и с облегчением увидел, что в комнате свет не зажжен и что в ней как будто никого нет. Он перевел дух. Наконец-то он дома, вне опасности! Сайлас тут же дал себе зарок, что нынешнее его безрассудство -- первое в своем роде -- будет также и последним. Он начал ощупью подвигаться к изголовью кровати, где у него на тумбочке лежали спички. Прежние страхи вновь обступили его, и он обрадовался, когда предмет, о который он споткнулся, оказался всего-навсего стулом. Наконец он нащупал руками полог, свисавший над кроватью. По расположению тускло мерцавшего окна он догадался, что находится в ногах постели; оставалось, перебирая по ней руками, достигнуть изголовья, возле которого стояла тумбочка.

Он опустил руку, но то, что нащупала его ладонь, было не просто покрывалом, а покрывалом, под которым лежало нечто весьма по своим контурам напоминающее человеческую ногу. Сайлас отдернул руку и с минуту постоял как окаменелый.

"Что же это такое? -- подумал он. -- Что это значит?"

Он стал внимательно вслушиваться, но не мог уловить человеческого дыхания. Еще раз, сделав над собой невероятное усилие, он кончиком мизинца прикоснулся к тому же самому месту и отпрянул. Он дрожал всем телом. Что-то лежало на его постели, это несомненно. Что именно, он не знал.

Прошло несколько секунд, прежде чем он мог пошевелинуться. Затем, нащарив рукой спички и став к постели спиной, он засветил свечу. Как только она разгорелась, он медленно обернулся и увидел то, что боялся увидеть. Подтвердилась самая страшная из его догадок. Покрывало тщательно было натянуто на подушку, но под ним безошибочно вырисовывались формы бездыханного человеческого тела. Сайлас бросился к постели, резко отдернул покрывало и обнаружил того самого русокудрого молодого человека, которого видел накануне в Бале-Булье. Невидящие глаза юноши были широко раскрыты, лицо распухло и почернело, около носа застыли две тонкие струйки крови.

С долгим, прерывистым воплем Сайлас выронил свечку из рук и упал на колени перед кроватью.

Из оцепенения, в которое Сайласа погрузило страшное открытие, его вывел настойчивый и тихий стук в дверь. Впрочем, он не сразу очнулся, и, когда наконец сообразил, что следует во что бы то ни стало преградить вход в комнату, было уже поздно. Доктор Ноэль в высоком ночном колпаке, держа в руках лампу, освещавшую снизу его длинное бледное лицо, уже протиснулся в дверь и, по-птичьему склонив голову, проследовал "а середину комнаты.

-- Мне послышался крик, -- начал доктор, -- я подумал, что вам плохо, и позволил себе вторгнуться к вам.

Чувствуя, как кровь заливает ему щеки, и оглушенный стуком собственного сердца, Сайлас стоял спиной к постели, стараясь заслонить ее от доктора. Голос ему, однако, не повиновался, и он молчал.

-- Вы отчего-то в потемках, -- продолжал, доктор, -- а между тем вы, по-видимому, еще и не собирались ложиться. Вам не удастся обмануть мои глаза, а лицо ваше красноречиво говорит о том, что вы нуждаетесь в помощи -- друга или врача, этого я еще не знаю. Позвольте ваш пульс, подчас это самый верный свидетель.

Доктор продолжал наступать на Сайласа, пытаясь поймать его руку, между тем как тот от него пятился. Наконец, нервы американца не выдержали. Отпрянув от доктора, он бросился на пол и разразился рыданиями.

Как только доктор обнаружил мертвое тело на постели, лицо его потемнело. Бросившись назад к двери, он затворил ее и дважды повернул ключ в замке.

-- Встаньте! -- резко приказал он. -- Сейчас не время предаваться слезам. Что вы наделали? Каким образом в вашей комнате очутился труп? Говорите откровенно, вы имеете дело с человеком, который в состоянии вам помочь. Неужели вы думаете, что я стану вас губить? Что эта безжизненная плоть способна хоть на йоту изменить симпатию, которую я к вам почувствовал с начала нашего знакомства? С каким бы ужасом ни взирало на убийство слепое и подчас несправедливое правосудие, неужто, о легковверный юнец, вы думаете, что сердце друга с таким же ужасом отнесется к тому, кто это убийство совершил? Нет, нет, если бы друг моей души выплыл ко мне из океана крови, мое отношение к нему не изменилось бы ничуть. Поднимитесь, -- продолжал он, -- понятие о добре и зле -- только химера; один лишь рок управляет нашей жизнью. Знайте же, что, в каких бы обстоятельствах вы ни очутились, вы можете рассчитывать на меня. Я никогда вас не покину.

Приободренный этой речью, Сайлас взял себя в руки и прерывающимся голосом, время от времени поощряемый вопросами доктора, рассказал ему основные обстоятельства дела. Впрочем, подслушанный им разговор между принцем и Джеральдином он опустил, так как смысл его был ему самому неясен и он не представлял себе, чтобы этот разговор был как-нибудь связан с бездыханным телом на его постели.

-- Увы! -- вскричал доктор Ноэль, -- либо я ничего не понимаю, либо вы попали в руки самых отъявленных злодеев в Европе. Бедный мальчик, в какую страшную ловушку вас толкнуло собственное простодушие! К какому гибельному концу привел ваш неосторожный шаг! Ну, а этот человек, -- продолжал он, -- этот англичанин, которого вы видели дважды -- а я подозреваю, что он и является скрытой пружиной всей этой истории, -- не можете ли вы его описать? Стар он или молод? Высокого роста или маленького?

Но Сайлас, несмотря на свое необузданное любопытство, был начисто лишен наблюдательности, и то, что он мог сказать о наружности англичанина мадам Зефирин, было настолько общо, что ровно никакого представления о нем не давало.

-- Я бы ввел наблюдательность во всех школах как обязательный предмет! -- с яростью сказал доктор. -- Для чего человеку даны глаза и дар речи, если он не может заметить и описать по памяти черты своего врага? Я знаком со всеми бандитскими шайками Европы и мог бы тотчас опознать его, и таким образом знал бы, каким оружием лучше всего вас от него защитить. Попытайтесь на будущее, бедный мой мальчик, развить в себе эту способность. Вы увидите, что она может пригодиться.

-- На будущее! -- уныло повторил Сайлас. -- Как можно говорить о будущем человека, которого ожидает виселица?

-- Юность -- пора малодушия, -- сказал доктор. -- В этом возрасте человек склонен сгущать краски. Я стар и, как видите, никогда не отчаиваюсь.

-- Но кто мне поверит в полиции? -- спросил Сайлас.

-- Разумеется, никто, -- ответил доктор. -- Судя по всему, вас запутали как следует, и с этой стороны ваше положение достаточно безнадежно: с узкой точки зрения блюстителей закона, вы окажетесь очевидным убийцей. Имейте еще в виду, что нам известна только часть замысла и что бессовестные заговорщики несомненно подстроили множество дополнительных улик, которые должны будут всплыть на следствии и доказать вашу неоспоримую виновность.

-- Значит, мне нет спасения, и я погиб! -- воскликнул Сайлас.

-- Я этого не сказал, -- возразил доктор Ноэль, -- ибо я человек осторожный.

-- Ну, а что делать с этим? -- спросил Сайлас, указывая на тело. -- Вот она, улика, на моей постели! Ее не объяснишь, от нее не избавишься, на нее невозможно смотреть без ужаса!

-- Ужаса? -- повторил доктор. -- Ну, нет. Когда ломается машина, именуемая человеческим организмом, она оказывается всего-навсего машиной, хитроумной машиной, которую остается исследовать с помощью ланцета. Кровь, как только она застынет и запечется, перестает быть человеческой кровью. Мертвая плоть перестает быть той плотью, которая вызывает вожелание любовника или уважение друга. Все изящество, вся привлекательность, а также и весь ужас ее исчезают вместе с оживлявшим ее духом. Приучитесь смотреть на нее спокойно, ибо если плану, который я задумал для вашего спасения, суждено осуществиться, вам придется провести несколько дней бок о бок с тем, что сейчас вас так ужасает.

-- Плану? -- воскликнул Сайлас. -- Так у вас есть план? Ах, доктор, сообщите его мне поскорее. А та я совсем отчаялся!

Доктор на этот раз не ответил ничего и, подойдя к постели, принялся за осмотр тела.

-- Смерть не подлежит сомнению, -- пробормотал он. -- И, как я и полагал, карманы пусты и с воротничка срезана метка портного. Работа добросовестная и ловкая. К счастью, он небольшого роста.

Сайлас слушал этот монолог с тревожным вниманием. Наконец доктор, окончив осмотр трупа, сел на стул и с улыбкой обратился к американцу.

-- С той минуты, как я к вам вошел, -- сказал он, -- несмотря на то,

что мои уши и мой язык были все время заняты, глаза мои тоже несли неустанную службу. И вот я заприметил у вас в углу одну из тех чудовищных конструкций, без которых ваши соотечественники не появляются ни в одном из уголков земного шара. Я имею в виду ваш сундук. До настоящей минуты я никак не мог понять назначения этих монументов. И вдруг пелена приоткрылась. Для удобства ли работорговли были они придуманы, или для того, чтобы заметать следы слишком вольного обращения с охотничьим ножом, я еще не берусь сказать. Одно мне ясно во всяком случае: такой сундук существует для того, чтобы заключать в себе человеческое тело.

-- Помилуйте! -- воскликнул Сайлас. -- Неужели вы можете еще шутить в такую минуту?

-- Пусть я и выражаюсь с некоторой долей игривости, -- ответил доктор, -- но смысл моих речей в высшей степени серьезен. А поэтому, мой дорогой друг, потрудитесь первым делом опростать ваш сундучок.

Подчинившись властной манере доктора Ноэля, Сайлас принялся выполнять его распоряжение. В одну минуту все содержимое сундука было свалено на пол беспорядочной кучей. Затем они вдвоем подняли труп с постели -- Сайлас держал его за ноги, доктор подхватил под плечи -- и не без труда, согнув его вдвое, запихнули в сундук. Общими усилиями им удалось закрыть крышку; доктор собственными руками запер сундук и обмотал ремнями, между тем как Сайлас побросал свои вещи в гардероб и комод.

-- Ну вот, -- сказал доктор, -- первый шаг к вашему спасению сделан. Завтра, вернее сегодня, вам необходимо усыпить подозрительность портье, уплатив ему все, что вы задолжали за квартиру. Мне же доверьте принять меры, которые должны привести дело к благополучному концу. А сейчас я попрошу вас пожаловать ко мне, я вам дам сильнодействующее и вполне безвредное снотворное. Ибо, что бы вас ни ожидало впереди, вам необходимо освежиться глубоким сном.

Следующий день навеки остался в памяти Сайласа, как самый долгий день в его жизни. Казалось, что он не кончится никогда. Он никого не принимал и просидел до вечера у себя в углу, уныло воззрившись на сундук. Он пожинал плоды собственной нескромности: из комнаты мадам Зефирин за ним неустанно следили. Это его так измучило, что он наконец загородил щелку со своей стороны. Избавившись от соглядатаев, он провел остаток времени в покаянных слезах и молитве.

Поздно вечером к нему вошел доктор Ноэль, держа в руках два запечатанных, но не надписанных конверта. Один из них был туго набит и топорищился, другой, напротив, казался совершенно пустым.

-- Сайлас, -- сказал он, присаживаясь к столу, -- пришло время объяснить вам план спасения, который я для вас придумал. Завтра, рано поутру, принц Флоризель Богемский возвращается в Лондон после нескольких дней, проведенных в Париже на масленице. Некогда, много лет назад, мне посчастливилось оказать шталмейстеру принца, полковнику Джеральдину, одну из тех услуг, весьма обычных в моей профессии, которые, однако, не забываются ни той, ни другой стороной. В чем именно заключалась моя услуга, неважно. Достаточно сказать, что полковник готов сделать для меня все, что в его силах. Вам необходимо перебраться в Лондон, избежав таможенного досмотра вашего багажа. Казалось бы, почти невозможное дело, но тут я вспомнил, что

багаж такого значительного лица, как принц, свободен от досмотра. Я обратился к полковнику Джеральдину, и мне удалось получить от него благоприятный ответ. Итак, если вы завтра к шести часам утра подойдете к отелю, который занимает принц, ваш сундук попадет в его багаж, а сами вы совершите переезд в качестве лица, состоящего в его свите.

-- Теперь, когда вы об этом заговорили, я припоминаю, что уже имел честь видеть и самого принца и полковника Джеральдина. Я даже слышал обрывок их разговора на балу.

-- Вполне возможно; принц любит вращаться в самых разнообразных кругах, -- ответил доктор -- С приездом в Лондон, -- продолжал он, -- ваша задача почти решена. В этом, более толстом конверте, который я не решаюсь надписать, содержится письмо. Вскрывши другой, вы узнаете адрес, по которому вам надлежит доставить как письмо, так и сундук. Там у вас сундук заберут, после чего вас никто больше не станет беспокоить.

-- Увы! -- сказал Сайлас. -- Я всей душой хотел бы вам поверить. Но возможно ли все это? Вы обещаете мне чудесное избавление, но, подумайте сами, может ли мой рассудок в него уверовать? Будьте же великодушны и поясните мне хотя бы что-нибудь.

В чертах доктора проступило неудовольствие.

-- Мальчик, -- сказал он, -- вы не знаете, о чем просите. Но пусть так.

В моей жизни хватало унижений, и я к ним привык. Да и смешно было бы после того, как я вам открыл уже так много, пытаться удержать последнее. Знайте же, что хоть в настоящее время я и представляюсь фигурой незаметной и тихой -- таким скромным, одиноким отшельником, всецело преданным науке, -- некогда, в дни моей молодости, имя мое гремело рядом с именами самых отчаянных и дерзких преступников, обитавших в Лондоне. И хоть внешне я казался лицом почтенным и достойным всяческого уважения, на самом деле своим влиянием я был обязан тому, что принимал участие в делах таинственных, преступных и воистину ужасных. Вот и сейчас я прошу выручить вас одного из тех, кто мне тогда беспрекословно повиновался. Шайка их состояла из самого пестрого сброда, в ней были представлены все нации мира; люди, искушенные во всякого рода темных делах; связанные друг с другом страшной клятвой, члены ее промышляли одним и тем же делом. Дело это было -- убийство. А тот, кого вы принимали за безобиднейшего старичка, был главарем этой грозной шайки.

-- Как, -- вскричал Сайлас, -- убийство! Человек, который промышлял убийством! И вы думаете, что я могу подать вам руку? Принимать от вас услуги? Темный и преступный старик, неужели вы хотите воспользоваться моей молодостью и моей бедой, чтобы сделать меня своим соучастником?

Доктор с горечью засмеялся.

-- Право, мистер Скэддемор, -- сказал он, -- на вас не угодишь.

Впрочем, выбирайте между убийцей и убитым. Если совесть ваша столь щекотлива, что не позволяет вам воспользоваться моей помощью, так и скажите, и я вас тотчас покину. И управляйтесь себе, пожалуйста, с вашим сундуком и его содержимым, как вам продиктует ваша шепетильная совесть.

-- Приношу вам свои извинения, -- сказал Сайлас. -- Я не имел права так скоро забыть ваше благородное предложение помочь мне, сделанное вами еще до того, как вы убедились в моей невиновности. Я по-прежнему буду с благодарностью следовать всем вашим советам.

-- Вот и отлично, -- сказал доктор. -- Я вижу, что вы начинаете приобретать житейский опыт.

-- Впрочем, -- продолжал уроженец Новой Англи, -- поскольку вы, по собственному вашему признанию, привыкли к этой трагической деятельности, а люди, которым вы меня препоручаете, являются вашими старинными товарищами и друзьями, не проще ли было бы вам взять на себя доставку сундука в Лондон и избавить меня раз и навсегда от этого ненавистного груза?

-- Нет, вы неподражаемы! -- сказал доктор. -- Неужели вы думаете, что я без того недостаточно вожусь с вашими делишками? Поверьте, с меня хватит. Можете принимать мои услуги, можете не принимать -- это уж как вам вздумается, и, пожалуйста, избавьте меня от изъявлений вашей благодарности, ибо чувствами вашими я дорожу не больше, чем вашим интеллектом. Придет время, и если вам суждено будет в добром здравии и ясном уме дожить до зрелых лет, вы взглянете на все это дело иначе, и тогда вам будет стыдно за ваше сегодняшнее поведение.

С этими словами доктор поднялся и, сухо повторив свои распоряжения, покинул комнату, не дав Сайласу времени ответить.

На следующее утро Сайлас явился в названный доктором отель, где был любезно принят полковником Джеральдином и на время избавлен от забот о своем сундуке и его ужасном содержимом. Путешествие прошло без особых приключений, если не считать того, что молодому человеку время от времени приходилось слышать, как матросы и носильщики ворчат между собой по поводу необычного веса багажа его высочества. Сайлас ехал в одном вагоне со слугами, так как принц Флоризель изъявил желание проделать этот путь наедине со своим шталмейстером. Однако на борту парохода Сайлас привлек к себе внимание его высочества необычайно меланхолическим видом, с каким он неотрывно смотрел на кучу чемоданов, сложенных на корме. Он все еще был полон тревоги за будущее.

-- Вот молодой человек, -- сказал принц, -- на душе у которого какая-то печаль.

-- Это тот самый американец, -- сказал Джеральдин, -- которому вы по моей просьбе разрешили сопровождать вас в качестве члена вашей свиты.

-- Да, и это мне напоминает, что я не исполнил долг вежливости, -- сказал принц Флоризель и тут же подошел к Сайласу и заговорил с ним в своей обычной обворожительной манере:

-- Я был счастлив, мой молодой друг, что оказался в состоянии удовлетворить вашу просьбу, переданную мне полковником Джеральдином, и прошу вас помнить, что в любое время буду рад оказать вам и более серьезную услугу.

Затем он принялся расспрашивать своего собеседника о политическом положении в Америке, и Сайлас ему отвечал с достоинством и толково.

-- Вы еще молодой человек, -- сказал принц, -- но, как мне кажется, не по возрасту серьезны. Может быть, вы слишком углубляетесь в ваши ученые занятия? Впрочем, извините мою нескромность, быть может, я задел деликатную струну?

-- Ах, я и в самом деле имею основания чувствовать себя несчастнейшим из смертных! -- ответил Сайлас. -- Ибо на свете нет никого, кто бы так страшно поплатился за свое простодушие, как я!

-- Не стану добиваться вашей откровенности, -- сказал принц Флоризель.

-- Прошу вас лишь не забывать, что рекомендация полковника Джеральдина -- паспорт, не нуждающийся в печатях, и что я не только готов, но, быть может, более других в состоянии вам помочь.

Сайлас был очарован любезностью высокородного собеседника, но вскоре вновь вернулся к своим мрачным мыслям. Благосклонность принца крови не в состоянии утешить душу, обремененную тягостной заботой, даже если душа эта принадлежит республиканцу.

На вокзале Черинг-кросс таможенные чиновники, как всегда, из уважения к принцу, пропустили его багаж без досмотра. Путешественников встретили изящные экипажи, в одном из которых Сайлас был доставлен вместе со всеми в резиденцию принца. Там полковник Джеральдин его разыскал и выразил радость, что мог оказаться полезным другу доктора, с большим теплом отозвавшись о последнем.

-- Надеюсь, что ваш фаянс прибыл в целости. По всему пути следования были отданы особые распоряжения обращаться осторожно с багажом принца.

Затем, приказав слугам предоставить один из экипажей в распоряжение молодого человека и уложить в багажник его сундук и сославшись на свои придворные обязанности, полковник протянул ему на прощание руку.

Сайлас вскрыл конверт с адресом и приказал величавому кучеру везти себя в Бокс-корт, что выходит на Стрэнд. Адрес был, видимо, кучеру знаком, ибо он удивленно переспросил Сайласа. Все еще полный тревоги, Сайлас уселся в роскошный экипаж, покатавший его к месту назначения. Тупик был слишком узок, чтобы пропустить карету. Это был, собственно, проход в ограде, по обе стороны которой высилось по каменной тумбе. На каждой из них сидел человек; оба дружески кивнули кучеру, между тем как лакей, открыв дверцу кареты, осведомился у Сайласа, снимать ли сундук, и если так, куда его отнести.

-- Будьте так добры, -- ответил Сайлас, -- доставьте его в дом номер три.

Лакею пришлось призвать на помощь одного из тех, кто восседал на тумбах, а также и самого Сайласа, и только тогда, да и то с величайшим трудом, удалось дотащить сундук до двери названного дома, где, как с ужасом обнаружил Сайлас, уже столпилось изрядное число зевак. Однако, скрыв, сколько мог, тревогу, он постучал в дверь и, когда ее открыли, предъявил второй запечатанный конверт.

-- Его сейчас нет дома, -- сказал человек, принимая пакет, -- но если вам угодно оставить письмо и навестить сюда завтра с утра, я буду в состоянии сообщить вам, может ли он вас принять и в какой час. Угодно ли вам также оставить сундук? -- прибавил он.

-- О да! -- с жаром отвечал Сайлас, но в ту же минуту спохватился и с не меньшим жаром объявил, что ему необходимо иметь сундук при себе.

Издеваясь над его нерешительностью, толпа с улюлюканьем двинулась за ним к карете. Изнывая от стыда и страха, Сайлас попросил слуг подвезти его в какуюнибудь тихую приличную гостиницу поблизости.

Карета принца доставила Сайласа в гостиницу "Крейвен" на Крейвен-стрит и тотчас отъехала, оставив его наедине со слугами гостиницы. Единственным свободным номером оказалась комнатка на четвертом этаже с окнами во двор. Сюда-то, в это прибежище, пыхтя и ворча, дюжие слуги вдвоем внесли злосчастный сундук. Нечего и говорить, что Сайлас следовал за ними по пятам

и что на каждом повороте лестницы у него замирало сердце. Ведь один неверный шаг, и сундук мог опрокинуться через перила и вывалиться на каменные плиты вестибюля роковое сокровище!

Как только Сайлас очутился у себя в номере, он присел на краешек кровати, чтобы отдышаться после пережитой муки. Но действия не в меру ретивого коридорного заставили его снова вскочить: встав на колени подле сундука, тот уже возился над сложной системой его застёжек.

-- Не трогайте сундук! -- закричал Сайлас. -- Пока я здесь, мне ничего в нем не понадобится.

-- В таком случае вы могли бы оставить его в вестибюле, -- проворчал коридорный, -- чем волочить эту хранину наверх. Чем только он у вас набит, не пойму! Если деньгами, то вы, должно быть, много богаче меня.

-- Деньгами?! -- воскликнул Сайлас. -- Что вы хотите этим сказать? У меня нет никаких денег, и не говорите, пожалуйста, глупостей.

-- Успокойтесь, хозяин, -- ответил коридорный и подмигнул. -- Никто не тронет драгоценностей, которые принадлежат вашей милости. Мне-то вы можете довериться, как государственному банку, -- прибавил он, -- но, поскольку сундучок ваш и в самом деле тяжеловат, я был бы не прочь выпить за здоровье вашей милости.

Сайлас протянул слуге два наполеондора, извиняясь при этом, что расплачивается иностранной валютой, и оправдываясь тем, что он только прибыл в Англию. Коридорный, ворча пуще прежнего и переводя полный презрения взгляд с монет, очутившихся на его ладони, на тяжелый сундук, наконец соизволил выйти.

Несчастный уроженец Новой Англии, как только остался один, принялся с пристрастием обнюхивать все щели и отверстия в сундуке. Ведь вот уже двое суток, как в нем покоилось мертвое тело. Впрочем, погода эти дни стояла прохладная, и сундук продолжал хранить свою омерзительную тайну.

Сайлас уселся на стуле подле сундука и, закрыв лицо руками, погрузился в глубокое раздумье. Если только его не освободят от груза в самое скорое время, ему не избежать разоблачения. На что он мог рассчитывать, один, в чужом городе, без друзей и пособников? Если рекомендация доктора Ноэля не вызовет должного действия, -- прощай Новая Англия навсегда!

Он начал меланхолически перебирать честолюбивые мечты, которые питал прежде: никогда-то ему теперь не стать героем и представителем своего родного Бангора, что в штате Мэн; не продвигаться ступень за ступенью по общественной лестнице; почести одна за другой не ПОСЫПАЮТСЯ на него; и уж, наверное, ему придется расстаться с мыслью быть избранным в президенты Соединенных Штатов Америки и оставить по себе безвкуснейший памятник, призванный украшать вашингтонский Капитолий! Отныне он прикован к труп, заключенному в этом громоздком сундуке. Нет, нет, надо тотчас от него избавиться, иначе Сайлас навсегда должен будет отказаться от мечты пополнить своим именем список своих блистательных соотечественников!

Я бы не осмелился даже попытаться передать, какими словами честил он и доктора, и несчастную жертву убийцы, и мадам Зефирин, и коридорного, и лакеев принца Флоризеля -- словом, всех, кто был хотя бы косвенно причастен к постигшей его беде.

Часам к семи вечера он прокрался вниз пообедать, но желтые стены

ресторана вызывали в нем омерзение; ему казалось, что все на него подозрительно косятся, и он не мог ни на минуту позабыть о сундуке, безмолвно ожидавшем его наверху. Нервы его были так натянуты, что, когда официант подошел после десерта предложить ему сыру, он вскочил со стула, пролив на скатерть остатки эля.

Официант пригласил его проследовать в курительную и, хоть Сайлас предпочел бы немедленно вернуться к своему роковому кладу, у него не хватило духу отказаться, и он спустился в еле освещенный газовыми рожками черный, закопченный подвал, который в те времена заменял, -- а быть может, и по сию пору заменяет -- клуб обитателям гостиницы "Крейвен".

Два меланхолических игрока играли на бильярде, им прислуживал маркер в чахоточной испарине. Поначалу Сайласу показалось, что в курительной никого, кроме этой троицы, нет. Но в следующее мгновение взгляд его упал на фигуру курильщика, сидевшего в углу. Вид у него был скромный, весьма почтенный, и он сидел, опустив глаза. Сайлас был готов поручиться, что где-то видел его лицо и прежде. Костюм был другой, и все же он узнал в нем одного из сидевших на каменных тумбах у въезда в Бокс-корт -- того самого, который помогал тащить сундук от кареты к дверям дома номер три и обратно. Уроженец Новой Англии, не задумываясь, повернулся и побежал без оглядки, и только тогда успокоился, когда очутился в своем номере и запер дверь на ключ и на задвижку.

Осаждаемый самыми страшными видениями, какие только была способна создать его фантазия, он всю ночь прободствовал подле покойника, заключенного в сундук. Предположение, высказанное коридорным, будто сундук его набит золотом, вселило в его сердце новые страхи, и он не смел уже ни на минуту сомкнуть глаз, между тем как присутствие переодетого зеваки из Бокс-корта убедило Сайласа, что он вновь сделался мишенью каких-то таинственных махинаций.

Вскоре после полуночи, побуждаемый тревожными подозрениями, Сайлас приоткрыл дверь и выглянул в коридор, тускло освещенный одиноким газовым рожком. Неподалеку от своей двери он увидел распростертого на полу человека, одетого в ливрею гостиничного слуги. Он подошел к спящему на цыпочках. Тот лежал на боку, заслонившись правой рукой. И вдруг, в ту самую минуту, когда американец над ним наклонился, спящий отвел руку, и Сайлас вновь очутился лицом к лицу с зевакой из Бокс-корта.

-- Покойной ночи, сударь, -- любезно произнес тот, не поднимаясь с полу.

Сайлас растерялся от неожиданности и молча вернулся в свою комнату.

Под утро, измученный тревогами, он уснул, сидя на стуле и положив голову на сундук. Несмотря на неловкую позу и страшную подушку, сон его был крепок и долог. Очнулся он поздно утром от резкого стука в дверь.

Он поспешил ее открыть. То был коридорный.

-- Вы и есть тот самый господин, который вчера был в Бокс-корте? -- спросил он.

Дрожащим голосом Сайлас подтвердил, что это так.

-- Следовательно, эта записка вам, -- сказал слуга, протягивая ему запечатанный конверт.

Сайлас разорвал его. Письмо состояло всего из одной фразы:

"Сегодня, в двенадцать".

Сайлас явился в Бокс-корт минута в минуту. Дюжие слуги подхватили сундук и понесли его вперед; Сайласа между тем ввели в комнату, где спиной к дверям сидел какой-то человек и грелся у камина.

Он даже не повернул головы. Ни шум шагов, ни стук сундука о голые доски пола, казалось, не в состоянии были вывести его из глубокой задумчивости. Сайлас стоял, трепеща от страха, в ожидании, когда его соизволят заметить.

Прошло, должно быть, не меньше пяти минут, прежде чем сидевший повернулся в кресле. Сайлас очутился лицом к лицу с принцем Флоризелем Богемским.

-- Так-то, сударь, -- произнес принц голосом, полным суровости, -- так-то вы отблагодарили меня за мою любезность! Вы втираетесь в доверие к людям, занимающим известное положение в обществе, затем лишь, чтобы избежать последствий собственных преступлений. Теперь мне понятно, отчего вы вчера так смутились, когда я с вами заговорил.

-- Поверьте мне, ваше высочество, -- сказал Сайлас, -- я ни в чем не повинен, кроме того, что родился под несчастной звездой. -- И, торопясь и сам себя перебивая, юный американец чистосердечно рассказал принцу всю историю своего несчастья.

-- Я вижу, что ошибся, -- сказал принц, выслушав Сайласа до конца. -- Вы всего лишь жертва, и, поскольку у меня нет оснований наказывать вас, я сделаю все, что в моих силах, чтобы вас спасти. А теперь, -- прибавил он, -- к делу. Откройте ваш сундук и покажите мне его содержимое.

Сайлас побледнел.

-- Я не смею в него заглянуть! -- воскликнул он.

-- Это еще что такое? -- сказал принц. -- Ведь вы же видели его прежде. Это ничем не оправданная сентиментальность. Больной, которому еще можно помочь, имеет гораздо больше прав на сочувствие, чем труп, которому нельзя уже причинить ни радости, ни боли, который нельзя ни любить, ни ненавидеть. Итак, мистер Скэддемор, возьмите себя в руки.

Заметив, что Сайлас еще колеблется, принц прибавил:

-- Я вас прошу. Неужели вы хотите, чтобы я приказал?

Юный американец как бы очнулся от сна и с дрожью отвращения принялся отстегивать ремни и отпирать запоры на сундуке. Принц стоял над его склоненной фигурой, спокойно заложив руки за спину. Мертвец уже совершенно окоченел, и Сайласу стоило немалых усилий, как душевных, так и физических, разогнуть его и открыть его лицо для обозрения.

Принц Флоризель отпрянул и не мог удержаться от возгласа.

-- Увы, -- произнес он, -- вы и понятия не имеете, какой жестокий подарок мне доставили! Этот молодой человек принадлежал к моей свите, он брат самого моего верного друга и погиб от руки беспощадных и коварных людей, исполняя мое поручение. Бедный Джеральдин, -- продолжал он как бы про себя, -- какими словами расскажу я тебе о горькой кончине, постигшей твоего возлюбленного брата? Как оправдаюсь в твоих глазах и в глазах всевышнего за мой самонадеянный замысел, приведший бедного юношу к такому кровавому, насильственному концу? Ах, Флоризель, Флоризель! Когда научишься ты смирению, столь необходимому всякому смертному? Когда перестанет слепить тебя мнимое могущество твоей власти? Власть! -- воскликнул он. -- Можно ли

быть более беспомощным, чем я? Ах, мистер Скэддемор, я смотрю на этого молодого человека, которого сам же отдал в жертву, и вижу, сколь ничтожен удел принца!

Сайлас был глубоко тронут его горем. Он попытался было произнести какие-то слова утешения, но вместо этого неожиданно расплакался. Тронутый его добрыми чувствами, принц подошел к нему и взял его за руку.

-- Возьмите себя в руки, -- сказал он. -- И вам и мне предстоит еще научиться многому, и мы оба получили хороший урок.

Сайлас молча поблагодарил его взглядом.

-- Напишите мне адрес доктора Ноэля на этом листке, -- продолжал принц, подводя Сайласа к письменному столу. -- И позвольте мне дать вам совет: когда снова очутитесь в Париже, избегайте общества этого опасного человека. На этот раз он поддался великодушному порыву. Да, да, я не хочу в этом сомневаться. Ибо, если бы он имел какое-либо отношение к смерти Джеральдина-младшего, он не доставил бы его тело по адресу злодея, совершившего это преступление.

-- Как? -- воскликнул Сайлас.

-- В том-то и дело, -- ответил принц. -- Это письмо, которое волею провидения таким удивительным образом попало в мои руки, предназначалось тому самому злодею -- пресловутому председателю Клуба самоубийц. Не пытайтесь глубже проникнуть в эти опасные тайны, радуйтесь своему чудесному избавлению и покиньте этот дом как можно скорее. У меня дела, не допускающие отлагательства, и мне необходимо распорядиться бранными останками этого храброго и прекрасного юноши.

Сайлас откланялся с почтительной благодарностью, однако еще немного помешкал в проезде, провожая глазами роскошный экипаж, в котором принц немедленно отправился в полицию, к полковнику Хендерсону. Юный американец стоял с непокрытой головой и глядел вслед удаляющемуся экипажу. Его республиканское сердце переполняли самые верноподданнические чувства. В тот же вечер он сел в поезд и пустился в обратный путь.

На этом, как замечает мой арабский собрат по перу, кончается повесть об английском докторе и дорожном сундуке. Опуская его разглагольствования по поводу всемогущества провидения, весьма уместные в оригинале, но не совсем отвечающие нашим западным вкусам, я позволю себе лишь прибавить, что мистер Скэддемор успешно начал свое восхождение по лестнице политической славы и, по последним имеющимся у нас сведениям, уже достиг поста шерифа в своем родном Бангоре, штат Мэн.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ИЗВОЗЧИЧЬЕЙ ПРОЛЕТКИ

Лейтенант Брекенбери Рич отличился в одной из бесконечных военных стычек в горной Индии, собственноручно захватив в плен туземного вождя. Храбрость его заслужила повсеместное признание, и если бы он вздумал оправляться на родине от довольно внушительной сабельной раны и затяжной тропической лихорадки, которой его наградили джунгли, соотечественники не преминули бы увенчать его всеми лаврами, причитающимися звезде средней величины. Однако лейтенант обладал непритворной скромностью: он любил приключения, а к почестям был равнодушен. Переждав в Алжире и на водных

курортах Европы срок, отпущенный для его скоротечной славы, он прибыл наконец в Лондон весной, когда сезон еще едва начался, и приезд его прошел незамеченным, как он того и хотел.

Будучи сиротой и не имея никого, кроме двух-трех дальних родственников в провинции, он явился, полуиностранцем, в столицу той самой страны, за которую проливал кровь.

На другой день после своего приезда он пошел обедать в один из офицерских клубов. Несколько старых товарищей пожали ему руку и горячо поздравили его с успехом; однако все до единого были в тот вечер заняты, и лейтенант оказался всецело предоставлен себе. Он был во фраке, так как подумывал отправиться после обеда в театр. Впрочем, он никогда прежде не бывал в нашей обширной столице, ибо вырос в провинции, после окончания военного колледжа прямым путем проследовал в Восточную Империю и теперь, попав наконец в этот новый, неизведанный мир, предвкушал всевозможные радости первооткрывателя. Избрав направление на запад, он зашагал по лондонским улицам, помахивая тросточкой. Вечер был мягкий, и казалось, вот-вот польет дождь. Проплывавшие в сумерках человеческие лица, выхватываемые светом уличных фонарей, действовали возбуждающим образом на воображение. Брекенбери чувствовал, что может без конца бродить по столице, впитывая волнующую и таинственную атмосферу четырех миллионов человеческих жизней. Он поглядывал на дома, пытаясь представить себе, что делается за их освещенными окнами, заглядывал в лица и в каждом читал затаенную цель, то благую, то преступную.

"Все говорят: война, -- думал он, -- но настоящее поле битвы здесь". И он уже начал удивляться тому, что за всю свою прогулку по этому запутанному театру действий еще не набрел на какое-нибудь приключение.

"Ну, да все в свое время, -- подумал он. -- Я человек нездешний, и от меня, должно быть, за версту веет чем-то чужеродным. Впрочем, не может быть, чтобы меня не втянуло течением, и притом очень скоро".

Дело шло уже к ночи, как вдруг сверху, из темноты, на город обрушился плотный, холодный дождь. Брекенбери встал под дерево и оттуда увидел, извозчичью пролетку. Кучер делал ему знаки, что он свободен. Это случилось так кстати, что лейтенант тотчас в ответ помахал тростью и через минуту уже сидел в этой лондонской гондоле.

-- Куда, сударь? -- спросил кучер.

-- Куда угодно, -- сказал Брекенбери.

Коляска тотчас помчала его сквозь дождь и вскоре очутилась в лабиринте особнячков. Каждый из них так походил на другой, разбитые перед ними палисадники, тускло освещенные пустынные улицы и переулочки, по которым летела карета, так мало отличались друг от друга, что вскоре он потерял всякую ориентацию. Он был готов подумать, что возникший решил над ним посмеяться и просто возит его по кругу, но в стремительности, с какой тот погонял лошадь, ощущалась какая-то цель: очевидно, его все же везли в какое-то определенное место. Восхищаясь виртуозностью, с какой возница мчит карету через эти лабиринты, Брекенбери вместе с тем не без тревоги задумался о причине такой поспешности. Он принялся перебирать в памяти различные слышанные им истории о передрягах, в которые подчас попадают приезжие. Быть может, его кучер член какой-нибудь злодейской шайки и везет его навстречу

насильственной смерти?

Не успел он так подумать, как экипаж, круто обогнув угол, выехал на широкую и длинную улицу и остановился у ворот особняка с садом. Дом был ярко освещен. Только что отъехала другая извозчичья пролетка, и Брекенбери увидел, как ее пассажир проследовал в дом и как в вестибюле его встретили несколько слуг в ливреях. Брекенбери был удивлен, что извозчик остановился у самого дома, в котором, по всей видимости, был званый вечер, но, решив, что это чистая случайность, спокойно продолжал сидеть и курить, покуда не услышал, как возница крикнул ему сверху:

-- Вот мы и приехали, сударь!

-- Приехали? -- переспросил Брекенбери. -- Куда?

-- Вы мне сказали, чтобы я вас доставил, куда угодно, -- ответил возница с усмешкой, -- вот я вас и привез.

Брекенбери обратил внимание на голос возницы: он был слишком изысканным и мягким для простого извозчика. Он вспомнил, с какой необычайной скоростью тот его вез, и тут впервые заметил, что экипаж гораздо роскошнее обычных извозчичьих двуколок.

-- Будьте добры объясниться, -- сказал он. -- Неужели вы намерены бросить меня тут, на дожде? Я полагаю, любезный, что решать, где выйти, лучше всего мне самому.

-- О да, -- ответил возница, -- решать вам. Но я не сомневаюсь в окончательном решении, какое примет такой джентльмен, как вы, после того, как я вам все расскажу. Здесь, в этом доме, сейчас происходит банкет. Я не знаю, кто таков хозяин -- приезжий ли он человек, не имеющий в Лондоне никаких связей, или просто чужак. Но только мне он приказал свезти сюда как можно больше джентльменов в вечернем платье, предпочтительно офицеров. Вам остается всего лишь войти в дом и сказать, что вы прибыли по приглашению мистера Морриса.

-- Это вы -- мистер Моррис?

-- Ну, что вы, -- ответил возница. -- Мистер Моррис -- хозяин дома.

-- Положим, это и не совсем обычная манера созывать гостей, -- произнес Брекенбери, -- ну, да, может быть, это просто безобидная прихоть эксцентрической личности. А если, например, я откажусь принять приглашение мистера Морриса? -- продолжал он. -- Что тогда?

-- В этом случае мне приказано отвезти вас на то самое место, где я вас подобрал, -- был ответ, -- а самому отправиться на розыски других гостей и до полуночи привезти всех, кого мне удастся. Мистеру Моррису самому нужны только такие гости, которым было бы по душе подобное приключение.

Последняя фраза возницы, собственно, и убедила лейтенанта.

"Ну вот, -- сказал он сам себе, выходя из экипажа, -- не так уж долго мне пришлось ждать приключения".

Едва он поставил ногу на тротуар и начал шарить в кармане, чтобы расплатиться с извозчиком, как тот повернул и с прежней головокружительной скоростью помчался обратно в город. Брекенбери крикнул ему вслед, но тот даже не обернулся. Зато в доме его голос услышали. Двери тотчас распахнулись, и в ярком снопе света, озарившем сад, показалась фигура слуги, бегущего навстречу Брекенбери с раскрытым зонтом.

-- Извозчику уплачено, -- произнес слуга учтивым голосом и проводил

Брекенбери до самых дверей. В вестибюле к нему подскочили еще несколько слуг, приняли его пальто, шляпу и трость, дали ему взамен жетон с номером и вежливо направили в бельэтаж по лестнице, уставленной оранжерейными цветами в кадках. Там его встретил торжественный дворецкий, осведомился об его имени и, громко объявив: "Лейтенант Брекенбери Рич!" -- пропустил в гостиную.

Стройный молодой человек с необычайно красивыми чертами лица пошел к нему навстречу и приветствовал его с изысканной любезностью и радушием. Сотни ярких свечей освещали залу, благоухавшую так же, как и лестница, редкостными и красивыми экзотическими цветами. Буфетный стол ломился от яств. Слуги сновали среди гостей, разнося фрукты и бокалы с шампанским. В гостиной было человек шестнадцать. Почти все они были очень молоды, и почти каждое лицо светилось умом и отвагой. Часть толпилась вокруг рулетки, другая окружала стол, за которым один из присутствующих метал банк.

"Так вот оно что, -- подумал Брекенбери, -- я попал в частный игорный дом, а извозчик просто-напросто зазывала".

Оценка обстановки была для Брекенбери делом секунды, и к своему заключению он пришел еще прежде, чем хозяин выпустил его руку. Теперь Брекенбери вновь обратил свои взоры к нему. Со второго взгляда мистер Моррис производил еще более яркое впечатление. Утонченная простота манер, благородство, доброжелательность и мужество, которыми дышали его черты, никак не вязались с представлениями лейтенанта о содержателе игорного притона, а разговор выдавал человека и пользующегося заслуженным почетом и занимающего высокое положение в свете.

Брекенбери почувствовал к нему инстинктивное расположение, которое, как ни досадовало на себя, подавить не мог.

-- Я о вас слышал, лейтенант Рич, -- сказал мистер Моррис, слегка понизив голос, -- и, поверьте, счастлив с вами познакомиться. Ваша наружность вполне соответствует вашей репутации, которая, предваряя вас, добралась к нам из Индии. И если вы согласитесь простить мне несколько бесцеремонный способ, каким я залучил вас к себе, то окажете мне не только честь, но и большую радость. Человека, который может в один присест разделаться с отрядом диких кавалеристов, -- прибавил он с усмешкой, -- вряд ли смутит отступление от этикета, пусть даже и значительное.

С этими словами мистер Моррис подвел Брекенбери к буфету и принялся радушно его потчевать.

"Право же, -- размышлял лейтенант, -- такого славного малого я еще не видел, и здесь, несомненно, собралось самое приятное общество, какое можно встретить в Лондоне".

Он пригубил шампанское, которое оказалось отменным. Заметив, что многие уже принялись курить, он закурил манильскую сигару, подошел к рулетке и стал с улыбкой наблюдать за капризами фортуны, время от времени и сам, пытая счастье. Внезапно он заметил, что и сам он и все прочие игроки являются объектом пристального наблюдения. Мистер Моррис расхаживал среди гостей, выполняя обязанности хозяина, однако не забывал при этом метать быстрые, пытливые взгляды то в один угол комнаты, то в другой: ни один из присутствующих не избежал его внимания; он наблюдал, как тот или иной игрок принимает крупный проигрыш, подмечал размеры ставок, задерживался подле собеседников, погруженных в разговор, -- словом, не было, казалось, такой

черточки, которая бы ускользнула от его пронизательного взора. "Нет, -- подумал Брекенбери, -- это не игорный притон, а скорее какое-то тайное следствие". Он сам стал пристально вглядываться в мистера Морриса, следя за каждым его движением; несмотря на улыбку, почти все время блуждавшую на губах любезного хозяина, он заметил, что из-под нее, как изпод маски, проглядывает измученная, утомленная и озабоченная душа. Кругом все смеялись, делая одну ставку за другой; впрочем, гости перестали занимать Брекенбери.

"Этот Моррис, -- подумал он, -- не теряет времени зря. У него какая-то своя затаенная цель. Ну что же, у меня тоже будет своя -- понять, в чем эта цель заключается".

Время от времени мистер Моррис отзывал в сторонку одного из гостей; после короткой беседы с ним он обычно возвращался в гостиную один, а отозванный таким образом гость уже больше не показывался. После того как подобные сцены повторились несколько раз, любопытство Брекенбери достигло предела. Он твердо решил проникнуть хотя бы в эту, менее значительную тайну. С рассеянным видом проследовав в соседнюю комнату, он обнаружил в ней глубокую нишу с окном, скрытую шторами модного зеленого цвета. Здесь он поспешно спрятался; ждать ему пришлось недолго, ибо почти тотчас раздались чьи-то шаги и голоса. В щель между шторами он увидел, как из гостиной выходил мистер Моррис в сопровождении румяного толстяка, похожего на коммивояжера, которого Брекенбери еще прежде заприметил по его грубому смеху и дурным манерам. Оба остановились неподалеку от окна, так что Брекенбери слышал каждое их слово.

-- Миллион извинений, -- произнес мистер Моррис самым любезным тоном. -- Если я вам покажусь невежливым, я надеюсь, вы меня простите. В таком громадном городе, как Лондон, недоразумения неизбежны. В таких случаях важно как можно скорее устранить неприятные последствия их. Боюсь, что вы почтили своим присутствием мой скромный дом по ошибке, ибо, говоря откровенно, я не припоминаю вашего лица. Позвольте мне поставить вам вопрос прямо, без излишних церемоний -- ведь между джентльменами достаточно честного слова, не так ли? Чьим, по-вашему, гостеприимством вы сейчас пользуетесь?

-- Мистера Морриса, -- последовал ответ толстяка, чье смущение заметно возрастало с каждым словом.

-- Вы имеете в виду мистера Джона Морриса или мистера Джеймса Морриса?

-- Право же, не берусь сказать, -- отвечал злополучный гость. -- Лично с хозяином дома я знаком не более, нежели с вами.

-- Так я и думал, -- сказал мистер Моррис. -- Дело в том, что немного подальше, на этой же улице, живет мой однофамилец, и я не сомневаюсь, что полисмен назовет вам точный номер нужного вам дома. Поверьте, я рад был недоразумению, которое доставило мне удовольствие познакомиться с вами, и позвольте выразить надежду, что мы когда-нибудь с вами встретимся вновь и уже не так случайно, как сегодня. Теперь же я не смею и на минуту задерживать вас от свидания с друзьями. Джон, -- прибавил он, возвысив голос, -- будьте любезны, разыщите пальто этого джентльмена!

С этими словами мистер Моррис учтивейшим манером проводил гостя до дверей передней, где его уже поджидал торжественный дворецкий. Брекенбери все еще не выходил из своей ниши и слышал, как мистер Моррис на обратном пути в гостиную тяжело вздохнул. Это был вздох человека, чем-то сильно

озабоченного, преследующего трудную цель и напрягшего каждый свой нерв для ее достижения.

Примерно час еще продолжали прибывать извозчичьи пролетки; мистер Моррис едва успевал проводить одного гостя, как на его место прибывал другой. Таким образом, общее число гостей не уменьшалось. Впрочем, к концу этого часа новые гости начали появляться все реже, а там и вовсе перестали, между тем как процесс выпроваживания гостей продолжался в прежнем темпе. Гостиная заметно пустела. Игру в баккара прекратили за отсутствием банкмета. Иные начали прощаться сами, и их не задерживали, зато мистер Моррис удвоил любезность по отношению к оставшимся. Он переходил от группы к группе, от одного человека к другому, одаривал каждого приветливым взглядом, с умом и тактом поддерживал оживленную беседу. Он был как бы и хозяином и хозяйкой одновременно; его обращение было по-женски ласковым, подчас даже кокетливым, и сердце каждого невольно открывалось ему навстречу.

Число гостей продолжало уменьшаться. Лейтенант Рич вышел из гостиной в холл подышать воздухом. Но, едва переступив порог, он остановился как вкопанный перед странной картиной: на лестнице не осталось ни одной кадки с растениями, возле ворот в сад стояло три больших фургона для мебели, и всюду хлопотали слуги, вынося мебель; иные были уже в пальто и готовились уходить. Такое бывает после деревенского бала, для которого вся обстановка берется напрокат. Здесь было о чем задуматься! Во-первых, это выпроваживание гостей, которые, оказывается, никакими гостями не были, а теперь и слуги -- а впрочем, слуги ли они? -- начинают расходиться.

"Неужели все это одна декорация, -- спрашивал он себя. -- Мыльный пузырь, которому суждено наутро лопнуть?"

Выждав удобный момент, Брекенбери взбежал на самый верхний этаж. Как он и полагал, ни в одной комнате -- а он заглянул в каждую -- не было и признака жилого -- ни мебели, ни даже следов от картин на стенах. Дом был свежевыкрашен и оклеен обоями, и, однако, в нем, несомненно, не жили не только теперь, но и прежде. Молодой офицер вспомнил уют и дух широкого гостеприимства, поразивший его по прибытии. Только ценою огромных затрат можно было с таким размахом -- разыграть весь этот спектакль.

Кто же такой в этом случае мистер Моррис? Каковы его намерения и зачем ему понадобилось разыгрывать роль домовладельца -- на одну ночь, да еще в этом отдаленном лондонском закоулке? И зачем он с такой лихорадочной поспешностью набирал себе случайных гостей с улицы?

Брекенбери вдруг спохватился, что отсутствие его может быть замечено, и поспешил присоединиться к обществу. За это время успело исчезнуть еще несколько человек, и в гостиной, так недавно переполненной народом, оставалось, считая лейтенанта и мистера Морриса, человек пять, не больше. Мистер Моррис встретил его приветливой улыбкой и тотчас встал.

-- Наступило время, джентльмены, -- сказал он, -- объяснить причину, по которой я дерзнул оторвать вас от ваших дел и развлечений. Я надеюсь, что вы не слишком скучали этот вечер; впрочем, признаюсь вам сразу, целью моей было отнюдь не скрасить ваш досуг, а заручиться вашей помощью в одном крайне затруднительном и тяжелом для меня деле. Все вы -- настоящие джентльмены, -- продолжал он, -- ваши манеры в том порукой, и с меня этого довольно. Итак, я буду говорить с вами без стеснения: я прошу вас помочь мне в одном

чрезвычайно деликатном и опасном предприятии. Я сказал "опасном" оттого, что всякий, кто согласится участвовать в этом предприятии, в самом деле рискует жизнью. Деликатность же этого дела такова, что я вынужден заранее просить каждого из вас хранить молчание обо всем, что вам доведется увидеть и услышать. Я сознаю всю нелепость подобной просьбы, исходящей из уст незнакомца, и спешу поэтому прибавить, что всякий из вас, кому не по душе участвовать в опасном предприятии, требующем, неизвестно во имя чего, чисто донкихотской преданности, волен меня покинуть. Я искренне пожелаю ему покойной ночи и благополучного возвращения домой.

Очень высокий и чрезвычайно сутулый брюнет тотчас же отозвался на это предложение.

-- Мне по душе ваша откровенность, сударь, -- сказал он, -- и что касается меня, я ухожу. Я не собираюсь читать нравоучений, но должен заметить, что ваши речи заставляют насторожиться. Итак, я ухожу, как я уже сказал, и, быть может, мне не стоит больше распространяться.

-- Напротив, -- возразил мистер Моррис, -- я буду очень признателен, если вы скажете все, что найдете нужным. Опасность затеянного мною дела невозможно преувеличить.

-- Так что же, джентльмены? -- обратился высокий человек к остальным.
-- Мы превосходно провели вечер, а теперь не следует ли нам всем мирно разойтись по домам? Наутро, встав ото сна -- целыми, невредимыми, с чистой совестью, -- вы помянете меня добрым словом.

Торжественный тон, которым были произнесены последние слова, прибавил им убедительности, между тем как лицо говорящего было необычайно серьезно. Взволнованный его речью, еще один из гостей встал со стула и приготовился уходить. Только двое не покидали своих мест: Брекенбери и пожилой майор кавалерии с сизым носом. Лица их хранили полную невозмутимость, и, если бы не быстрый взгляд, которым они обменялись, можно было бы подумать, что происходящая дискуссия их вовсе не затрагивает.

Проводив дезертиров и закрыв за ними дверь, мистер Моррис вернулся к двум офицерам. Радость и облегчение сияли в его взоре.

-- Я отбирал себе воинов по примеру библейских судей, -- сказал он, -- и полагаю, что лучших помощников не найти во всем Лондоне. Ваша наружность, господа, привлекла к себе моих посыльных, и я в восторге от их выбора. Я наблюдал, как вы оба держитесь в незнакомом обществе -- и при обстоятельствах довольно необычных; смотрел, как вы играете, с какой миной проигрываете, и, наконец, я обратился к вам с ошеломляющим предложением, которое вы приняли, точно приглашение на обед. Теперь я вижу, -- воскликнул он, все более воодушевляясь, -- что не напрасно я столько лет имею счастье считать себя другом и учеником одного из мудрейших и отважнейших правителей Европы!

-- Под Бундерчангом, -- заговорил майор, -- мне нужен был десяток добровольцев, и все мои солдаты как один отозвались на мой призыв. Но, разумеется, за рулеткой и картежным столом люди ведут себя иначе, нежели под неприятельским обстрелом. И, вероятно, вы вправе поздравить себя с тем, что нашли двух человек, на которых можете положиться. Ну, а тех двоих, что улизнули, я презираю от души. Лейтенант Рич, -- обратился он затем к Брекенбери, -- я много о вас слышал. Не сомневаюсь, что и вам знакомо мое

имя. Я -- майор О'Рук.

С этими словами старый ветеран протянул лейтенанту свою красную, слегка трясущуюся руку.

-- Кому же оно не знакомо? -- воскликнул Брекенбери.

-- Я уверен, что вы оба почувствуете себя вознагражденными за ваше участие в этом маленьком деле уже хотя бы потому, что я свел вас друг с другом, -- сказал мистер Моррис.

-- А покуда, мистер Моррис, расскажите, пожалуйста, в чем нам предстоит участвовать, -- сказал майор О'Рук. -- Я полагаю, что в дуэли?

-- Пожалуй, что и в дуэли, если угодно, -- ответил мистер Моррис. -- В поединке с неизвестным и опасным противником. Боюсь, что это будет поединок не на живот, а на смерть. Я должен просить вас, однако, -- прибавил он, -- не называть меня больше мистером Моррисом. Зовите меня, если угодно, Хаммерсмит. Я также попрошу вас не спрашивать моего настоящего имени, равно как и имени того, кому я надеюсь в скором времени вас представить, -- не спрашивать и не пытаться узнать стороной. Тот, кого я сейчас упомянул, три дня назад внезапно исчез из дому. До сегодняшнего утра я не имел о нем никаких сведений; я даже не знал, где он находится. Вы поймете мое беспокойство, когда узнаете, что он занят свершением правосудия -- в частном порядке. Связанный опрометчивой клятвой, он считает нужным, не прибегая к помощи закона, освободить мир от коварного и кровожадного злодея. От руки этого преступника уже погибли двое из наших друзей. Один из них приходился мне родным братом. А теперь, как я полагаю, мой друг и сам попал к нему в лапы. Как бы то ни было, он еще жив и полон надежды, о чем говорит вот эта записка, полученная мною от него.

С этими словами Хаммерсмит, он же полковник Джеральдин, протянул своим новым товарищам письмо следующего содержания:

"Майор Хаммерсмит!

В четверг, в 3 часа ночи, человек, полностью преданный моим интересам, откроет вам калитку, ведущую в сад Рочестер-хауса, что в Риджент-парке. Прошу вас не опаздывать и на долю секунды. Пожалуйста, захватите с собой мои шпаги, а также, если можете, одного или двух джентльменов, за скромность и умение держаться которых вы ручаетесь; желательно, чтобы они не знали меня в лицо. Мое имя не должно фигурировать в этом деле. Т. Годол.

-- Даже если бы у моего друга не было иных оснований требовать беспрекословного выполнения его воли, -- продолжал полковник Джеральдин после того, как его собеседники ознакомились с письмом, -- довольно было бы одной его мудрости. Незачем говорить, я и близко никогда не подходил к этому Рочестер-хаусу и о том, что нас там ожидает, знаю не больше вашего. Как только я получил этот приказ, я тотчас отправился к подрядчику, и в два-три часа этот самый дом, в котором мы с вами находимся, приобрел праздничный вид. Согласитесь, что план мой был совершенно оригинален, а так как благодаря ему я получил поддержку двух таких людей, как лейтенант Брекенбери Рич и майор О'Рук, я не имею причин раскаиваться. Боюсь, что слуги в соседних домах будут чрезвычайно удивлены, когда увидят поутру, что дом, в котором накануне горели свечи и веселились гости, совершенно опустел и что на нем красуется табличка с надписью "Продается". Так, даже у самых серьезных дел, -- закончил полковник, -- бывает забавная сторона.

-- И, будем надеяться, -- подхватил Брекенбери, -- счастливый конец.

Полковник взглянул на часы.

-- Уже почти два часа, -- сказал он. -- В нашем распоряжении час времени и карета, запряженная быстрыми конями. Скажите же мне, могу я рассчитывать на вашу помощь или нет?

-- За всю свою долгую жизнь, -- сказал майор О Рук, -- я ни разу не отпирался от данного мною слова, даже если речь шла всего лишь о пари.

После того как Брекенбери, тоже в подходящих случаю выражениях, засвидетельствовал свою готовность, полковник вручил каждому заряженный револьвер, и все трое, выпив по бокалу вина, уселись в карету, которая тотчас помчала их к месту назначения.

Рочестер-хаус оказался роскошной резиденцией на берегу канала. Огромный парк обеспечивал полную изоляцию от докучливых соседей. Резиденция походила на старинную усадьбу или владение миллионера. Ни в одном из бесчисленных окон особняка, насколько можно было судить с улицы, не было света. Дом казался запущенным, как бывает во время длительного отсутствия хозяина.

Отпустив карету, три ее пассажира без труда нашли калитку; это была, собственно, боковая дверь, вделанная в каменную ограду сада. До назначенного часа оставалось еще десять или пятнадцать минут. Шел проливной дождь, и все трое встали под укрытие нависшего плюща, разговаривая вполголоса об ожидающем их испытании.

Вдруг Джеральдин поднял указательный палец, призывая к молчанию, и все напрягли слух. Сквозь непрекращающийся шум дождя из-за ограды послышались шаги и два мужских голоса. По мере того как шаги приближались, Брекенбери, отличавшийся изощренным слухом, начал уже различать отдельные слова.

-- Могила готова? -- услышал он.

-- Готова, -- ответил другой голос. -- Там, за лавровым кустом. Когда все будет кончено, можно будет забросать ее сверху жердями вон оттуда.

Первый голос засмеялся, и от его смеха у слушателей по ту сторону стены побежали мурашки по коже.

-- Итак, через час, -- произнес первый.

По звуку шагов стало ясно, что говорившие разошлись в разных направлениях.

Почти тотчас калитка в стене приоткрылась, в ней показалось чье-то бледное лицо, чья-то рука жестом пригласила их войти. Отважная троица в полной тишине прошла в сад, калитка за ними тотчас защелкнулась. Следуя за своим провожатым по тропинкам сада, они подошли к черному ходу. В огромной вымощенной камнем кухне, лишенной какой бы то ни было кухонной утвари, горела одинокая свеча. Они стали подниматься по винтовой лестнице. Шумная возня крыс еще раз подтвердила, что дом покинут хозяевами.

Провожатый шел впереди, держа в руках свечу. Это был высокий, худощавый старик, довольно сутулый, но, судя по живости движений, далеко не дряхлый. Время от времени он оборачивался, жестом приглашая к молчанию и осторожности. Полковник Джеральдин шел за ним следом, сжимая под мышкой футляр со шпагами и держа наготове пистолет. Брекенбери замыкал шествие. Он чувствовал, как стучит его сердце. Судя по тому, как проворно двигался старик, они прибыли в самое время. Эта зловещая таинственность, этот покинутый дом, словно созданный для свершения какого-то страшного злодеяния,

были способны взволновать и более закаленного годами человека.

Дойдя до конца лестницы, старик открыл дверь и впустил трех офицеров в небольшую комнатку, освещенную коптящей лампой и тлеющим камином. В углу подле камина сидел человек несколько грузного сложения и, по всей видимости, довольно молодой, но исполненный достоинства и величия. Вся его поза и лицо выражали совершенную невозмутимость; он с явным удовольствием курил свою сигару, а подле него на столе стоял высокий бокал с шипучим напитком, распространяющим вокруг себя приятный аромат.

-- Добро пожаловать, -- сказал он, протягивая руку полковнику Джеральдину. -- Я знал, что могу положиться на вашу точность.

-- На мою преданность, -- с поклоном возразил полковник.

-- Представьте меня вашим друзьям, -- продолжал сидящий. -- Господа, поверьте, я был бы рад предложить вам более приятную программу, -- сказал он с очаровательной учтивостью после того, как Джеральдин выполнил его просьбу, -- это весьма нелюбезно с моей стороны, я знаю, в первую же минуту знакомства занимать своих новых друзей серьезными делами; однако обстоятельства оказались сильнее законов вежливости. Я надеюсь и даже уверен, что вы простите мне эту неприятную ночь; для людей вашего склада довольно знать, что вы оказываете человеку немаловажную услугу.

-- Ваше высочество, -- сказал майор, -- извините меня за прямодушие. Я не могу скрывать того, что мне известно. Я уже начинал подозревать, кто такой майор Хаммерсмит. А уж мистер Годол не вызывает никаких сомнений. Стремиться найти в Лондоне двух людей, не знающих в лицо Флоризеля, принца Богемского, -- значит требовать от фортуны невозможного.

-- Принц Флоризель! -- воскликнул пораженный Брекенбери и с любопытством взглянул на прославленного человека, сидевшего перед ним.

-- Я не сожалею о потере своего инкогнито, -- сказал принц, -- ибо это даст мне возможность отблагодарить вас по достоинству. Я не сомневаюсь, что вы сделали бы для мистера Годола столько же, сколько для принца Богемского, но так как последний может сделать для вас самого больше, чем первый, я считаю в выигрыше себя, -- заключил он с широким и величавым жестом.

Затем принц начал беседовать с офицерами об индийской армии и туземных войсках, проявив, как всегда, большую осведомленность и высказав несколько здравых суждений. Поразительная выдержка принца в минуту смертельной опасности вызвала у Брекенбери чувство почтительного восхищения. Обворожительная учтивость и прелесть его беседы также произвели свое обычное действие. Каждый жест, каждая интонация были не только благородны сами по себе, но, казалось, облагораживали счастливого смертного, к которому относились. Брекенбери сказал себе с жаром, что для такого государя всякий мужественный человек с радостью пожертвует жизнью.

Старик, все время беседы сидевший в углу с часами в руках, внезапно поднялся и шепнул что-то на ухо принцу.

-- Хорошо, доктор Ноэль, -- громко ответил Флоризель и, обратившись к собеседникам, сказал не без волнения в голосе: -- С вашего позволения, господа, я вынужден оставить вас в потемках. Близится наш час.

Доктор Ноэль погасил лампу. Тусклый сероватый отблеск, предвестник зари, не в состоянии был разогнать мрака в комнате. Принц встал со стула, черты лица его были неразличимы, и нельзя было понять, какое чувство волнует

его в эту минуту. Подойдя к двери, он остановился возле нее в позе человека, настороженно к чему-то прислушивающегося.

-- Будьте добры соблюдать полнейшую тишину, -- обратился он ко всем, кто находился в комнате, -- и расположиться в самом темном углу так, чтобы вас не было видно.

Три офицера и лекарь поспешили исполнить его приказание. В течение следующих десяти минут во всем Рочестер-хаусе не было слышно ни звука, если не считать крысиной возни за панелью. Затем громкий скрип двери с поразительной отчетливостью нарушил тишину, и вскоре на винтовой лестнице послышались осторожные, медленные шаги. Через каждую ступеньку неизвестный на минуту останавливался, словно прислушиваясь, и в эти промежутки, которые казались бесконечными, глубокое беспокойство овладевало всеми. Доктор Ноэль, хоть и производил впечатление человека бывалого, не мог совладать с собою: дыхание его вырывалось со свистом, зубы скрипели, он то и дело переносил вес с одной ноги на другую и хрустел пальцами.

Наконец кто-то с наружной стороны взялся за дверную ручку, и послышалось щелканье затвора. Еще одна пауза, во время которой Брекенбери заметил, что принц весь бесшумно подобрался, как бы собираясь с силами для решающей схватки. Дверь приоткрылась, и в комнате стало немного светлее. На пороге неподвижно стоял человек высокого роста. В руке у него сверкал нож. Рот его был раскрыт, как пасть у гончей, готовящейся прыгнуть на затравленного зверя, и даже в предрасветном полумраке можно было различить блеск его зубов. Капли со стуком скатывались на пол с его насквозь промокшей одежды -- очевидно, он только что вышел из воды.

В следующую минуту он переступил порог. Прыжок, вскрик, короткая борьба, и, прежде чем полковник Джеральдин успел подскочить на помощь, принц уже держал своего противника за плечи. Враг был обезоружен и не в состоянии пошевелиться.

-- Доктор Ноэль, -- сказал принц. -- Будьте добры, зажгите лампу.

Поручив пленника Джеральдину и Брекенбери, принц отошел и прислонился к камину. Когда лампа разгорелась, все увидели на лице принца выражение необычайной суровости. Перед ними стоял не Флоризель, беспечный и светский молодой человек, а разгневанный, полный непоколебимой решимости принц Богемский. Закинув назад голову, он обратился к пленному председателю Клуба самоубийц со следующей речью.

-- Господин председатель, -- сказал он. -- Вы сами попались в ловушку, которую поставили мне. Скоро наступит утро -- последнее утро вашей жизни. Вы только что переплыли Риджентс-канал; это ваше последнее плавание. Ваш старый соучастник, доктор Ноэль, вместо того чтобы предать меня вам, доставил вас в мои руки, чтобы я сотворил над вами суд. Могила, которую вы вчера выкопали для меня, волею божьего промысла поможет скрыть от любопытного человечества заслуженную вами кару. Итак, сударь, на колени, и молитесь, если у вас есть склонность к молитве! Время не ждет, и верховный судья наскучил вашими прегрешениями.

Председатель стоял, опустив голову и угрюмо глядя в пол, словно чувствуя на себе долгий и беспощадный взгляд принца, и не отвечал на его речь ни словом, ни жестом.

-- Джентльмены, -- продолжал Флоризель, перейдя на свой обычный

разговорный тон. -- Перед вами человек, который долгое время от меня ускользал. И вот, наконец, спасибо доктору Ноэлю, он у меня в руках. Повесть о всех бесчинствах, которые он творил, заняла бы слишком много времени, а нам сейчас недосуг. Достаточно сказать, что канал, который этот негодяй только что переплыл, обмелел бы ненамного, если бы вместо воды был наполнен кровью его несчастных жертв. Однако даже и в подобных обстоятельствах мне хотелось бы соблюсти все законы, предписываемые честью. Но судите сами, джентльмены, речь идет, собственно, не о дуэли, а о казни, и предоставить этому преступнику выбор оружия было бы неуместной церемонией. Я не имею права рисковать своей жизнью в таком деле, -- продолжал он, раскрывая футляр со шпагами. -- Пуля летит на крыльях случайности, и подчас самый скверный стрелок может победить искусного и отважного противника. Поэтому я решил остановиться на шпагах. Надеюсь, что вы одобрите мое решение.

Как только Брекенбери и майор О'Рук, к которым преимущественно и обращался принц, выразили свое одобрение, он крикнул председателю:

-- Скорее, сударь, не мешкайте! Выбирайте шпагу и не заставляйте меня ждать. Мне не терпится покончить с вами раз и навсегда.

Впервые после своего пленения председатель поднял голову: было ясно, что к нему вернулась надежда.

-- Так это будет поединок? -- воскликнул он, одушевившись. -- Поединок между вами и мной?

-- Да, я намерен оказать вам эту честь, -- ответил принц.

-- Ну что ж! -- воскликнул председатель. -- Чего только не случается в честном поединке! Позвольте сказать, что я считаю этот поступок вашего высочества весьма благородным. На худой конец, если я и погибну, то от руки самого храброго джентльмена в Европе.

С этими словами председатель, которого больше уже не держали, подошел к столу и принялся тщательно выбирать себе шпагу. Он был в прекрасном настроении и, казалось, не сомневался, что победителем из поединка выйдет он. Его уверенность вызвала тревогу у присутствующих, и они принялись уговаривать принца Флоризеля еще раз обдумать свое решение.

-- Это всего лишь фарс, господа, -- отвечал тот, -- и я постараюсь его не затянуть.

-- Умоляю вас, ваше высочество, будьте осмотрительны! -- сказал полковник Джеральдин.

-- Джеральдин, -- ответил принц, -- вы слышали чтобы я когда-нибудь отказывался от долга чести? Я должен вам жизнь этого человека и заплачу мой долг сполна.

Председатель остановил свой выбор на одной из шпаг и жестом, не лишенным своеобразного сурового достоинства, дал понять, что готов.

Принц схватил первую попавшуюся шпагу.

-- Полковник Джеральдин и доктор Ноэль будут любезны подождать меня здесь, -- сказал он. -- Я не желаю, чтобы в этом деле участвовали мои личные друзья. Майор О'Рук, вы человек почтенного возраста и прочной репутации, позвольте рекомендовать вашему вниманию председателя. Я же попрошу услуг лейтенанта Рича: молодому человеку полезно набираться опыта.

-- Ваше высочество, -- ответил Брекенбери, -- я буду лелеять память об этой чести до конца моих дней.

-- Отлично, -- сказал принц Флоризель. -- Надеюсь со временем оказать вам более важную услугу.

Он вышел из комнаты и начал спускаться по лестнице в кухню.

Оставшиеся распахнули окно и, высунувшись наружу, напрягли все чувства, готовясь ловить малейшие признаки предстоящей трагедии. Дождь перестал; уже почти рассвело, в кустах и ветвях деревьев пели птицы. На мгновение на дорожке сада, окаймленной цветущим кустарником, показались принц и его спутники и тотчас скрылись за поворотом аллеи. Больше ничего полковнику с доктором не было дано увидеть, а место, избранное принцем для поединка, было, по-видимому, где-то в дальнем углу парка, откуда не мог долететь даже звон скрещенного оружия.

-- Он повел его туда, к могиле, -- сказал доктор Ноэль с содроганием.

-- Господи, -- воскликнул полковник, -- даруй победу достойному!

И оба стали молча ожидать исхода поединка. Доктор дрожал, как в лихорадке. Полковник был весь в испарине. Прошло, должно быть, немало времени: небо заметно посветлело, звонче раздавались птичьи голоса. Наконец звук шагов заставил ожидавших устремить взоры на дверь. Вошли принц и оба офицера индийской армии. Победа досталась достойному.

-- Мне совестно, что я позволил себе так взволноваться, -- сказал принц Флоризель. -- Это слабость, я знаю. Слабость, недостойная человека моего положения, но куда это исчадие ада бродило по земле, я был сам не свой. Его смерть освежила меня больше, чем долгий ночной сон. Вот, Джеральдин, смотрите, -- продолжал он, бросив на пол шпагу, -- вот кровь человека, убившего вашего брата. Радостное зрелище. А вместе с тем, -- прибавил он, -- как странно устроен человек! Прошло всего лишь пять минут с тех пор, как я утолил свою месть, а я уже задаюсь вопросом, можно ли в нашей неверной жизни утолить даже такое чувство, как месть. Все зло, что причинил этот человек, -- кто его исправит? Его жизнь, в течение которой он сколотил огромное состояние (ведь и этот роскошный особняк с парком принадлежал ему), -- эта жизнь прочно и навсегда вошла в судьбу человечества; и сколько бы я ни упражнялся в квартах, секундах и прочих фехтовальных приемах -- пусть хоть до судного дня, -- вашего брата, Джеральдин, мне не воскресить, как не вернуть к жизни тысячи невинных душ, обесчещенных и развращенных председателем. Лишить человека жизни -- пустяк, а сколько человек может натворить за свою жизнь! Увы, что может быть печальнее достигнутой цели!

-- Я знаю только одно, -- сказал доктор. -- Свершился высший суд. Ваше высочество, я получил жестокий урок и теперь с трепетом ожидаю решения своей участи.

Принц встрепнулся.

-- Однако что я говорю! -- воскликнул он. -- Мало того, что мне удалось покарать злодея, мне еще и посчастливилось найти человека, который поможет исправить причиненное им зло. Ах, доктор Ноэль! Нам предстоит еще много дней потрудиться вместе над этой нелегкой и почетной задачей. И как знать -- к тому времени, как мы ее выполним, вы, быть может, с лихвой искупите ваши прежние грехи.

-- А покуда, -- сказал доктор, -- позвольте мне удалиться, дабы предать земле моего старинного друга.

Таков, по словам ученого араба, счастливый исход этой истории. О том,

что принц не забыл никого, кто помог ему в этом его подвиге, можно и не говорить. Его влияние и могущество по сей день способствуют их продвижению по общественной лестнице, а благосклонная дружба, которую он их дарит, вносит особую прелесть в их частную жизнь. Передать все удивительные истории, в которых этот принц играл роль провидения, продолжает мой рассказчик, означало бы затопить книгами все обитаемые уголки земли. Однако приключения, связанные с Алмазом Раджи, так занимательны, говорит он, что их нельзя предать забвению. Итак, последуем осторожно, шаг за шагом, за нашим восточным собратом и поведаем упомянутую им серию повестей, начиная с рассказа, который ему угодно назвать повестью о шляпной картонке.

* АЛМАЗ РАДЖИ *

ПОВЕСТЬ О ШЛЯПНОЙ КАРТОНКЕ

До шестнадцатилетнего возраста мистер Гарри Хартли, как и подобает джентльмену, сначала обучался в частной школе, а потом в одном из тех знаменитых заведений, которыми справедливо гордится Англия. Тут он обнаружил удивительную нелюбовь к учению, и так как родительница его была сама и слабовольна и невежественна, то сыну было разрешено отныне тратить свое время, совершенствуясь в пустячных и чисто светских навыках. Еще через два года он стал круглым сиротой и почти нищим. Ни для какой полезной деятельности Гарри по своей натуре и по своему образованию не годился. Он умел петь чувствительные романсы и кое-как подыгрывать себе на рояле, был изящным, хотя и робким наездником и выказывал явную склонность к шахматам. К тому же природа наделила его самой привлекательной наружностью, какую только можно себе представить. Белокурый, розовый, с невинным взором и кроткой улыбкой, он имел вид приятно-меланхолический и нежный, а манеры самые смиренные -- и ласковые. Но при всем том он все-таки был не из тех, кто способен вести войска в бой или вершить дела государства.

Счастливым случай и некое влиятельное содействие помогли Гарри получить после постигшей его тяжелой утраты место личного секретаря у сэра Томаса Венделера -- генерал-майора и кавалера ордена Бани. Сэр Томас был человек лет шестидесяти, шумный, самоуверенный и властный. По какой-то причине, за какую-то услугу, о которой нередко ходили сплетни, тут же, впрочем, опровергавшиеся, кашгарский раджа подарил этому офицеру шестой по величине алмаз на свете. Такой дар превратил генерала Венделера из бедняка в богача и сделал скромного и никому не известного служаку одним из львов лондонского света. Владельца индийского алмаза радушно принимали в самых избранных кругах, и нашлась некая молодая, красивая особа хорошего рода, у которой возникло желание завладеть этим алмазом даже ценою брака с сэром Томасом Венделером. Люди судачили, что "масть к масти подбирается" и что одна драгоценность притянула, к себе другую. И правда, леди Венделер не только сама была брильянтом чистейшей воды, но и выступала в свете в очень дорогой оправе: многие достойные знатоки называли ее среди первых щеголих Англии.

Секретарские обязанности Гарри были не очень обременительны, но он не любил никакой затяжной работы; пачкать пальцы чернилами было для него мукой, а очарование леди Венделер и ее туалетов часто переманивало его из

библиотеки в будуар. Он отлично умел обходиться с дамами, оживленно болтал о модах и с превеликим удовольствием толковал об оттенке какой-нибудь ленточки или мчался с поручением к модистке. И вот переписка сэра Томаса оказалась в самом плачевном виде, зато миледи обзавелась еще одной горничной.

Но однажды генерал, который был отнюдь не из терпеливых военачальников, поднялся со своего кресла в порыве яростного гнева и дал понять своему секретарю, что не нуждается более в его услугах, применив объяснительный жест, чрезвычайно редко употребляемый в разговоре между джентльменами. Дверь, к несчастью, была открыта, и мистер Хартли вниз головой съехал по лестнице.

Он поднялся весь в ссадинах и глубоко обиженный. Жизнь в доме генерала приходилась ему по вкусу: он все-таки -- хотя и не вполне на дружеской ноге, -- общался с благовоспитанными людьми, работал мало, ел как нельзя лучше, а в присутствии леди Венделер испытывал теплое и приятное чувство, которое втайне определял более пылким наименованием.

Оскорбленный грубым пинком военачальника, он поспешил в будуар и выложил там свои обиды.

-- Вы сами отлично знаете, дорогой Гарри, -- отвечала леди Венделер, называвшая его по имени, как ребенка или слугу, -- что вы никогда, решительно никогда не выполняете требований генерала. Вы, пожалуй, скажете, что я поступаю так же. Но я -- дело другое. Женщина будет своевольничать целый год, но, вовремя покоровшись, сумеет заслужить прощение. И потом личный секретарь ведь не жена. Мне будет жаль расстаться с вами, однако нельзя же оставаться в доме, где вам нанесли оскорбление, а потому я желаю вам всего хорошего и обещаю, что генерал жестоко поплатится за свой поступок.

Лицо Гарри вытянулось. Слезы выступили у него на глазах, и он с выражением нежного упрека воззрился на леди Венделер.

-- Миледи, -- сказал он, -- зачем говорить об оскорблениях? Чего стоит человек, не умеющий прощать их? Но расстаться с друзьями, разорвать узы привязанности...

Он не мог продолжать от душившего его волнения и заплакал.

Леди Венделер посмотрела на него с каким-то странным выражением.

"Этот дурачок, -- подумала она, -- воображает, будто влюблен в меня.

Почему бы ему от генерала не перейти ко мне? Он добродушен, услужлив, знает толк в платьях. По крайней мере здесь он не попадет в беду. Он положительно слишком смазлив, чтобы оставаться без присмотра".

В тот же вечер она поговорила с генералом, который уже несколько устыдился своей горячности. Гарри перешел в подчинение к хозяйке, и для него началась просто райская жизнь. Он одевался на редкость изящно, ходил с красивым цветком в петлице и умел занять любую гостью тактичной и приятной беседой. Он гордился тем, что прислуживает прекрасной женщине, любой приказ леди Венделер принимал как знак внимания и гордо охорашивался перед другими мужчинами, которые высмеивали и презирали его за эту роль то ли горничной, то ли модистки. Он не мог нахвалиться своей жизнью и с моральной точки зрения. Порочность представлялась ему чисто мужским свойством, и, проводя дни с хрупкой женщиной и занимаясь преимущественно тряпками, он словно спасался от жизненных бурь на очарованном острове.

В одно прекрасное утро он вошел в гостиную и стал прибирать ноты на крышке рояля. В дальнем углу комнаты леди Венделер оживленно беседовала со своим братом Чарли Пендрегоном, старообразным молодым человеком, изрядно потрепанным разгульной жизнью и сильно хромавшим на одну ногу. Личный секретарь, на приход которого они не обратили внимания, невольно слышал обрывки разговора.

-- Сегодня или никогда, -- сказала леди Венделер. -- Раздумывать нечего, надо покончить с этим сегодня.

-- Сегодня так сегодня, -- ответил брат вздыхая. -- Но, Клара, это ложный шаг, гибельный шаг. Как бы нам не пожалеть потом.

Леди Венделер твердо и чуть-чуть странно посмотрела на брата:

-- Ты забываешь, что он ведь умрет в конце концов.

-- Честное слово, Клара, -- сказал Пендрегон, -- такой бессердечной и бессовестной женщины, как ты, не найти во всей Англии.

-- Вы, мужчины, -- возразила она, -- существа грубые, в оттенках значений не разбираетесь. Сами вы жадны, необузданны, бесстыдны и в средствах неразборчивы, а малейшая попытка женщины позаботиться о своем будущем вас возмущает. Меня весь этот вздор просто из себя выводит. Вы даже в простом поденщике не потерпели бы такой глупости, какой ожидаете от нас.

-- Может быть, ты и права, -- ответил ее брат. -- Ты всегда была умней меня. К тому же тебе известно мое правило: "Семья важнее всего".

-- Да, Чарли" -- сказала она, поглаживая его руку. -- Я знаю это правило лучше, чем ты сам. Но вторая половина твоего правила: "А Клара важнее семьи!" Верно? Ты в самом деле отличный брат, и я тебя нежно люблю.

Мистер Пендрегон поднялся, несколько смущенный этим изъявлением родственных чувств.

-- Лучше, чтобы меня здесь не видели, -- сказал он. -- Я свою роль выучил на зубок, да и с твоего котеночка глаз не спущу.

-- Пожалуйста, -- ответила она. -- Это жалкое существо может нам все испортить.

Она послала брату кокетливый воздушный поцелуй, и тот через будуар удалился по задней лестнице.

-- Гарри, -- сказала леди Венделер, оборачиваясь к секретарю, как только они остались вдвоем. -- Мне надо сейчас послать вас кой-куда. Только возьмите кеб: я не хочу, чтобы мой секретарь покрылся веснушками.

Последние слова она произнесла очень выразительно и сопровождала их почти матерински горделивым взглядом. Бедный Гарри ужасно обрадовался и заявил, что всегда рад услужить ей.

-- Это будет еще одна наша тайна, -- продолжала она лукаво, -- очень важная тайна, и никто не должен знать о ней, только я да мой секретарь. Сэр Томас учинил бы великий переполох, а вы представить себе не можете, как мне надоели эти сцены! О Гарри, Гарри, объясните мне, отчего вы, мужчины, так грубы и несправедливы? Впрочем, нет, вам это тоже непонятно: вы единственный мужчина на свете, кому несвойственна эта постыдная несдержанность. Вы такой хороший, Гарри, такой добрый, вы можете быть другом женщине. И, знаете, от сравнения с вами остальные кажутся еще хуже.

-- Нет, это вы так добры, -- любезно сказал Гарри. -- Вы относитесь ко мне...

-- Как мать, -- перебила леди Венделер. -- Я стараюсь быть вам матерью. По крайней мере, -- поправились она с улыбкой, -- почти. Я, пожалуй, слишком молода и в матери вам не гожусь. Лучше скажем: я стараюсь быть вам другом, близким другом.

Тут она сделала паузу, достаточно долгую, чтобы Гарри успел размякнуть, но не такую длинную, чтобы ему удалось вставить слово.

-- Впрочем, все это не относится к делу, -- продолжала она. -- В дубовом шкафу с левой стороны стоит шляпная картонка, она прикрыта розовым шелковым чехлом, который я надевала в среду под кружевное платье. Вы немедленно отвезете карточку по этому адресу. -- Тут она дала ему конверт. -- Ни в коем случае не выпускайте ее из рук, пока не получите расписку, написанную моей собственной рукой. Понимаете? Повторите, пожалуйста, -- повторите! Это крайне важно, я очень прошу вас быть повнимательней.

Гарри успокоил ее, точно повторив инструкции. Она хотела добавить еще что-то, но тут в гостиную ворвался генерал Венделер, весь багровый от злости. В руках у него был длиннейший и подробнейший счет от модистки.

-- Не угодно ли вам поглядеть, сударыня? -- закричал он. -- Не окажете ли вы мне любезность взглянуть на этот документ? Я прекрасно понимаю -- вы вышли за меня по расчету, но, по-моему, ни один человек у нас в армии не дает своей жене столько на расходы, сколько я даю вам. И, как бог свят, я положу конец вашей бессовестной расточительности!

-- Мистер Хартли, вам ясно, что надо сделать, -- сказала леди Венделер. -- Не задерживайтесь, прошу вас,

-- Постойте-ка, -- сказал генерал, обращаясь к Гарри, -- не уходите еще. -- И, снова поворачиваясь к леди Венделер, спросил: -- Что вы такое поручаете этому бездельнику? Я ему доверяю не больше, чем вам, так и знайте. Будь у него хоть на грош порядочности, он не захотел бы оставаться в этом доме, а за что он получает свое жалованье, тайна для всей вселенной. Какое поручение вы ему даете, сударыня? И почему вы так торопитесь отослать его?

-- Я думала, вы желали побеседовать со мной наедине, -- возразила леди Венделер.

-- Вы говорили о каком-то поручении, -- настаивал генерал. -- Не старайтесь меня обмануть, я и так вне себя. Вы говорили именно о каком-то поручении.

-- Раз вы непременно хотите делать слуг свидетелями наших унижительных разногласий, -- ответила леди Венделер, -- может быть, мы попросим мистера Хартли присесть?.. Нет? Тогда, -- закончила она, -- вы можете идти, мистер Хартли. Полагаю, вы запомнили все, что слышали в этой комнате. Это может вам пригодиться.

Гарри тотчас же улизнул из гостиной. Взбегая вверх по лестнице, он еще слышал громкий и негодующий голос генерала и нежный голосок леди Венделер, которая то и дело вставляла ледяным тоном свои колкие замечания. Он искренне восхищался своей хозяйкой. Как ловко она обошла неприятный вопрос! Как хладнокровно повторяла свои наставления прямо под наведенными орудиями противника! И как в то же время был ему ненавистен ее супруг!

В происшествиях этого утра не было ничего необычного: он привык к тайным поручениям леди Венделер, связанным главным образом с нарядами. Был в доме один секрет, отлично ему известный. Отчаянное мотовство и тайные долги

жены давно съели ее собственное состояние и со дня на день угрожали поглотить и состояние мужа. Раза два в год разоблачение и банкротство казались неминуемыми. Гарри бегал по лавкам поставщиков, врал как мог и платил по мелочам в счет больших долгов, пока наконец не добивался отсрочки и леди Венделер со своим верным секретарем не получали передышку. Ибо Гарри стоял горой за свою хозяйку, и не только потому, что обожал леди Венделер, а ее мужа боялся и ненавидел, но и потому, что от всей души сочувствовал любви к нарядам: он и сам не знал удержу, когда дело доходило до портных.

Он нашел шляпную картонку в указанном месте, старательно приоделся и вышел из дому. Солнце ярко сияло, дорога предстояла неблизкая, и Гарри с огорчением вспомнил, что из-за неожиданного вторжения генерала леди Венделер не успела дать ему денег на кеб. В такой знойный день недолго было испортить себе цвет лица, да и шествовать чуть ли не через весь Лондон со шляпной картонкой в руках казалось чересчур унижительным для молодого человека его взглядов. Он немного постоял, раздумывая. Венделеры жили на Итон-плейс, а идти надо было к Нотингхиллу; значит, можно пройти парком, держась подальше от многолюдных аллей. "Просто счастье, что еще сравнительно рано", размышлял он.

Торопясь отделаться от своей обузы, он шел быстрее обычного и уже почти миновал Кенсингтонские сады, как вдруг в уединенном уголке среди деревьев столкнулся лицом к лицу с генералом.

-- Прошу прощения, сэр Томас, -- промолвил Гарри, учтиво сторонясь, ибо тот преградил ему дорогу.

-- Куда это вы идете, сэр? -- спросил генерал.

-- Хочу немножко прогуляться по парку, -- ответил юноша.

Генерал ударил тростью по картонке.

-- Вот с этой штукой? -- воскликнул он. -- Это ложь, сэр, отъявленная ложь!

-- Право же, сэр Томас, -- возразил Гарри, -- я не привык, чтобы меня допрашивали в таком тоне.

-- Вы забываетесь, -- сказал генерал. -- Вы состоите у меня на службе и к тому же внушаете мне самые серьезные подозрения. Почему знать, может быть, в этой картонке лежат серебряные ложки?

-- В ней лежит цилиндр моего приятеля, -- заявил Гарри.

-- Отлично, -- сказал генерал. -- Тогда я хочу поглядеть на цилиндр вашего приятеля. Я чрезвычайно интересуюсь цилиндрами, -- прибавил он зловеще. -- И вы, вероятно, знаете, что я не охотник до шуток.

-- Прошу прощения, сэр Томас, -- вежливо промолвил Гарри, -- мне очень жаль, но это, право, дело мое собственное.

Генерал грубо схватил его за плечо и угрожающе взмахнул тростью. Гарри решил, что погиб. Но в этот миг небо ниспослало ему неожиданного защитника в лице Чарли Пендрегона, который внезапно выступил из-за деревьев.

-- Пойдите-ка, генерал, -- сказал он. -- Вы ведете себя невежливо да и недостойно мужчины.

-- А, мистер Пендрегон! -- воскликнул генерал, круто оборачиваясь к новому противнику. -- И вы полагаете, мистер Пендрегон, что если я имел несчастье жениться на вашей сестре, то позволю такому распутнику и моту, как вы, ходить за мною по пятам и вмешиваться в мои дела? Знакомство с леди

Венделер, сэр, отбило у меня всякую охоту водиться с остальными членами семьи.

-- А вы воображаете, генерал Венделер, -- отпарировал Чарли, -- что раз моя сестра имела несчастье стать вашей женой, значит, она распорстилась со всеми правами и привилегиями дамы из общества? Конечно, выйдя за вас, сэр, она сделала все, чтобы уронить свое достоинство, но для меня она по-прежнему член семьи Пендрегонов. Мой долг -- защитить ее от низкого надругательства, и, будь вы хоть десять раз ее муж, я не позволю вам ограничивать ее свободу и силой задерживать ее личного посланца.

-- Что же это, мистер Хартли? -- осведомился генерал. -- Мистер Пендрегон, по-видимому, согласен с моим мнением. Он тоже подозревает, что леди Венделер имеет какое-то отношение к цилиндру вашего приятеля!

Чарли понял, что совершил непростительный промах, и поторопился его исправить.

-- Что такое, сэр? -- закричал он. -- Вы говорите, что я "подозреваю"? Я ничего не подозреваю. Но когда я вижу, что при мне злоупотребляют силой и издеваются над подчиненными, я беру на себя смелость вмешаться.

Говоря это, он сделал знак Гарри, но тот по глупости или от волнения ничего не понял.

-- Как мне истолковать ваши слова, сэр? -- спросил Венделер.

-- Да как вам будет угодно, сэр, -- отрезал Пендрегон.

Генерал опять взмахнул тростью, намереваясь дать своему шурину по голове, но тот, хоть и был хром, отразил удар зонтиком и бросился на своего грозного противника.

-- Беги, Гарри, беги! -- кричал он. -- Беги же, болван!

Мгновение Гарри стоял оцепенев и глядел, как те двое раскачивались, яростно обхватив друг друга, затем повернулся и дал стрекача. Оглянувшись через плечо, он увидел, что Чарли уже уперся коленом в грудь поверженного генерала, который все же делает отчаянные попытки поменяться с противником местами. Весь парк вдруг наполнился людьми, которые со всех сторон сбегались к месту сражения. От такого зрелища у секретаря выросли крылья за плечами, и он не сбавлял шага, пока не достиг Бейзуотер-роуд и не влетел в какой-то пустынный переулок.

Видеть, как два знакомых джентльмена грубо тузят друг друга, было Гарри не по силам. Ему хотелось стереть из памяти эту картину, а еще больше -- очутиться подальше от генерала Венделера. Второпях Гарри совсем позабыл, куда направляется, и, охваченный страхом, стремглав мчался вперед. При мысли о том, что леди Венделер приходится женой одному из этих гладиаторов и сестрой другому, его сердце наполнялось сочувствием к женщине, жизнь которой сложилась столь несчастливо. В свете этих бурных событий его собственное положение в доме генерала показалось ему не слишком завидным.

Он так погрузился в свои размышления, что, только задев нечаянно какого-то прохожего, вспомнил наконец о картонке, висевшей у него на руке.

-- Ох, где была моя голова! -- воскликнул он. -- И куда это я забрел?

И он схватился за конверт, который дала ему леди Венделер. На нем стоял адрес, но имени не было. Секретарю поручалось спросить джентльмена, который должен получить пакет от леди Венделер, а если того не окажется дома, дожидаться его прихода. Джентльмен, указывалось далее, должен предъявить

собственноручную расписку леди Венделер. Все это выглядело ужасно таинственно, но Гарри особенно удивляло отсутствие имени адресата и то, что требовалось получить расписку. Когда о расписке мимоходом упомянули в разговоре, он не придал этому никакого значения. Теперь же, сопоставив надпись на конверте с другими странными обстоятельствами, он решил, что впутался в опасное дело. Он даже усомнился было в самой леди Венделер. Все эти странные затеи показались ему недостойными такой знатной дамы, а поняв, что у нее есть тайны и от него самого, он готов был судить о ней строже.

Однако леди

Венделер по-прежнему властвовала над его душой; в конце концов он отбросил всякие подозрения и основательно выбранил себя за то, что поддался им.

Так или иначе, но чувство долга и расчет, преданность и страх -- все подсказывало ему, что надо самым быстрым образом отделаться от шляпной картонки.

Он обратился к первому встречному полисмену и вежливо расспросил, как идти. Выяснилось, что он недалек от цели, и через несколько минут Гарри уже стоял перед маленьким, заново окрашенным домом. Тут все было в полном порядке: дверной молоток и звонок ярко блестели, на подоконниках красовались горшки с цветами, а шторы из дорогой материи скрывали внутренние покои от нескромных взглядов прохожих. Владелец дома, видимо, ценил покой и уединение, и Гарри, поддавшись общему духу, царившему здесь, постучал тише обычного и старательней обычного отряхнул пыль с сапог.

Довольно привлекательная служанка тотчас открыла дверь и окинула секретаря благосклонным взглядом.

-- Пакет от леди Венделер, -- сказал Гарри.

-- Знаю, -- сказала девушка, кивнув. -- Но хозяина нет дома. Быть может, вы оставите пакет мне?

-- Не могу, -- ответил Гарри. -- Мне приказано вручить его только на определенных условиях. Боюсь, что мне придется просить у вас разрешения подождать.

-- Ну что ж, -- сказала она. -- Подождите, пожалуй. Довольно скучно сидеть одной, а вы непохожи на человека, которому захочется обидеть девушку. Но, смотрите, не спрашивайте имени хозяина, мне этого говорить не велено.

-- Неужели? -- вскричал Гарри. -- Вот странно! Хотя, по правде сказать, с недавних пор я на каждом шагу встречаюсь с неожиданностями. Надеюсь, вы не сочтете нескромным, если я все-таки задам один вопрос: этот дом принадлежит вашему хозяину?

-- Он его снимает, и то лишь с неделю, -- объявила горничная. -- А теперь ответьте на мой вопрос: вы знакомы с леди Венделер?

-- Я ее личный секретарь, -- ответил Гарри, скромно зардевшись.

-- Она красивая, наверно? -- допытывалась служанка.

-- О, она красавица! -- воскликнул Гарри. -- Она чудо как хороша собой и такая добрая и милая!

-- На вид вы тоже добры, -- возразила девушка. -- Слово даю, вы стоите дюжины таких дам.

Гарри ушам своим не поверил.

-- Я? -- вскричал он. -- Я всего-навсего секретарь!

-- Это вы мне нарочно говорите? Да? -- спросила она. -- Я-то

всего-навсего горничная. -- Но, увидев, что Гарри смешался, прибавила мягче: -- Вы, видно, не хотели сказать ничего такого, и вы мне нравитесь, но вашу леди Венделер я и в грош не ставлю. Ох уж эти хозяйки! Среди бела дня отправить настоящего джентльмена со шляпной картонкой в руках!

Пока шел этот разговор, она оставалась в дверях, а он по-прежнему стоял на тротуаре, без шляпы прохлады ради и с картонкой в руке. Однако при последних словах, смущенный слишком откровенными комплиментами и обнадеживающими взорами, которыми они сопровождались, Гарри начал топтаться на месте и неловко озираться по сторонам. Взглянув нечаянно в дальний конец переулочка, он, к своему неопишуемому ужасу, встретился взглядом с генералом Венделером. Разгоряченный, негодующий генерал нетерпеливо рыскал по улицам, преследуя своего шурина. Но когда ему попался на глаза провинившийся секретарь, его гнев немедленно устремился по новому руслу. Генерал круто повернулся и, свирепо размахивая руками, с громким воплем ринулся по тихому переулочку.

Втолкнув в дом девушку, Гарри одним прыжком очутился за порогом, и дверь захлопнулась перед самым носом преследователя.

-- Засов есть? Дверь запирается? -- спрашивал Гарри под грохот дверного молотка, отдававшийся эхом во всех углах дома.

-- Что с вами такое? -- спросила девушка. -- Вы испугались этого старика?

-- Если он меня сцапает, -- прошептал Гарри, -- я пропал. Он гоняется за мной весь день, у него внутри трости спрятана шпага, а сам он военный, служил в Индии.

-- Ну и дела! -- воскликнула девушка. -- А как же его зовут, скажите на милость?

-- Это генерал Венделер, мой хозяин, -- ответил Гарри. -- Он хочет отнять у меня картонку.

-- Что я вам говорила? -- торжествующе вскричала девушка. -- Говорила я вам, что она гроша ломаного не стоит, эта ваша леди Венделер. Будь у вас глаза на месте, вы бы и сами увидели, что она такое! Просто неблагодарная вертихвостка, верьте слову!

Разъяренный тем, что ему не открывают, генерал снова накинулся на дверной молоток да еще начал бить в дверь ногами.

-- Хорошо, что я одна в доме, -- заметила девушка. -- Ваш генерал может барабанить, пока не выбьется из сил, все равно никто не откроет. Идите-ка за мной!

И она повела Гарри в кухню, усадила на стул, а сама стала рядом и нежно положила руку ему на плечо. Стук в дверь не только не утихал, но даже усиливался, и при каждом ударе несчастный секретарь весь содрогался.

-- Как вас зовут? -- спросила девушка.

-- Гарри Хартли, -- ответил он.

-- А меня -- Пруденс, -- подхватила она. -- Вам нравится мое имя?

-- Очень, -- сказал Гарри. -- Но вы послушайте, как генерал колотит в дверь. Он, наверное, выломает ее, и тогда мне не быть живу.

-- Зачем зря расстраиваться? -- заявила Пруденс. -- А ваш генерал пусть стучит, он только волдырей себе насадит. Неужели я держала бы вас здесь, если б наперед не знала, как вас выручить? Ну нет, я хороший друг тому, кто

мне нравится. У нас ведь есть черный ход на другую улицу. Но я вас не проведу к выходу, -- прибавила она, ибо Гарри сразу вскочил с места при этом радостном известии, -- пока вы меня не поцелуете. Поцелуете, Гарри?

-- Конечно, поцелую! -- галантно воскликнул он. -- И вовсе не ради вашей другой двери, а потому, что вы добрая и хорошенькая.

И он нежно расцеловал ее, и она ответила ему тем же.

Затем Пруденс провела его к выходу.

-- А вы придете еще повидать меня? -- спросила она, берясь за ключ.

-- Непременно, -- ответил Гарри. -- Разве я не обязан вам жизнью?

-- А теперь, -- сказала она напоследок, открывая дверь, -- бегите со всех ног: сейчас я впусти генерала.

Едва ли Гарри нуждался в таком совете: подгоняемый страхом, он без промедления пустился наутек. Еще несколько шагов, и его испытания закончатся и он, целый и невредимый, вернется к леди Венделер. Но он не успел пробежать эти несколько шагов. Он услышал, что кто-то, окликает его по имени и клянет на чем свет стоит. Обернувшись назад, он заметил Чарли Пендрегона, который махал ему обеими руками, подзывая к себе. Эта неожиданная встреча так поразила Гарри, нервы которого и без того были напряжены до крайности, что он не мог придумать ничего лучшего, как прибавить ходу и мчаться дальше. Если бы Гарри припомнил сцену в Кенсингтонских садах, он догадался бы, что раз генерал враг ему, то Чарли Пендрегон должен быть другом. Но он был в таком отчаянном смятении, что эта мысль не пришла ему в голову, и он только быстрее побежал по переулку.

Судя по сердитому голосу и тем ругательствам, которые неслись вслед секретарю, Чарли был вне себя от ярости. Он тоже бежал изо всех сил; но как ни старался, физические преимущества были не на его стороне, и вскоре выкрики Чарли Пендрегона и неровный звук его шагов по мостовой стали затихать где-то вдалеке.

Гарри опять воспрянул духом. Узкий переулок шел круто в гору и был на редкость безлюден. По обе стороны тянулись садовые ограды, с них свешивались ветви деревьев, а впереди, насколько глаз хватал, не было ни души и не виднелось ни одной открытой калитки. Судьба, очевидно, утормася его преследовать, предлагала ему путь к спасению.

Увы! Когда он поравнялся с одной садовой дверцей, осененной каштанами, она вдруг приоткрылась, и за нею на дорожке он увидел фигуру разносчика из мясной лавки со своим лотком. Гарри пролетел мимо, едва приметив его. Но парень успел разглядеть Гарри и, очевидно, весьма удивился, что какой-то джентльмен несется вперед с такой неподобающей скоростью. Он вышел в переулок и, подбадривая Гарри, пустил ему вслед несколько насмешливых восклицаний.

Его появление подало новую мысль Чарли Пендрегону. Он, хоть и запыхался изрядно, нашел в себе силы крикнуть:

-- Держи вора!

Разносчик немедленно подхватил его возглас и присоединился к погоне.

У бедного затравленного секретаря упало сердце. Правда, страх прибавлял ему прыти, и он с каждым шагом все дальше уходил от преследователей. Но он чувствовал, что силы его иссякают и что, попадись в этом узком переулке кто-нибудь ему навстречу, положение его станет вовсе безнадежным.

"Надо где-нибудь укрыться сию же секунду, не то мне конец!" -- подумал он.

Едва у него мелькнула эта мысль, как переулок вдруг круто завернул и поворот скрыл Гарри от врагов. Бывают обстоятельства, когда даже самые нерешительные люди начинают действовать быстро и энергично, а самые предусмотрительные забывают свое благоразумие и принимают безрассудно смелые решения. Пришел такой час и для Гарри Хартли. Всякий, кто хорошо знал юношу, подивился бы сейчас его отваге: он вдруг остановился, перекинул картонку через ограду, проворно подпрыгнул, ухватился за верх стены обеими руками и вслед за картонкой свалился в сад.

Когда спустя секунду он пришел в себя, оказалось, что он сидит на клумбе среди невысоких розовых кустов.

Руки и колени у него были изрезаны, потому что стена на случай подобных вторжений была щедро утыкана осколками старых бутылок. Он чувствовал, что весь разбит, а голова у него болит и кружится. В глубине сада, тщательно ухоженного и засаженного душистыми цветами, виднелась задняя стена дома. Дом, довольно обширный и, очевидно, обитаемый, по странному контрасту с садом был в забросе, обветшал и имел самый жалкий вид. С трех других сторон сад был обнесен сплошной стеной.

Тупо поглядывая по сторонам, Гарри отмечал все эти подробности, но еще не был в состоянии сопоставить их и сделать из них разумный вывод. Поэтому, заслышав шаги, приближавшиеся к нему по усыпанной гравием дорожке, он обратил свой взор в ту сторону еще без всякой мысли о защите или бегстве.

К нему с лейкой в руке подходил крупный человек грубой и отталкивающей наружности, одетый, как садовник. Всякий встревожился бы, завидев его громадную фигуру и встретив этот угрюмый взгляд исподлобья. Но Гарри был так оглушен падением, что даже не испугался. Не в силах отвести глаз от садовника, он сидел на месте и не оказал ни малейшей попытки к сопротивлению, когда тот приблизился, взял его за шиворот и рывком поставил на ноги.

Несколько мгновений оба молчали, уставившись друг на друга: Гарри -- словно замороженный, а свирепый садовник -- с жестокой и злобной усмешкой.

-- Ты кто такой? -- спросил он наконец. -- Кто тебе разрешил лазать через стены и ломать мои розы? Ведь это же "Слава Дижона"! Как тебя звать? И что тебе здесь нужно? -- прибавил он, встряхивая Гарри.

Гарри не мог вымолвить ни слова в объяснение.

Но как раз в этот момент Пендрегон и разносчик протопали мимо, и хриплые голоса и звуки шагов громко раздались в узком переулке.

Садовник получил ответ на свой вопрос и поглядел на Гарри с мерзкой усмешкой.

-- Вор! -- сказал он. -- Честное слово, ремесло-то, видать, прибыльное: ты вон разделился джентльменом с головы до пяток. И не стыдно тебе, вырядившись так, разгуливать по свету, когда честные люди, верно, рады были бы и твоим обносам? Ну, говори, дрянь ты этакая! -- продолжал он. -- Простого языка не понимаешь? Нужно же мне потолковать с тобой прежде, чем я сведу тебя в участок.

-- Сэр, -- сказал Гарри, -- право, все это -- страшное недоразумение. Пойдемте со мною к сэру Томасу Венделеру на Итон-плейс, и, клянусь вам, все

разъяснится. Теперь я вижу, что и самый добропорядочный человек может попасть в сомнительное положение.

-- Нет, красавчик, -- возразил садовник, -- мы с тобой пойдем вместе не дальше полицейского участка, что на соседней улице. Инспектор, наверное, охотно прогуляется с тобой на Итон-плейс и попьет чайку с твоими важными знакомыми. Может быть, тебе захочется идти прямо к министру внутренних дел? "Сэр Томас Венделер", скажи на милость! И ты думаешь, мне не отличить джентльмена от обыкновенного прощельги вроде тебя? Как ты ни оденешься, я тебя вижу насквозь. Вот рубашка, которая стоит не меньше моей воскресной шляпы, и пиджак твой, ручаюсь, никогда не висел в лавке старьевщика, а сапоги...

Тут садовник, поглядев вниз, разом оборвал свои оскорбительные замечания и несколько секунд разглядывал что-то у себя под ногами. Когда он заговорил снова, голос его звучал как-то странно.

-- Да что же это такое, черт побери? -- сказал он.

Следуя направлению его взгляда, Гарри увидел нечто, заставившее его онеметь от изумления и страха. Падая со стены, он свалился прямо на картонку, которая лопнула сверху донизу, и из нее вывалилась целая груда бриллиантов. Они рассыпались по грядке, и часть их была затоптана в землю, а часть лежала на виду, сверкая царственным великолепием. Была здесь и чудесная диадема, которой он так часто любовался, когда она сияла на головке леди Венделер, были кольца и броши, серьги и браслеты и даже неоправленные бриллианты, блиставшие сейчас в кустах роз, словно капли утренней росы. Лаская взор и отражая лучи солнца миллионами радужных вспышек, перед ними на земле лежало княжеское богатство, в самой привлекательной, надежной и долговечной форме, лежало у самых ног, хоть собирай в передник и уноси.

-- Боже милостивый! -- произнес Гарри. -- Я погиб!

Недавние происшествия с молниеносной быстротой промелькнули у него в памяти: ему стало ясно, что случилось с ним за день, и он стал постигать связь так злосчастно перепутавшихся событий, от которых теперь зависела его репутация и судьба. Он посмотрел вокруг, как бы ища помощи, но в саду не было ни души, кроме него самого, рассыпанных бриллиантов да его грозного собеседника. И сколько он ни прислушивался, он слышал лишь шелест листвы и частое биение собственного сердца. Ничуть не удивительно, что, теряя остатки мужества, Гарри повторил дрогнувшим голосом:

-- Я погиб!

Садовник воровато оглянулся по сторонам и, к видимому своему облегчению, никого не увидел в окнах дома.

-- Держись, дурак ты этакий! -- сказал он. -- Самое трудное позади. Почему ты сразу не сказал, что здесь хватит на двоих? Какое там -- на двоих! Да на две сотни человек! Пошли, впрочем, отсюда, здесь нас могут заметить, и, ради бога, поправь свою шляпу и почисти платье. В этаким нелепом виде тебе далеко не уйти!

Пока Гарри, почти не сознавая, что делает, выполнял этот совет, садовник, опустившись на колени, стал торопливо собирать рассыпанные бриллианты и складывать их обратно в картонку. От прикосновения к драгоценным камням дрожь волнения пробежала по его дюжему телу, лицо исказилось, глаза горели алчностью, он словно упивался своим занятием, растягивал его и любовно ощупывал каждый камень. Наконец все было сделано.

Прикрыв картонку полрой блузы, садовник поманил Гарри и направился к дому.

У самой двери им повстречался молодой человек, по виду священник, со смуглым и поразительно красивым лицом, в чертах которого сочеталось выражение слабости и решительности. Он был одет скромно, но опрятно, как это принято у его сословия. Садовник явно не обрадовался этой встрече, но постарался скрыть свою досаду и, подобострастно улыбаясь, обратился к священнику.

-- Чудесный денек, мистер Роллз. -- сказал он, -- просто лучше не бывает. А это мой молодой приятель: ему вздумалось посмотреть на мои розы. Я позволил себе провести его в сад, решив, что никто из жильцов возражать не будет.

-- Я-то, во всяком случае, не буду, -- ответил преподобный Саймон Роллз. -- Да и не представляю себе, чтобы остальные стали придирааться к такой малости. Сад принадлежит вам, мистер Рэберн, никто из нас не должен этого забывать. И если вы позволяете нам гулять здесь, было бы черной неблагодарностью злоупотреблять вашей добротой и не считаться с вашими друзьями. Однако я припоминаю, -- добавил он, -- что мы с этим джентльменом как будто уже встречались. Мистер Хартли, если не ошибаюсь? Вам, кажется, привелось упасть, разрешите выразить вам мое сочувствие.

И он протянул руку.

По какой-то девичьей застенчивости или просто желая оттянуть неизбежные объяснения, Гарри не принял случайно подвернувшейся помощи и решил отпираться. Он предпочел довериться садовнику, который был ему неизвестен, чем подвергать себя расспросам, а то и подозрениям знакомого человека.

-- Боюсь, что это ошибка, -- сказал он. -- Мое имя Томлинсон, я друг мистера Рэберна.

-- Правда? -- сказал мистер Роллз. -- Сходство поразительное.

Мистер Рэберн, который все время был как на иголках, почувствовал, что пора положить конец этому разговору.

-- Желаю вам приятной прогулки, сэр, -- сказал он.

И он втащил Гарри за собой в дом, а затем провел в комнату с окном в сад. Прежде всего он поспешил опустить шторы, потому что мистер Роллз в задумчивости и растерянности все еще стоял там, где они его оставили. Потом садовник опрокинул распоротую картонку на стол и с выражением восторженной жадности на лице, потирая ладони руками, замер перед открывшимися сокровищами. Глядя на этого человека, обуреваемого низкими чувствами, Гарри испытал новые муки. После легкой, невинной и пустяковой жизни казалось невыносимым очутиться сразу в мире низменных и преступных побуждений. Он не помнил за собой никакого греха, а теперь его постигла кара, мучительная и жестокая -- страх наказания, недоверие честных людей и унижительное сообщничество человека гнусного и грубого. Он почувствовал, что с радостью отдал бы жизнь, лишь бы убежать из этой комнаты и не видеть больше мистера Рэберна.

-- А теперь, -- сказал тот, разделив драгоценности на две почти равные части и придвигая одну к себе, -- а теперь вот что. За все на этом свете надо платить, и подчас даже порядочно. Надо вам знать, мистер Хартли, если так вас зовут, я человек весьма покладистый и мое добродушие всю жизнь мне мешало. Я мог бы прикарманить все эти красивые камушки, если б захотел, и вы

даже пикнуть не посмели бы. Только вы мне чем-то понравились, честное слово, как-то не хочется обирать вас дочиста! Так что я, знаете, по доброте душевной предлагаю поделиться. Дележ, -- тут он указал на две кучки, -- сделан, кажется, справедливо и по-дружески. Осмелюсь спросить, мистер Хартли, возражений не будет? Не такой я человек, чтобы спорить из-за какойнибудь брошки.

-- Но, сэр, -- вскричал Гарри, -- то, что вы мне предлагаете, просто невозможно! Драгоценности эти не мои, я не могу отдавать чужое и ни с кем никакого дележа устраивать не буду.

-- Ах, не ваши? -- возразил Рэберн. -- И вы отдавать их никому не можете, вот как? Ну что ж, очень жаль; тогда мне придется вести вас в участок. Полиция -- подумайте-ка о полиции -- какой позор для ваших почтенных родителей! Подумайте, -- продолжал он, беря Гарри за руку, -- подумайте о суде, о колониях, о каторге. Ведь настанет и день Страшного суда!

-- Я не могу ничего поделывать, -- жалобно бормотал Гарри. -- Я тут ни при чем. Вы же не хотите идти со мной на Итон-плейс?

-- Нет, -- ответил тот, -- не хочу, это уж точно. Я намерен поделить с вами эти игрушки здесь.

С этими словами он вдруг жестоко вывернул юноше РУКУ.

Гарри не мог сдержать крика, пот покатился по его лицу. Может быть, боль и страх заставили его лучше соображать, но только все дело вдруг предстало перед ним в ином свете. Он увидел, что ему ничего не остается, как принять предложение мерзавца, в надежде потом -- при более благоприятных обстоятельствах и когда он сам будет вне подозрений -- разыскать дом и силою отобрать вещи.

-- Согласен, -- пробормотал он.

-- Вот этак-то лучше, милашка, -- осклабился садовник. -- Я, так и думал, что в конце концов ты сообразишь, в чем твоя выгода. Картонку, -- продолжал он, -- я сожгу вместе с мусором, чтобы не попала на глаза кому не надо, а ты собирай-ка свои побрякушки и прячь их по карманам.

Гарри повиновался. Рэберн наблюдал за ним, и то и дело, когда какой-нибудь камень вспыхивал ярким огнем, разгоралась и его алчность; тогда он извлекал еще одну драгоценность из доли секретаря и прибавлял к своей.

Когда с этим было покончено, оба направились к выходу. Рэберн осторожно отпер дверь и выглянул на улицу. Прохожих не было видно; тогда он внезапно схватил Гарри рукой за шиворот и, нагнув ему голову, чтобы тот видел лишь мостовую да ступеньки перед дверьми домов, минуты две стремительно тащил его сначала по одной улице, потом по другой. Гарри успел насчитать три угла, прежде чем негодяй разжал руку и, крикнув: "А теперь убирайся!" -- ловко и метко дал ему такого пинка, что Гарри лицом вниз полетел на мостовую.

Когда ошеломленный, с окровавленным носом, он поднялся, мистера Рэберна и след простыл. Тут гнев и боль окончательно одолели Гарри: он разразился плачем да так и остался, рыдая, посредине улицы.

Немного утолив слезами свое горе, он оглянулся по сторонам и стал читать названия улиц у перекрестка, где бросил его садовник. Он по-прежнему находился в малолюдной стороне лондонского Вест-Эяда, среди вилл и обширных садов. В одном окне он все же заметил людей, очевидно, бывших свидетелями

его злоключений, и почти сразу из этого дома к нему выбежала служанка со стаканом воды. В то же время какой-то грязный бродяга, слонявшийся неподалеку, начал подбираться к нему с другой стороны.

-- Бедняга, -- сказала девушка, -- ну и подло же обошлись с вами! Смотрите-ка, колени разбиты, все платье порвано! А вы знаете негодяя, который вас так отделал?

-- Разумеется, знаю! -- вскричал Гарри, выпив воды и почувствовав себя бодрее. -- Я до него доберусь, ему от меня не уберечься! Уж он поплатится за свои дела!

-- Вы лучше вошли бы в дом, помылись и почистились, -- продолжала девушка. -- Ничего, моя хозяйка вас не выгонит. Пойдите, я подберу вашу шляпу. Ай, господи! -- взвизгнула она. -- Да вы засыпали алмазами всю улицу!

Так оно и было. Изрядная часть драгоценностей, доставшихся ему после грабежа, учиненного Рэберном, вывалилась из карманов, когда Гарри летел кувырком, и теперь алмазы опять, сверкая, лежали на земле. "Вот счастье, что у девушки такое острое зрение, ведь могло быть хуже", -- подумал Гарри и, обрадованный тем, что может спасти хоть несколько сохранившихся у него камней, готов был забыть об утрате всех остальных.

Но увы! Когда он нагнулся, чтобы подобрать свои сокровища, бродяга внезапно бросился к ним, с наскока опрокинул наземь и Гарри и девушку, подхватил полную пригоршню бриллиантов и с изумительным проворством удрал прочь.

Едва вскочив на ноги, Гарри со страшными воплями погнался за злодеем, но тот был проворнее или, может быть, лучше знал окрестные места: куда только ни поворачивал преследователь, ему не удавалось обнаружить и следов беглеца.

В глубочайшем унынии Гарри вернулся к месту катастрофы, где поджидавшая его служанка честно отдала ему шляпу и уцелевшие из просыпанных бриллиантов. Гарри от всего сердца поблагодарил ее, затем, откинув всякую бережливость, направился к ближайшей стоянке кебов и поехал на Итон-плейс.

Он застал весь дом в смятении, словно в семье произошло несчастье. Слуги теснились в холле и не могли -- да и не очень старались -- удержаться от смеха при появлении потрепанной фигуры секретаря. Стараясь сохранять достойный вид, он прошел мимо них и направился прямо в будуар. Когда он открыл дверь, его взорам предстало удивительное зрелище, не сулившее ничего хорошего: генерал, его жена и -- подумать только! -- Чарли Пендрегон сидели тесным кружком, деловито обсуждая что-то важное. Гарри сразу понял, что ему не придется давать длинных объяснений: вероятно, генералу откровенно рассказали о задуманном покушении на его кошелек и о провале всей затеи. Теперь, ввиду общей опасности, они, очевидно, собирались действовать сообща.

-- Слава богу! -- воскликнула леди Венделер. -- Вот он! Картонка, Гарри, где же картонка?

Но Гарри стоял перед ними молчаливый и подавленный.

-- Говорите -- закричала она. -- Говорите же! Где картонка?

Мужчины, угрожающе придвигаясь к нему, повторяли то же самое.

Гарри вынул из кармана горсть драгоценностей. Он был белей полотна.

-- Вот все, что осталось, -- сказал он. -- Беру небо в свидетели, это вышло не по моей вине, и если вы наберетесь терпения, то кое-что, вероятно,

удастся вернуть, хотя многие камни, я боюсь, пропали навсегда.

-- Увы! -- вскричала леди Венделер. -- Все наши бриллианты пропали, а у меня девяносто тысяч фунтов долга за одни туалеты!

-- Сударыня, -- сказал генерал, -- пусть бы вы побросали свои собственные побрякушки в сточную канаву, пусть бы наделали долгов даже в пятьдесят раз больше, пусть бы украли алмазную диадему и кольцо моей матери, я, наверное, по слабости характера простил бы вас в конце концов. Но, сударыня, вы забрали Алмаз Раджи -- "Око Света", как его поэтически окрестили на Востоке, "Славу Кашгара". Вы отняли у меня Алмаз Раджи! -- вскричал он, воздевая руки, -- и все, сударыня, все покончено между нами!

-- Поверьте мне, генерал Венделер, -- ответила она, -- это самые приятные слова, какие, только мне приходилось слышать из ваших уст, и я готова приветствовать грозящее разорение, если оно избавит меня от вас. Вы мне достаточно часто говорили, что я вышла за вас из-за денег. Позвольте мне теперь сказать вам, что я не раз горько каялась в этой сделке. И если бы вы могли жениться снова и если бы у вас был алмаз величиной с вашу собственную голову, -- я даже свою горничную отговаривала бы от такого незавидного и опасного союза. Что касается вас, мистер Хартли, -- продолжала она, поворачиваясь к секретарю, -- вы уже полностью проявили в этом доме свои ценные свойства. Мы теперь убедились, что у вас нет ни мужества, ни разума, ни чувства собственного достоинства. И, по-моему, вам остается только одно: немедленно удалиться и по возможности не возвращаться более. За жалованьем вы вправе прийти в качестве кредитора, когда будет объявлено о банкротстве моего бывшего мужа.

Гарри не успел еще опомниться от этих оскорбительных речей, как на него обрушился генерал.

-- А пока, -- заявил тот, -- идемте со мной к ближайшему полицейскому инспектору. Вам легко удалось обмануть простодушного солдата, но недремлющий закон выведет вас на чистую воду. Пусть мне на старости лет придется жить в нищете из-за ваших козней с моей супругой, зато я постараюсь по крайней мере, чтобы ваши труды не остались без награды, и бог откажет мне в большом удовольствии, если отныне и до самой вашей смерти вам не придется щипать паклю на каторге.

С этими словами генерал вытолкнул Гарри из комнаты, стащил вниз по лестнице и поволок в ближайший полицейский участок.

На этом, по словам арабского автора, заканчивается печальная повесть о шляпной картонке. Однако злосчастному секретарю эти события помогли стать мужчиной и начать новую жизнь. Полиция убедилась в его невиновности, а когда он оказал посильную помощь в дальнейших розысках, один из начальников сысканого отделения даже похвалил его за честное и прямое поведение. Многие лица приняли участие в судьбе несчастливца, а когда в Вустершире скончалась одна его незамужняя тетка, он унаследовал после нее порядочную сумму. Благодаря этому он женился на Пруденс и, чрезвычайно довольный, полный самых радужных надежд, отплыл на Бендигго, а по другим источникам -- в Тринкомали.

ПОВЕСТЬ О МОЛОДОМ ЧЕЛОВЕКЕ ДУХОВНОГО ЗВАНИЯ

Преподобный Саймон Роллз весьма преуспел на поприще исследования

этических учений и слыл особым знатоком богословия. Его работа "О христианской доктрине общественного долга" при появлении в свет принесла ему некоторую известность в Оксфордском университете. И в клерикальных и в научных кругах говорили, что молодой мистер Роллз готовит основательный труд (по словам иных, фолиант) о незыблемости авторитета отцов церкви. Ни познания, ни честолюбивые замыслы, однако, вовсе не помогли ему в достижении чинов, и он все еще ожидал места приходского священника, когда, прогуливаясь однажды по Лондону, забрел на Стокдоув-лейн. Увидев густой, тихий сад и прельстившись покоем, необходимым для научных занятий, а также невысокой платой, он поселился у мистера Рэберна.

Молодой человек завел себе привычку ежедневно, после семи-восьми часов работы над св. Амвросием или св. Иоанном Златоустом, гулять среди роз, предаваясь раздумью. Это были у него обычно самые плодотворные часы дня. Но даже искренняя любовь к науке и увлечение важными проблемами, ожидающими решения, не могут подчас оградить разум философа от, встреч и столкновений с суетным миром. И когда молодой священник увидел секретаря генерала Венделера, оборванного и окровавленного, рядом с мистером Рэберном, когда он заметил, что оба переменились в лице и стараются увильнуть от расспросов, и особенно когда секретарь стал отрекаться от собственного имени, -- мистер Роллз поддался низменному любопытству и быстро забыл своих святых и отцов церкви.

"Я не мог ошибиться, -- думал он. -- Это несомненно мистер Хартли. Но почему он был в таком плачевном виде? Почему он отрекался от своего имени? И какие у него могут быть дела с этим угрюмым негодяем -- моим хозяином?"

Пока он раздумывал, его внимание привлекло другое странное обстоятельство. Лицо мистера Рэберна показалось в низком окне рядом с дверью, и его глаза случайно встретились с глазами мистера Роллза. Садовник, видимо, смутился, даже встревожился, а штора тотчас опустилась.

"Все это, может быть, и в порядке вещей, -- размышлял мистер Роллз, -- даже совсем в порядке вещей, но, признаюсь откровенно, мне думается, тут что-то не так. Зачем им таиться, лгать, опасаться взглядов людских? Право же, эта подозрительная пара замышляет какое-то темное дело".

Сыщик, который живет в каждом из нас, проснулся в мистере Роллзе и принялся за работу. Проворными нетерпеливыми шагами, ничуть не похожими на его обычную походку, молодой священник обошел сад. Подойдя к месту вторжения Гарри, он сразу заметил сломанный розовый куст и следы ног на рыхлой земле. Он поглядел вверх и увидел царапины на кирпиче и клочки штанов, развевавшиеся на осколках стекла. Так вот, значит, каким путем предпочел войти близкий друг мистера Рэберна! Вот как секретарь генерала Венделера любовался цветником! Священник тихонько присвистнул и нагнулся, чтобы рассмотреть почву. Он догадался, где именно Гарри завершил свой отчаянный прыжок. Он признал в отпечатке плоской ступни след мистера Рэберна, глубоко вдавшийся в землю, когда тот поднимал секретаря за ворот. При более подробном осмотре он различил даже следы пальцев, как будто здесь что-то просыпали и старательно скребли по земле, собирая вновь.

"Честное слово, -- подумал он, -- дело становится весьма любопытным".

Тут он заметил какой-то предмет, почти засыпанный землей. В один миг он откопал изящный сафьяновый футляр с золоченым узором и застежкой. Его

затоптали ногами, и поэтому мистер Рэберн второпях проглядел его. Мистер Роллз открыл футляр и чуть не задохнулся от изумления, близкого к ужасу. Ибо перед ним в гнездышке зеленого бархата лежал алмаз невероятной величины и наичистейшей воды. Он был с утиное яйцо, прекрасной формы и без единого изъяна; под лучами солнца он испускал свет, подобный электрическому, и, казалось, горел на ладони тысячами притаившихся в нем огней.

Мистер Роллз плохо разбирался в драгоценных камнях, но Алмаз Раджи был чудом и говорил сам за себя. Найди его деревенский мальчонка, он с криком бежал бы до ближайшего дома, а дикарь благоговейно простерся бы ниц перед таким удивительным фетишем. Красота этого камня ласкала взор молодого священника, мысль о его неисчислимой стоимости подавляла воображение. Он понимал, что ценность камня, который он держит в руке, превышает доход архиепископа за многие годы, что им можно оплатить постройку соборов, более пышных, чем соборы Эли или Кельна; что, овладев им, можно навеки освободиться от проклятия, тяготеющего над человечеством, и следовать своим склонностям, ни о чем не заботясь, никуда не торопясь, ни с кем не считаясь. Он нечаянно повернул камень: опять брызнули ослепительные лучи и словно пронзили его сердце.

Решительные действия часто совершаются мгновенно и без всякого воздействия со стороны рассудка. Так случилось и с мистером Роллзом. Он торопливо оглянулся вокруг, но, как прежде мистер Рэберн, увидел лишь залитый солнцем цветник, верхушки высоких деревьев да опущенные шторы в окнах дома. В мгновение ока он захлопнул футляр, сунул его в карман и с поспешностью преступника бросился к себе.

Преподобный Саймон Роллз украл Алмаз Раджи.

В тот же день явилась полиция вместе с Гарри Хартли. Садовник, вне себя от страха, без запираТЕЛЬств выложил свою добычу. Драгоценности были проверены и переписаны в присутствии секретаря. Сам мистер Роллз выказывал всяческую услужливость, охотно сообщил все ему известное и выразил сожаление, что больше ничем не может помочь полицейским в порученном им деле.

-- Все же, -- добавил он, -- ваши хлопоты, вероятно, подходят к концу.

-- Вовсе нет, -- ответил сыщик из Скотланд-Ярда. Он рассказал о вторичном ограблении, жертвой которого так быстро стал Гарри, и описал молодому священнику самые дорогие из еще не найденных драгоценностей, особо остановившись на Алмазе Раджи.

-- Он стоит, должно быть, целое состояние, -- предположил мистер Роллз.

-- Даже десять состояний, а то и двадцать! -- воскликнул полицейский.

-- Чем больше он стоит, -- хитро заметил Саймон, -- тем труднее его, наверное, сбить. У такой вещи приметная внешность, ее не замаскируешь. Его, пожалуй, продать не легче, чем собор святого Павла.

-- Ну, разумеется, -- сказал полицейский. -- Но если вор окажется человеком сообразительным и распилит алмаз на три-четыре части, ему все равно будет с чего разбогатеть.

-- Благодарю вас, -- сказал священник, -- вы представить себе не можете, как мне было любопытно побеседовать с вами.

Сыщик заметил, что по роду занятий ему и в самом деле приходится узнавать много удивительного, и вскоре распрощался.

Мистер Роллз вернулся в свою комнату. Она показалась ему еще меньше и бедней обычного. Никогда материалы для его великого труда не казались ему такими скучными, и он презрительным взглядом окинул свою библиотеку. Он стал снимать с полки сочинения отцов церкви и проглядывать том за томом, однако в них не оказалось ничего подходящего.

"Эти старые джентльмены, -- подумал он, -- несомненно, писатели очень ценные, но, по-моему, явно ничего не смыслят в жизни. Я, например, при своей учености мог бы стать епископом, а положительно не представляю себе, как сбыть украденный алмаз. Кое-что мне подсказал простой полицейский, но все мои фолианты не могут меня научить, как применить его совет. Все это внушает человеку весьма низкое представление о пользе университетского образования".

Он пнул ногой книжную полку, надел шляпу, поспешно вышел из дому и отправился в клуб, членом которого состоял. В этом мирском заведении он рассчитывал встретить какого-нибудь рассудительного и умудренного жизненным опытом человека.

Он нашел в читальной комнате нескольких деревенских священников и одного архидьякона; трое журналистов и некий автор трудов по высшей метафизике играли на бильярде, а за обеденным столом он увидел только клубных завсегдатаев с их пошлыми, невыразительными лицами. Мистер Роллз понял, что в опасных делах никто из них не смыслит более его самого и что ему не найти среди них себе советчика. Наконец, поднявшись по длинной крутой лестнице в курительную комнату, он застал там осанистого джентльмена, одетого с нарочитой простотой. Джентльмен курил сигару и листал "Двухнедельное обозрение". На его лице не было ни следа озабоченности или утомления, и что-то в его облике располагало к откровенности и вызывало желание подчиститься ему. Чем дольше молодой священник изучал его черты, тем более убеждался, что наткнулся на человека, способного дать дельный совет.

-- Сэр, -- сказал мистер Роллз, -- простите мою бесцеремонность, но, судя по вашей наружности, вы, кажется, человек опытный в делах житейских.

-- У меня и правда есть основания считаться таковым, -- ответил незнакомец, откладывая в сторону журнал с таким видом, словно вопрос не только удивил, но и позабавил его.

-- Я, сэр, -- продолжал мистер Роллз, -- затворник, склонный к ученым занятиям, привыкший иметь дело с чернильницами и с фолиантами отцов церкви. Недавно одно происшествие раскрыло мне глаза на мою неосведомленность во всем ином, и мне захотелось больше узнать о жизни. Я имею в виду не ту жизнь, -- добавил он, -- которая описана в романах Теккерея. Я желал бы больше узнать о преступлениях и о потайных силах нашего общества, желал бы научиться умно поступать в исключительных обстоятельствах. Читать я люблю; нельзя ли всему этому научиться по книгам?

-- Вы ставите меня в трудное положение, -- ответил незнакомец. -- Признаюсь, я не великого мнения о пользе книг: они годны лишь на то, чтобы с ними скоротать время в вагоне. Хотя, пожалуй, имеется несколько весьма порядочных работ по астрономии, по сельскому хозяйству да несколько руководств, как пользоваться глобусом и изготавливать бумажные цветы. Но о других, скрытых областях жизни, боюсь, не написано ничего достоверного. Впрочем, постойте-ка, -- прибавил он, -- вы читали Габорио [2]?

Мистер Роллз признался, что никогда даже не слышал такого имени.

-- Вы могли бы найти кое-что у Габорио, -- сказал незнакомец. -- Он по крайней мере заставляет думать, а так как это любимый автор князя Бисмарка, вы на худой конец проведете время в приятной компании.

-- Сэр, -- сказал священник, -- я бесконечно вам признателен за любезность.

-- Вы меня с лихвой вознаградили, -- заявил джентльмен.

-- Чем же? -- спросил Саймон.

-- Необычностью своей просьбы, -- ответил тот.

И, словно испрашивая разрешения у собеседника, он вежливо поклонился и опять взялся за "Двухнедельное обозрение".

По дороге домой мистер Роллз приобрел книгу о драгоценных камнях и несколько романов Габорио. Эти романы он жадно читал и перелистывал до самого позднего часа, однако -- хотя и открыл в них много нового для себя -- так и не узнал, что делать с украденным алмазом. К его досаде, оказалось, что нужные сведения были разбросаны по разным романтической историей, а не собраны строго все вместе, как делается в справочниках. Он вывел заключение, что автор добросовестно продумал свой предмет, но вовсе не владеет педагогическим методом. Однако характер и ловкость Лекока [3] вызвали невольное восхищение священника.

"Вот поистине великий человек, -- раздумывал мистер Роллз. -- Он знал жизнь, как я знаю "Свидетельства" Пейли. Не было случая, чтобы даже в самых трудных обстоятельствах он собственной рукой не довел бы дела до конца".

-- Боже мой! -- вскричал вдруг мистер Роллз. -- Разве это мне не урок? Не научиться ли мне самому резать алмазы?

Он решил, что нашел выход из своего затруднительного положения, и припомнил, что знает одного ювелира, некого Б. Маккэлока, жившего в Эдинбурге, который охотно возьмется обучить его своей профессии. Несколько месяцев, пусть даже несколько лет тяжелого труда, и у него хватит умения разделить на части Алмаз Раджи и ловкости в этом деле, чтобы выгодно продать его. После он может на досуге опять заниматься своими изысканиями, будет богатым, ученым, ни в чем себе не отказывающим и вызывающим у всех зависть и уважение.

Златые сны витали над ним всю ночь, и наутро он поднялся спозаранку, бодрый и в отличном расположении духа.

Как раз в этот день полиция предложила жильцам мистера Рэберна покинуть дом, и это давало мистеру Роллзу повод для отъезда. Он весело уложил свои вещи, перевез на вокзал Кингс-кросс; оставил в камере хранения и вернулся в клуб, намереваясь провести там весь день и пообедать.

-- Если вы сегодня обедаете здесь, Роллз, -- сказал ему один знакомый, -- то можете увидеть сразу двух замечательных людей Англии -- принца Флоризеля Богемского и старого Джека Венделера.

-- О принце я слышал, -- ответил мистер Роллз, -- а с генералом Венделером даже встречался в свете.

-- Генерал Венделер -- осел! -- возразил собеседник. -- Я говорю о его брате Джоне; он известный искатель приключений, лучший знаток драгоценных камней и один из -- самых тонких дипломатов в Европе. Разве вы не слышали о его дуэли с герцогом де Вальдорж? А его подвиги в Парагвае, когда он был там жестоким диктатором! А как проворно он разыскал драгоценности сэра Самюэла

Леви? А какие услуги были оказаны им правительству во время индийского мятежа -- услуги, которыми оно воспользовалось, хотя не осмелилось открыто признать их? И вы его не знаете? Чего же стоит тогда людская слава, пусть даже позорная? Ведь Джон Венделер смело может претендовать на известность, хотя бы и недобрую. Бегите вниз, -- прибавил он, -- садитесь за столик рядом с ними и слушайте в оба уха. Я уверен, вы услышите много удивительного.

-- Но как мне узнать их? -- спросил священник.

-- Узнать их! -- вскричал его приятель. -- Да ведь принц -- изысканнейший джентльмен во всей Европе, единственный человек с внешностью короля. А что касается Джека Венделера, то вообразите себе Улисса в семидесятилетнем возрасте и со шрамом от сабельного удара через все лицо -- это и будет он! Узнать их, подумать только! Да их легко найти среди толпы на скачках дерби!

Роллз сломя голову бросился в столовую. Как и утверждал его приятель, этих двоих нельзя было не заметить. Старый Джон Венделер отличался замечательно крепким телосложением и, видимо, привык сносить тяготы и лишения. У него не было особой повадки фехтовальщика, или моряка, или умелого всадника, но он напоминал и одного, и другого, и третьего вместе, словно в нем сказались самые различные привычки и навыки. Орлиные черты его дышали отвагой, выражение лица было надменное и хищное. Вся его внешность выдавала человека действия, горячего, отчаянного и неразборчивого в средствах. Густые седые волосы и глубокий сабельный шрам, пересекавший нос и шедший к виску, придавали оттенок воинственности его лицу, и без того своеобразному и грозному.

В его собеседнике, принце Богемском, мистер Роллз с удивлением узнал джентльмена, который дал ему совет читать Габорио. Очевидно, принц Флоризель, редко посещавший клуб, почетным членом которого, как и многих других, он числился, поджидал там Джона Венделера, когда Саймон заговорил с ним накануне.

Другие обедавшие скромно расселись по углам, предоставляя обоим знаменитостям беседовать без помехи, но молодой священник не знал их, а потому, не особенно смущаясь, смело направился к ним и занял место за ближайшим столиком.

Все, о чем они говорили, было и в самом деле очень ново для нашего ученого. Экс-диктатор Парагвая вспоминал свои необычайные приключения в различных частях света, а принц изредка вставлял свои замечания, которые для вдумчивого человека были еще любопытней. Опыт двух различных людей раскрывался одновременно перед молодым священником. Он не знал, кем ему больше восхищаться, -- человеком, привыкшим действовать с безрассудной смелостью, или тонким наблюдателем и знатоком жизни: один откровенно говорил о собственных делах и перенесенных опасностях, другой, подобно господу богу, знал все, не испытав ничего. Каждый из них держался в разговоре соответственно своей роли. Диктатор не скупился на резкие слова и жесты, то сжимая, то разжимая кулак, тяжело опускал его на стол, и речь его была громкой и напористой. Принц, наоборот, казался подлинным образцом вежливой уступчивости и спокойствия; чуть заметное его движение, оттенок голоса были выразительней, чем все выкрики и жесты его собеседника. А если ему случалось, и, может быть, довольно часто, описывать собственные приключения,

он умел не подчеркивать своего участия в них, и они ничем не выделялись среди других.

Под конец разговор зашел о недавних ограблениях и об Алмазе Раджи.

-- Этому камню лучше быть на дне морском, -- заметил принц Флоризель.

-- Вы сами понимаете, ваше высочество, что мне, как одному из Венделеров, трудно с этим согласиться, -- возразил диктатор.

-- Я говорю с точки зрения общественного благоразумия, -- продолжал принц. -- Таким ценным вещам место в коллекции короля или в сокровищнице великого народа. Пустить их по рукам простых смертных -- значит вводить добродетель в искушение. Если кашгарский раджа -- властитель, как я понимаю, весьма просвещенный -- пожелал бы отомстить европейцам, он не мог бы скорее достигнуть своей цели, как послав им это яблоко раздора. Ничья честность не устоит перед таким соблазном. Попади ко мне в руки этот обольстительный камень, я не поручился бы за себя самого, хотя у меня много своих привилегий и обязанностей. Вы же охотник за алмазами по склонности и образу жизни, и я не верю, чтобы в списках Ньюгейтской тюрьмы нашлось такое преступление, какого вы не совершили бы, -- не верю, чтобы у вас был на свете друг, которого вы не поспешили бы предать, -- мне неизвестно, есть ли у вас, семья, но если есть, я уверен, вы пожертвовали бы детьми, -- и все это ради чего же? Не для того, чтобы стать богаче, не для того, чтобы сделать свою жизнь приятней или добиться почета, но просто для того, чтобы год-другой, пока не придет смерть, владеть Алмазом Раджи и по временам открывать сейф и любоваться этим камнем, как любят картину.

-- Это верно, -- ответил Венделер. -- За чем я только не охотился -- и за мужчинами, и за женщинами, и даже за москитами! Я нырял в море за кораллами, гонялся за китами и за тиграми, но алмаз -- самая завидная добыча на свете. Он обладает и красотой и ценностью, он один может по-настоящему вознаградить охотника за все его труды. Я и сейчас, как вы, ваше высочество, может быть, догадываетесь, иду по горячему следу. У меня верное чутье, обширный опыт. Я знаю все ценные камни в коллекции моего брата, как пастух знает своих овец, и пусть я погибну, если не разыщу их все до единого!

-- Сэр Томас Венделер очень обрадуется вашей удаче, -- сказал принц.

-- Я не так уж в этом уверен, -- заявил диктатор с усмешкой. -- Порадуется один из Венделеров, а Томас или Джон, Петр или Павел, не все ли равно? Все мы апостолы одной веры.

-- Не понимаю, что вы хотите сказать, -- брезгливо сказал принц.

Тут лакей сообщил мистеру Венделеру, что его кеб ожидает у подъезда.

Мистер Роллз взглянул на часы и увидел, что ему тоже пора идти. Такое совпадение неприятно поразило его: ему не хотелось больше встречаться с охотником за алмазами.

Так как нервы молодого человека были расшатаны слишком усердными научными занятиями, он обычно предпочитал путешествовать с удобствами и на этот раз заказал себе место в спальном вагоне.

-- Вас здесь никто не потревожит, -- сказал ему проводник, -- в вашем отделении больше никого нет, а в другом конце вагона едет только еще один пожилой джентльмен.

Подходило время отправления, и уже проверяли билеты, когда мистер Роллз увидел этого второго пассажира, направлявшегося к своему месту в

сопровождении нескольких носильщиков. И поистине мистер Роллз предпочел бы ему кого угодно, ибо то был старый Джон Венделер, экс-диктатор.

Спальные вагоны Северной магистрали делились тогда на три отделения: по одному с каждого конца для пассажиров и одно -- посередине, где помещался туалет. Раздвижные двери отделяли его от пассажиров, но так как двери были без засовов и замков, то весь вагон оказывался в общем пользовании.

Изучив свои позиции, мистер Роллз понял, что он здесь совершенно беззащитен. Если бы ночью диктатор вздумал явиться с визитом, Роллзу оставалось бы только принять его. У него не было никаких средств обороны, он ничем не мог прикрыться от нападения врага, как если бы находился в открытом поле. Такое положение внушало ему сильнейшее беспокойство. Он с тревогой припоминал бахвальство своего попутчика и его цинические признания за обеденным столом, вызвавшие недовольство принца. Он где-то читал, будто бывают люди, одаренные удивительным чутьем на драгоценные металлы. Говорят, они способны угадывать присутствие золота через стены, и притом на значительном расстоянии. "А вдруг это относится и к драгоценным камням?" -- подумал он. -- И если так, кому же и обладать такой таинственной силой, как не человеку, который с гордостью носит прозвище "охотника за алмазами"?" Роллз понимал, что от подобной личности можно ожидать чего угодно, и страстно мечтал о наступлении дня.

Все же, не желая пренебрегать никакими мерами предосторожности, он запрятал свой алмаз в самый глубокий внутренний карман и благочестиво вручил себя заботам провидения.

Поезд шел своим обычным ровным скорым ходом, и почти половина пути оказалась позади, когда сон всетаки начал побеждать душевную тревогу мистера Роллза. Некоторое время он боролся с дремотой, но она одолевала его все больше и больше. Наконец, уже подъезжая к Йорку, он вынужден был растянуться на одном из диванов, и веки его сомкнулись. Сон почти мгновенно овладел молодым священником. Последняя его мысль была о страшном соседе.

Когда мистер Роллз проснулся, было еще темнымтемно и только чуть мерцал слабый свет ночника. Судя по качке и незатихавшему грохоту колес, поезд шел с прежней скоростью. Роллз в ужасе приподнялся и сел: его мучили тревожные сны. Прошло несколько секунд, пока к нему вернулось самообладание. Потом он опять вытянулся на постели, но уже не мог заснуть. Охваченный страшным возбуждением, он лежал без сна, уставясь открытыми глазами на дверь туалетного отделения. Он надвинул свою круглую фетровую шляпу пониже на лоб, чтобы не мешал свет, считал до тысячи, старался ни о чем не думать и применял все ухищрения, которыми страдающие бессонницей люди пытаются привлечь к себе дремоту. Но никакие средства не помогали мистеру Роллзу. Его терзали различные опасения, старик, ехавший на другом конце вагона, являлся ему в самых угрожающих образах, да и сам алмаз в кармане, как Роллз ни пробовал улечься, причинял ощутимую физическую боль. Он жег, мешал, впивался в ребра, и в иные доли мгновения у молодого священника мелькала мысль вышвырнуть алмаз за окошко.

Пока он так лежал, случилось странное происшествие.

Дверь в туалетное отделение чуть качнулась, затем еще и еще немного и наконец сдвинулась в сторону дюймов на двадцать. Лампочка позади не была затенена, и в открывшейся освещенной щели мистер Роллз увидел голову мистера

Венделера. В лице его выражалось напряженнейшее внимание. Мистер Роллз почувствовал, что диктатор разглядывает его. Инстинкт самосохранения принудил Роллза задержать дыхание, лежать недвижно и, прикрыв глаза, следить за своим гостем изпод ресниц. Прошло около минуты, голова исчезла, и дверь туалетного отделения стала на место.

Диктатор приходил, очевидно, не с враждебными целями, а только для разведки. В его действиях не было ничего угрожающего, скорее, он сам опасался чего-то. Если мистер Роллз боялся его, то, по-видимому, диктатор, в свою очередь, не был так уж спокоен насчет мистера Роллза. Наверно, Венделер приходил, чтобы увериться, спит ли его единственный попутчик, и, уверившись, сразу удалился.

Священник вскочил на ноги. Его безумный страх сменился приступом безрассудной смелости. Он подумал, что дребезжание летящего поезда заглушит все другие звуки, и -- будь что будет -- решил пойти с ответным визитом. Сбросив плащ, чтобы он не стеснял свободы движений, мистер Роллз вышел в туалетное отделение и подождал немного, прислушиваясь. Как он и предвидел, за грохотом поезда ничего нельзя было расслышать. Взявшись за край двери, он осторожно отодвинул ее дюймов на шесть и застыл, не в силах сдержать возгласа изумления.

На Джоне Венделере была дорожная меховая шапка с ушами, и, вероятно, наряду с шумом экспресса она мешала ему слышать, что делалось рядом. Так или иначе, но он не поднял головы и, не отрываясь, продолжал свое странное занятие. Между колен у него стояла открытая шляпная коробка, одной рукой он придерживал рукав своего дорожного пальто из тюленьей шкуры, в Другой у него был острый нож, которым он вспарывал подкладку рукава. Мистер Роллз читал, будто деньги иногда хранят в поясе, но так как был знаком только с обычными ремешками, то никак не мог толком представить себе, как это делается. Теперь перед ним происходило нечто еще более странное: Джон Венделер, оказывается, хранил драгоценные камни в подкладке своего рукава, и на глазах у молодого священника сверкающие бриллианты один за другим падали в коробку.

Он стоял, словно пригвожденный к месту, и не мог оторваться от этого удивительного зрелища. Бриллианты были большей частью мелкие и не отличались ни формой своей, ни игрой. Вдруг диктатору встретилось в работе какое-то затруднение. Он запустил в рукав обе руки и склонился еще ниже. Однако ему пришлось потрудиться, прежде чем он извлек из подкладки большую бриллиантовую диадему, несколько секунд подержал ее на ладони, рассматривая, и только затем опустил в коробку. Диадема все объяснила мистеру Роллзу: он тотчас признал в ней одну из драгоценностей, украденных у Гарри Хартли бродягой. Тут нельзя было ошибиться; сыщик именно так и описывал ее: вот рубиновые звезды с большим изумрудом посередине, вот переплетенные полумесяцы, а вот грушевидные подвески из цельного камня, придававшие особую ценность диадеме леди Венделер.

У мистера Роллза отлегло от сердца. Диктатор был запутан в эту историю не меньше его самого. Ни один из них не мог донести на другого. Охваченный неожиданной радостью, священник не удержал глубокого вздоха, а так как он почти задыхался от волнения и горло у него пересохло, то вздох вызвал кашель.

Мистер Венделер поднял голову. Его лицо исказилось ужасной, смертельной

злостью, глаза широко открылись, челюсть отвисла от изумления, граничившего с бешенством. Инстинктивным жестом он прикрыл шляпную коробку полрой пальто. С полминуты оба молча смотрели друг на друга. Пауза была коротка, однако мистеру Роллзу и ее оказалось достаточно: он был из тех, кто в опасные моменты соображает быстро. Он принял чрезвычайно дерзкое решение; и, понимая, что ставит свою жизнь на карту, он все-таки первым нарушил молчание.

-- Прошу прощения, сэр, -- сказал он.

Диктатор вздрогнул и хрипло сказал:

-- Что вам здесь надо?

-- Я очень интересуюсь алмазами, -- с полным самообладанием ответил мистер Роллз. -- Двум таким любителям следует познакомиться. Со мной здесь один пустячок, который, надеюсь, послужит мне рекомендацией.

С этими словами мистер Роллз спокойно вынул из кармана футляр, дал взглянуть диктатору на Алмаз Раджи и снова спрятал его подальше.

-- Он принадлежал раньше вашему брату, -- прибавил он.

Джон Венделер смотрел на священника с каким-то горестным изумлением, но не шелохнулся и не сказал ни слова.

-- Мне приятно отметить, -- закончил молодой человек, -- что у нас драгоценности из одной коллекции.

Удивление диктатора наконец вырвалось наружу.

-- Прошу прощения, -- сказал он. -- Я, кажется, старею. Мне явно не под силу даже мелкие происшествия вроде этого! Но разъясните мне хоть одно: вы в самом деле священник или меня обманывают мои глаза?

-- Я лицо духовного звания, -- ответил мистер Роллз.

-- Ну, знаете, -- воскликнул Венделер, -- пока я жив, не позволю при себе и слова сказать против вашего сословия!

-- Вы мне льстите, -- сказал мистер Роллз.

-- Простите меня, -- сказал, в свою очередь, Венделер, -- простите меня, молодой человек. Вы не трус, но надо еще проверить: может быть, вы просто круглый дурак?.. Не откажите в любезности, -- продолжал он, откидываясь на спинку дивана, -- объясниться подробнее! Приходится предположить, что в ошеломляющей дерзости вашего поведения что-то кроется, и, признаюсь, мне любопытно узнать, что именно.

-- Все это очень просто, -- ответил священник. -- За моей дерзостью кроется моя великая житейская неопытность.

-- Хотелось бы убедиться в этом, -- сказал Венделер.

Тогда мистер Роллз рассказал ему всю историю своего знакомства с Алмазом Раджи с той самой минуты, как нашел его в саду Рэберна, и до своего отъезда из Лондона на "Летучем шотландце". Затем вкратце описал свои чувства и мысли во время путешествия и закончил следующими словами:

-- Узнав бриллиантовую диадему, я понял, что мы в одинаковых отношениях с обществом. Это внушает мне надежду -- которую, хочу думать, вы не назовете безосновательной, -- что вы сочтете возможным некоторым образом разделить со мною мои трудности и, конечно, барыши. При ваших специальных познаниях и, несомненно, большом опыте сбыть алмаз для вас не составит особого труда, а для меня это -- дело непосильное. С другой стороны, я рассудил, что, если распилю алмаз, то могу потерять почти столько же -- такая неудача вполне

возможна при отсутствии умения, -- сколько я потеряю, с подобающей щедростью расплатившись с вами за помощь. Вопрос этот деликатный, а я, пожалуй, оказался недостаточно деликатным. Но прошу вас не забывать, что мне это положение внове и что я совершенно незнаком с принятым в таких случаях этикетом. Не хвалясь скажу, что могу любого обвенчать или окрестить вполне пристойно. Однако каждый ограничен своими возможностями: совершать такого рода сделки я вовсе не умею.

-- Не хочу вам льстить, -- ответил Венделер, -- но, честное слово, у вас необыкновенные способности к преступной жизни. Вы гораздо талантливей, чем вам кажется, и хотя в различных частях света я перевидал много мошенников, я еще не встречал ни одного, который стеснялся бы так мало, как вы. Поздравляю, мистер Роллз, наконец-то вы нашли свое призвание! Что касается помощи, я весь к вашим услугам. Мне надо пробыть в Эдинбурге всего один день, я обещал брату уладить там кое-что. Покончив с этим, я поеду в Париж, где живу постоянно. Если хотите, можете ехать со мной, и, надеюсь, не пройдет и месяца, как я приведу ваше дельце к благополучному завершению.

Здесь вопреки всем правилам искусства наш арабский автор обрывает повесть о молодом человеке духовного звания. Как ни досадно, приходится следовать подлиннику, и за окончанием приключений мистера Роллза я отсылаю читателя к следующей истории цикла -- к повести о доме с зелеными ставнями,

ПОВЕСТЬ О ДОМЕ С ЗЕЛЕНЫМИ СТАВНЯМИ

Фрэнсис Скримджер, клерк Шотландского банка в Эдинбурге, до двадцати пяти лет жил в мирной и почтенной обстановке. Его мать умерла, когда он был еще совсем мал, но отец, человек разумный и честный, определил его в отличную школу, а дома воспитывал в духе порядка и непритязательности. Фрэнсис, от природы мягкий, послушный и любящий, с великим рвением использовал преимущества своего образования и воспитания и всецело посвятил себя работе. Единственными его развлечениями были прогулки по субботним дням, изредка парадный обед в семейном кругу да раз в год поездка на две недели в горы Шотландии или даже в Европу. Он быстро завоевывал благоволение начальства и получал уже двести фунтов в год, с надеждой на дальнейшее повышение по службе и на жалованье, вдвое превышающее эту сумму. Редкий молодой человек был так доволен всем, так трудолюбив и старателен, как Фрэнсис Скримджер. Иногда, по вечерам, дочитав газету, он играл на флейте, чтобы порадовать отца, которого глубоко уважал за его высокие качества.

Однажды Фрэнсис получил письмо из хорошо известной адвокатской конторы, в котором выражалась просьба безотлагательно зайти к ним. На письме имелась пометка "В собственные руки", и оно было адресовано на банк, а не домой; оба эти необычные обстоятельства заставили его с тем большей готовностью явиться на зов. Глава конторы, человек весьма строгий в обхождении, важно приветствовал его, пригласил садиться и в осторожных выражениях, принятых у бывалых дельцов, приступил к разъяснению вопроса. Некто, пожелавший остаться неизвестным, но о ком адвокат имел все основания хорошо отзываться, короче говоря, человек, занимающий высокое положение, пожелал выдавать Фрэнсису по пятьсот фунтов ежегодно. Стряпчий сказал, что деньги будут находиться в ведении конторы и двух доверенных, имена которых тоже не могут быть

раскрыты. Этот щедрый жест сопровождался некоторыми условиями, и стряпчий придерживался мнения, что его новый клиент не найдет в них ничего чрезмерно трудного или недостойного для себя. Он с ударением повторил эти слова, как бы не желая говорить ничего больше.

Фрэнсис спросил, что это за условия.

-- Условия, -- сказал стряпчий, -- как я уже заметил дважды, не заключают в себе ничего чрезмерно трудного или недостойного. В то же время, не стану скрывать от вас, они очень необычны. Мы за подобные дела обыкновенно не беремся, и я, конечно, отказался бы и от этого, если бы не имя джентльмена, который обратился ко мне, и -- дозволейте прибавить, мистер Скримджер, -- если бы не мое расположение к вам, вызванное многими лестными и, несомненно, вполне заслуженными о вас отзывами.

Фрэнсис попросил его высказаться определеннее.

-- Вы не можете представить себе, как меня беспокоят эти условия, -- сказал он.

-- Их два, -- ответил адвокат, -- только два, а сумма, напомню вам, пятьсот фунтов в год, и к тому же без налогов, как чуть не забыл я сообщить, -- безо всяких налогов.

Тут адвокат многозначительно поднял брови.

-- Первое условие, -- начал он, -- чрезвычайно простое. Вам надлежит быть в воскресенье, пятнадцатого, к вечеру, в Париже. Там, в кассе Французской комедии, вы получите билет, взятый на ваше имя и отложенный для вас. От вас требуется просидеть весь спектакль на месте, обозначенном в билете, вот и все.

-- По правде сказать, я предпочел бы будний день, -- ответил Фрэнсис. -- Но в конце концов один-то раз...

-- И притом в Париже, дорогой сэр, -- подхватил адвокат успокоительно. -- Я, признаться, и сам человек строгих правил, но при таких обстоятельствах, да еще зная, что это будет в Париже, я не колебался бы ни минуты.

И оба весело рассмеялись.

-- Другое условие -- более серьезное, -- продолжал стряпчий. -- Оно касается вашей женитьбы. Мой клиент, сердечно заботясь о вашем благополучии, желает оставить за собой решающее слово в выборе жены для вас. Решающее, -- повторил он, -- вы понимаете?

-- Давайте будем говорить яснее, -- заявил Фрэнсис. -- Это значит, что я должен жениться на вдове или девице, черной или белой, на ком угодно, кого только ни вздумает предложить мне эта невидимая личность?

-- Мне поручено заверить вас, что в основу выбора ваш благодетель намерен положить соответствие возраста и положения, -- ответил адвокат. -- Что касается цвета кожи, мне такое затруднение не приходило в голову, и я не подумал об этом спросить. Но, если вы хотите, я сейчас же сделаю себе заметку и при первой возможности сообщу вам ответ.

-- Сэр, -- сказал Фрэнсис, -- теперь остается только проверить, не является ли все это просто каким-нибудь жульничеством. Случай необъяснимый, я чуть не сказал: невероятный. Пока я немножко не разберусь в нем и не обнаружу, что послужило ему причиной, мне, признаюсь, не хотелось бы давать согласие. Поэтому я прошу вас о разъяснениях. Мне нужно знать, в чем здесь

суть. Если же вы ничего не знаете, не можете догадаться или не имеете права сказать мне, я надеваю шляпу и отправляюсь к себе в банк.

-- Я не знаю, -- ответил адвокат, -- но, кажется, догадываюсь. Это на первый взгляд несуразное дело затеял не кто другой, как ваш отец.

-- Мой отец! -- негодуяюще вскричал Фрэнсис. -- Почтеннейший, я знаю наперечет все, что у него на уме и в кошельке!

-- Вы неверно толкуете мои слова, -- сказал адвокат. -- Я говорю не о мистере Скримджере-старшем, ибо он не отец вам. Когда он и его жена прибыли в Эдинбург, вам было уже около года, но вы находились на их попечении только месяца три. Тайну сохранили хорошо, но дело обстоит именно так. Кто ваш отец -- неизвестно, однако, повторяю, я убежден, что предложения, каковые в настоящее время я уполномочен вам передать, исходят от него.

Невозможно описать, как потрясен был Фрэнсис Скримджер столь неожиданным открытием. Он не утаил своего смятения от адвоката.

-- Сэр, -- сказал он, -- после таких поразительных известий вы должны дать мне несколько часов на размышления. Сегодня вечером я вам сообщу, на чем я порешил.

Адвокат согласился, что так будет благоразумнее, и Фрэнсис, под каким-то предлогом покинув банк, отправился пешком далеко за город и во время прогулки тщательно обдумал вопрос во всех подробностях и со всех точек зрения. Приятное сознание значительности собственной персоны побуждало его не спешить с решением, однако с самого начала было ясно, чем все это кончится. Грешная человеческая природа непреодолимо тянулась к пяти сотням фунтов и склоняла его принять странные условия, которые были сопряжены с ними. Он обнаружил в своей душе непобедимое отвращение к имени Скримджер, хотя до сих пор это имя никогда не бывало ему противно. Интересы его прежней жизни показались ему узкими и прозаическими. Наконец он откинул последние сомнения и, окрыленный неведомым раньше чувством силы и свободы, повернул в город, теша себя самыми радостными предчувствиями.

Он коротко переговорил с адвокатом и немедленно получил чек на деньги за полгода, так как пособие начислялось задним числом -- с первого января. С чеком в кармане он отправился домой. Квартира на Скотландстрит показалась ему неказистой, в нос неприятно ударил запах перловой похлебки, и он с удивлением, почти с досадой заметил кое-какие недостатки в манерах своего приемного отца. Завтра утром, решил Фрэнсис, он будет уже на пути в Париж.

Он прибыл туда задолго до назначенного срока, поселился в скромной гостинице, где останавливались обычно англичане и итальянцы, и начал совершенствоваться во французском языке. С этой целью он дважды в неделю брал уроки, вступал в разговоры с гуляющими на Елисейских полях и каждый вечер ходил в театр. Он обновил свой гардероб, оделся по последней моде и каждое утро брился и причесывался в парикмахерской, находившейся неподалеку. Все это придавало ему вид иностранца и, казалось, стирало унижительное прошлое.

Наконец в субботу вечером он отправился в билетную кассу театра на улице Ришелье. Едва он назвал свое имя, как кассир протянул ему билет в конверте с еще не успевшей просохнуть надписью.

-- Его только что купили для вас, -- сказал кассир.

-- В самом деле? -- воскликнул Фрэнсис. -- Могу я спросить, каков был с

виду джентльмен, купивший его?

-- Вашего приятеля описать легко, -- ответил кассир. -- Он стар, крепок и красив собой, у него седые волосы и рубец от сабельного удара поперек лица. Такого приметного человека трудно не узнать.

-- Да, конечно, -- промолвил Фрэнсис. -- Благодарю вас за любезность.

-- Он не мог уйти далеко, -- прибавил кассир. -- Если вы поспешите, то еще нагоните его.

Фрэнсиса не надо было просить дважды; он стремительно бросился из театра на улицу и стал осматриваться по сторонам. Он увидел немало седых людей, но, хотя догнал и осмотрел каждого, ни у одного не было рубца от сабельного удара. С полчаса бегал он по всем соседним улицам, но наконец понял нелепость своих затянувшихся поисков. Тогда он решил пройтись, чтобы унять волнение, ибо возможность встречи с тем, кому он, очевидно, был обязан появлением на свет, глубоко потрясла молодого человека.

Случилось так, что его путь лежал по улице Друо, а дальше -- по улице Великомучеников, и как раз случай помог ему больше, чем все заранее обдуманые планы. Ибо на бульваре он увидел двух сидевших на скамейке мужчин, погруженных в беседу. Один был темноволос, молод и красив, но с явным клерикальным отпечатком во внешности, несмотря на мирское платье. Наружность другого во всех подробностях совпадала с описанием, которое дал кассир. Фрэнсис почувствовал, как сердце забилось у него в груди: он понял, что вот-вот услышит голос своего отца. Обойдя кругом, он тихонько уселся позади собеседников, которые были слишком заняты своим разговором, чтобы глядеть по сторонам.

Как Фрэнсис и предполагал, они говорили по-английски.

-- Ваши подозрения, Роллз, начинают надоедать мне, -- сказал старик. -- Говорю вам, я стараюсь изо всех сил: миллионов в один миг не раздобудешь. Разве я не забочусь о вас, совершенно незнакомом человеке, из чистого доброжелательства? Разве вы не живете главным образом на мои подачки?

-- На ваши авансы, мистер Венделер, -- поправил его собеседник.

-- Ну, авансы, если вам так нравится, и из расчета, а не "из доброжелательства", если вы предпочитаете, -- сердито ответил Венделер. -- Я пришел не для того, чтобы подбирать выражения. Дело есть дело. А ваше дело, разрешите напомнить, дело темное, и нечего вам так ломаться. Доверьтесь мне или оставьте меня в покое и ищите себе другого, но, во всяком случае, прекратите, ради бога, свои иеремиады.

-- Я начинаю разбираться в жизни, -- ответил молодой человек. -- И понимаю, что у вас есть все основания обманывать меня и никаких, чтобы действовать честно.

Я тоже пришел не для того, чтобы подбирать выражения. Вы сами хотите завладеть алмазом, -- да, да, вы не посмеете этого отрицать. Разве вы уже не подделали однажды мою подпись и не перерыли мою комнату, пока меня не было? Мне понятны причины ваших проволочек: вы просто выжидаете. Вы ведь охотник за алмазами и надеетесь раньше или позже, правдой или неправдой, а прибрать его к рукам. Говорю вам: пора этому положить конец. Не доводите меня до крайности, не то я обещаю вам неприятный сюрприз.

-- Бросьте вы мне угрожать, -- отрезал Венделер. -- За мной ведь по части сюрпризов тоже дело не станет. Мой брат сейчас в Париже. Полиция

настороже. Если вы будете и дальше надоедать мне своим нытьем, мистер Роллз, я сам устрою вам неприятность. Но уж это будет первая и последняя, понимаете? Как еще с вами разговаривать? Всему бывает конец, приходит конец и моему терпению. Во вторник, в семь. Ни днем, ни часом, ни секундой раньше, хоть умрите. А если не хотите ждать, то, по мне, проваливайте ко всем чертям!

С этими словами диктатор поднялся со скамейки и, яростно размахивая тростью и дергая головой, зашагал по направлению к Монмартру, а его собеседник остался на месте в совершенном унынии.

Фрэнсис не мог опомниться от изумления и ужаса. Чувства его были в полном смятении. Нежность, наполнявшая его сердце, когда он усаживался на этой скамейке, сменилась отвращением и отчаянием. "Старый мистер Скримджер, -- раздумывал он, -- родитель куда более добрый и благопристойный, чем этот бешеный и опасный интриган". Однако он все же сохранил самообладание: минуты не прошло, как Фрэнсис уже шел следом за диктатором.

Подгоняемый яростью, этот последний неся вперед быстрыми шагами, и, занятый своими злобными мыслями, ни разу не оглянулся, пока не добрался до своих дверей.

Его дом стоял на улице Лепик, в той части ее, что взбирается на холм. Отсюда открывался вид на Париж, воздух на высоте был чист и прозрачен. Дом был двухэтажный, с зелеными ставнями и шторами. Все окна, выходящие на улицу, были плотно закрыты. Над высокой садовой стеной возвышались верхушки деревьев, а по гребню стены торчали железные шипы. Диктатор на миг задержался, пошарил в кармане, достал ключ, затем отомкнул калитку и исчез за оградой.

Фрэнсис поглядел вокруг. Место было уединенное, дом с трех сторон был окружен садом. Казалось, наблюдения Фрэнсиса на этом закончатся. Однако, осмотревшись, он заметил рядом высокий дом, примыкавший боковой стеной к саду диктатора; в стене под самой крышей было одно окошко. Он подошел к входной двери и увидел билетик с объявлением о сдаче ежемесячно комнат без мебели. Комната, выходящая окном в сад, оказалась свободной. Фрэнсис не колебался ни минуты: он снял комнату, оставил задаток и отправился в гостиницу за своими вещами.

Может быть, тот старик со шрамом и не приходился отцом ему, может быть, Фрэнсис и не шел по верному следу, но, уж во всяком случае, он стоял у преддверия какой-то волнующей тайны и поэтому дал себе зарок не ослаблять наблюдения, пока не доберется до сути.

Из окна своего нового жилища Фрэнсис Скримджер мог окинуть взглядом весь сад при доме с зелеными ставнями. Прямо под ним в тени прекрасного раскидистого каштана стояли два садовых столика; на них, вероятно, обедали в летнюю жару. Густая листва скрывала все, что было внизу, и лишь в одном просвете между столиками и домом виднелась усыпанная гравием дорожка, которая вела от веранды к калитке.

Рассматривая сад в щели между планками жалюзи, которые он не решался открыть из боязни привлечь внимание, Фрэнсис мог заметить лишь немного, что позволило бы судить о живущих здесь людях, но это немного говорило только об их замкнутом характере и склонности к уединению. Сад походил на монастырский, дом -- на тюрьму. По фасаду все зеленые ставни были опущены;

дверь на веранду заперта; сад, освещенный вечерним солнцем, совершенно безлюден. И только скромный завиток дыма над единственной трубой указывал на присутствие живых людей.

Чтобы не сидеть совсем без дела и хоть чем-нибудь скрасить себе жизнь, Фрэнсис купил учебник геометрии на французском языке и стал его списывать и переводить, положив на чемодан и усевшись на полу спиной к стене, потому что у него не было ни стула, ни стола. Время от времени он вставал и бросал взгляд вниз, за ограду дома с зелеными ставнями, но окна были все так же упорно закрыты, а сад пуст.

Только поздно вечером случилось нечто, отчасти вознаградившее его за длительное ожидание. Между девятью и десятью часами его пробудил от дремоты резкий звук колокольчика. Фрэнсис подскочил к своему наблюдательному посту как раз вовремя, чтобы услышать внушительный грохот отпираемых замков и отодвигаемых засовов и увидеть, как мистер Венделер с фонарем в руке, в просторном халате черного бархата и такой же шапочке появился на веранде и неторопливо прошествовал к садовой калитке. Снова загремели замки и задвижки, и мгновение спустя в неверном свете фонаря Фрэнсис увидел, что диктатор ведет в дом какого-то субъекта самого подлого и мерзкого вида.

Спустя полчаса посетитель был выпущен на улицу, а мистер Венделер, поставив фонарь на один из садовых столиков, не спеша докуривал сигару под листвою каштана. В просветы между ветвями Фрэнсис мог следить за движениями диктатора, когда тот стряхивал пепел или глубоко затягивался. Фрэнсис заметил, что чело старика затуманено, а рот судорожно кривится: все это свидетельствовало о напряженном и, может быть, тягостном течении мыслей. Он уже почти докурил сигару, когда из дома донесся молодой женский голос, -- старику сообщили, который час.

-- Иду, иду, -- ответил Джон Венделер.

Сказав это, он бросил окурки и, захватив фонарь, проследовал через веранду и направился в дом. Едва дверь захлопнулась, дом погрузился во тьму, и, как Фрэнсис ни напрягал зрение, он не мог заметить ни щелочки света под шторами и сделал отсюда вполне здравый вывод, что все спальни находятся по другую сторону дома.

Рано утром (потому что, проведя беспокойную ночь на полу, Фрэнсис проснулся очень рано) ему пришлось изменить свое заключение. Одна за другою при помощи пружины, которую нажимали изнутри, зеленые ставни взлетели вверх, и за ними обнаружились стальные шторы, какие бывают в витринах магазинов. Они, в свою очередь, поднялись тоже, и на протяжении почти часа в комнаты был открыт доступ свежему воздуху. Затем мистер Венделер своей рукой опустил стальные шторы и закрыл зеленые ставни.

Пока Фрэнсис дивился таким предосторожностям, дверь вдруг распахнулась и из дома вышла молодая девушка. Не прошло и двух минут, как, оглядев сад, она снова ушла в дом, но даже за это короткое время -- он успел убедиться в ее необычайной привлекательности. Это событие не только подстегнуло его любопытство, но и сильно улучшило настроение. Странные действия и явно двусмысленный образ жизни его отца с этого мгновения перестали тревожить

его. С этого мгновения он горячо полюбил свою новую семью. Окажется ли эта молодая девушка его сестрой или станет ему женой, он все равно был уверен наперед, что она ангел во плоти. И чувство это было так сильно, что его даже охватил страх, когда он подумал, что ничего толком не знает и что, может быть, по ошибке последовал за мистером Венделером, приняв его за отца.

Привратник, к которому обратился Фрэнсис, мог сообщить очень мало, но все, что ему было известно, носило таинственный и подозрительный характер. В соседнем доме жил англичанин, чрезвычайно богатый и, как водится, эксцентричных вкусов и привычек. Он владел огромными коллекциями, которые хранил у себя в доме. Для того, чтобы уберечь их, он и оборудовал дом стальными шторами и сложными замками, а садовую стену велел утыкать железными шипами. Он жил уединенно, хотя его посещали неведомые люди, с которыми он, повидимому, вел разные дела. В доме, кроме него самого, жила только мадемуазель да старая служанка.

-- Мадемуазель приходится ему дочерью? -- полюбопытствовал Фрэнсис.

-- Разумеется, -- ответил привратник. -- Мадемуазель -- дочь хозяина дома, и я удивляюсь, что ее заставляют так трудиться. При всем его богатстве на рынок ходит она сама, и каждый день видишь, как она идет мимо с корзинкой в руке.

-- А что у него за коллекции? -- спросил молодой человек.

-- Сэр, -- ответил привратник, -- они огромной ценности. Больше я ничего не могу вам сказать. Мистер Венделер, с тех пор как приехал, даже на порог не пускает никого из соседей.

-- Но ведь вы, наверное, догадываетесь, -- сказал Фрэнсис, -- из чего состоят эти пресловутые коллекции? Что же там: картины, шелка, статуи или драгоценности?

-- Ей-ей, сударь, -- сказал парень, пожимая плечами. -- Откуда мне знать? Может, у него там репа с морковью. Дом устроен словно крепость, сами видите.

Но когда разочарованный Фрэнсис направился к себе, привратник снова окликнул его.

-- Я вот что припомнил, сэр, -- сказал он, -- мсье де Венделер объехал весь свет, и я слышал однажды, как старуха хвалилась, будто он привез с собой уйму алмазов. Если это правда, там, за этими ставнями, есть на что посмотреть.

В воскресенье задолго до начала спектакля Фрэнсис уже сидел в театре. Взятое для него кресло оказалось третьим или четвертым с левой стороны, напротив одной из нижних лож. Кресло, наверное, выбрали с умыслом. Оставалось разгадать, с каким именно. Инстинктивно Фрэнсис решил, что ложа направо от него должна быть так или иначе связана с событиями, в которых он играл неясную ему роль. Она и в самом деле была так расположена, что, сидя в самой глубине, занимавшие ее люди могли при желании рассматривать его в течение спектакля, не опасаясь наблюдения с его стороны. Он дал себе слово ни на минуту не упускать пустую ложу из поля зрения и, разглядывая театр или делая вид, будто увлечен происходящим на сцене, все время искоса поглядывал

на нее.

Шел второй акт. Когда он уже приближался к концу, дверь ложи отворилась и двое зрителей вошли и уселись в темной глубине ее. Фрэнсис с трудом скрыл волнение: это были мистер Венделер и его дочь. Кровь стремительно мчалась по жилам Фрэнсиса, в ушах звенело, голова кружилась. Он не смел оглянуться, чтобы не навлечь на себя подозрений. Театральная программа, которую он читал и перечитывал с начала до конца и с конца до начала, из белой стала казаться ему красной, когда же он поглядывал на сцену, та словно уходила куда-то далеко, а голоса и движения актеров представлялись ему нелепыми и бессмысленными до последней степени.

Время от времени он осмеливался бросить взгляд в направлении, наиболее его интересовавшем. И, уж во всяком случае, один раз глаза его определенно встретились с глазами молодой девушки. Тут у него дрожь пробежала по телу и перед глазами поплыли круги всех цветов радуги. Много бы он дал, лишь бы подслушать, что происходит между Венделерами! Много бы он дал, чтоб, набравшись храбрости, взять бинокль и спокойно рассмотреть их позы и выражение лиц! Там, как он понимал, решалась его судьба, а он не мог вмешаться, не мог хотя бы услышать их речи, и принужден был беспомощно сидеть на месте и терзаться тревогой.

Наконец второй акт закончился. Занавес упал, и зрители вокруг Фрэнсиса начали вставать с мест, чтобы пройти во время антракта. Естественно было и ему последовать их примеру, а при этом не только естественно, но даже и необходимо было пройти мимо самой ложи. Собрав все свое мужество, но опустив глаза, Фрэнсис направился в сторону ложи. Перед ним, пыхтя на ходу, не торопясь шествовал пожилой джентльмен, поэтому и Фрэнсис продвигался вперед очень медленно. Что ему делать? Приветствовать Венделера и его дочь, проходя мимо? Вынуть из петлицы цветок и бросить в ложу? Поднять голову и кинуть долгий и нежный взгляд на девушку, может быть, свою сестру или невесту? Колеблясь и не зная, на каком решении остановиться, он вдруг ярко представил себе свое прежнее спокойное существование и службу в банке, и сожаление о прошлом охватило его.

К этому времени он оказался прямо против ложи, и хотя до сих пор сомневался, что ему делать и делать ли что-нибудь вообще, он повернул голову и поднял глаза. Едва взглянув, он разочарованно вскрикнул и застыл на месте. Ложа была пуста. Пока он приближался, мистер Венделер с дочерью тихонько ускользнули прочь.

Кто-то позади него вежливо напомнил, что он загроживает дорогу. Он опять машинально тронулся вперед и покорно подчинился движению толпы, которая вынесла его из театра. На улице давка ослабела, Фрэнсис остановился, и свежий вечерний воздух быстро привел его в себя. Он с удивлением заметил, что у него очень болит голова и что он не помнит ни слова из виденных двух актов. Возбуждение постепенно улеглось, на смену ему явилась непреодолимая сонливость. Он подозвал фиакр и поехал к себе в состоянии крайнего изнеможения, испытывая даже отвращение к жизни.

На следующее утро он вышел с намерением подстеречь мисс Венделер на пути к рынку и в восемь часов увидел, что она вышла на улицу. Она была

просто, даже бедно одета, но ее гордая осанка и гибкая походка скрасили бы самую скромную одежду. Даже корзинка -- так изящно она несла ее -- была ей к лицу, словно украшение. Притаившемуся в дверном проеме Фрэнсису почудилось, будто она все освещает на своем пути, точно солнце, и заставляет отступать прочь все тени, и он в первый раз заметил, что где-то наверху в клетке поет птица. Он дал девушке пройти мимо, потом, выйдя из двери, окликнул ее.

-- Мисс Венделер! -- сказал он.

Она обернулась и, узнав его, смертельно побледнела.

-- Простите меня, -- заговорил он. -- Клянусь, я не хотел испугать вас, да и можно ли пугаться человека, который так горячо желает вам добра. Поверьте мне, я обращаюсь к вам так по необходимости и не могу поступить иначе. Нас многое связывает, но я брожу как в потемках. Мне бы следовало действовать, а у меня связаны руки. Я не знаю, что и думать, не знаю даже, кто мои друзья и кто -- враги.

Она с трудом обрела голос.

-- Я не знаю, кто вы, -- сказала она.

-- Ах нет, мисс Венделер, вы знаете! -- возразил Фрэнсис. -- Обо мне вам известно больше, чем мне самому. Именно о себе я жду от вас разъяснения. Расскажите мне все, что вы знаете, -- молил он. -- Расскажите, кто я и кто вы, и почему переплелись наши судьбы. Хотя немного помогите мне разобраться, мисс Венделер, скажите одно слово, чтобы направить меня, назовите хоть имя моего отца, -- и я удовлетворюсь этим и буду благодарен вам.

-- Зачем мне пытаться обманывать вас? -- промолвила она. -- Я знаю, кто вы, но не смею сказать.

-- Тогда скажите хотя бы, что вы простили мою дерзость, и я буду терпеливо ждать. Если мне нельзя знать правды, я подчинюсь. Это жестоко, но я могу выдержать и большее, если понадобится. Только не заставляйте меня мучиться мыслью, что я сделал вас своим врагом.

-- Ваш поступок вполне понятен, -- сказала она, -- вы ни в чем не виноваты передо мной. Прощайте.

-- "Прощайте"? Неужели навсегда? -- спросил он.

-- Я и сама не знаю, -- сказала она, -- Если хотите, то -- до свидания.

С этими словами она ушла.

Фрэнсис вернулся к себе в ужасном смятении. В то утро он сделал весьма слабые успехи в геометрии и чаще оказывался у окна, чем сидел за своим импровизированным письменным столом. Однако за все утро ему не удалось увидеть ничего примечательного около дома с зелеными ставнями, кроме того разве, что мисс Венделер возвратилась и говорила со своим отцом, курившим на веранде трихинопольскую сигару. Среди дня молодой человек вышел и наспех утолил голод в ближайшем ресторанчике, но любопытство, остававшееся неутоленным, подгоняло его, и он вернулся к дому на улице Лепик. У садовой стены какой-то верховой, видимо, слуга, водил на поводу оседланную лошадь, а привратник дома, где жил Фрэнсис, покуривал трубку, прислонясь к дверному косяку, и внимательно разглядывал ливрею и скакунов.

-- Глядите-ка! -- крикнул он молодому человеку. -- Прекрасные лошадки! И какая нарядная ливрея! Владелец всего этого -- брат мистера Венделера, он только что приехал сюда. Он генерал и у вас на родине человек известный; вам, вероятно, доводилось слышать о нем.

-- Признаюсь, -- возразил Френсис, -- я никогда не слыхивал о генерале Венделере. У нас много военных в таком чине, да и мне приходится вести дела только с людьми штатскими.

-- Это тот самый генерал, у которого пропал индийский алмаз, -- сказал привратник. -- Об этом-то вы наверняка читали в газетах.

Отделавшись от привратника, Френсис помчался наверх и бросился к окну. Возле каштана, под самым просветом в листве, сидели и разговаривали, покуривая сигары, два джентльмена. У генерала, краснолицего человека с военной выправкой, было некоторое семейное сходство с братом: что-то общее в чертах лица и коечто в осанке -- самая малость, -- напоминавшее свободную, могучую статью Джона Венделера. Но генерал был старше, ниже ростом и проще с виду, -- сходство было почти карикатурным, и рядом с диктатором он казался совсем жалким и хилым существом.

Занятые разговором, они наклонялись друг к другу через стол и говорили так тихо, что Френсису редко удавалось поймать несколько слов кряду. По этим обрывкам он убедился, однако, что речь шла о нем самом и о его будущем. Несколько раз достигало его слуха имя Скримджер, которое легко было различить, а еще чаще он как будто различал имя Френсис.

Наконец, словно в припадке ярости, генерал разразился гневными возгласами.

-- Френсис Венделер! -- закричал он, упирая на последнее слово. -- Френсис Венделер, говорю я тебе!

Диктатор дернулся всем телом, выражая то ли согласие, то ли пренебрежение, но молодой человек не расслышал его ответа.

Неужели это его они называли Френсисом Венделером? Может быть, спор шел об имени, под которым он должен был венчаться? Или все это только наваждение, пустой сон, порожденный его тщеславием и сомнением?

Некоторое время ему опять не удавалось расслышать их речей. Затем между собеседниками под каштаном снова возникло разногласие, генерал сердито повысил голос, и до Френсиса долетели его слова.

-- Моя жена? -- вскричал он. -- Я навсегда порвал с моей женой. Я о ней и слышать не хочу! Мне противно самое ее имя.

И он громко выругался и стукнул кулаком по столу.

Диктатор стал, судя по жестам, отечески успокаивать генерала и вскоре повел его к садовой калитке. Братья обменялись довольно сердечным рукопожатием, но как только дверь за гостем закрылась, Джон Венделер разразился хохотом, который Френсису Скримджеру показался дьявольски злобным.

Так прошел еще один день, принесший мало нового. Впрочем, молодой человек помнил, что завтра вторник, и сулил себе удивительные открытия. Хорошо ли, плохо ли для него обернется дело, он, во всяком случае, узнает что-нибудь любопытное, а если ему повезет, он доберется и до разгадки тайны, окружавшей его отца и всю семью.

Близился час обеда, и в саду позади дома с зелеными ставнями шли великие приготовления: на том столике, который был виден сквозь ветви каштана, стояли тарелки для перемены и все нужное для салата. Стол для обедающих стоял в стороне, густая листва почти совсем скрывала его, и Френсис мог разглядеть лишь белую -- скатерть и столовое серебро.

Мистер Роллз явился минута в минуту. Он как будто держался настороже, говорил тихо и скупно. Диктатора, наоборот, обуяла необычайная жизнерадостность -- в саду то и дело раздавался его юношески звучный смех. Судя по оттенкам голоса, он, вероятно, рассказывал смешные истории, подражая то одному, то другому иностранному выговору. И не успели они с молодым священником прикончить бутылку вермута, как недоверие гостя испарилось и они уже болтали, словно два школьных товарища.

Наконец появилась мисс Венделер с суповой миской в руках. Мистер Роллз бросился ей навстречу, желая помочь, но она со смехом отказалась. Последовал обмен шутками -- обедающих как будто забавляло, что одному из них приходится подавать на стол.

-- Зато так свободней! -- послышалось заявление Венделера.

Потом они расселись по местам, и Фрэнсису теперь ничего не было ни видно, ни слышно. Но обед проходил, кажется, весело, под каштаном шла непрерывная болтовня и раздавался стук ножей и вилок. Фрэнсис, проглотивший с утра одну булочку, позавидовал их мирной и неторопливой трапезе. Они подолгу сидели за каждым блюдом и закончили обед легким десертом и бутылкой старого вина, которую осторожно откупорил сам диктатор. Так как уже стемнело, на стол поставили лампу, а на подсобный столик -- две свечи; ночь наступала удивительно ясная, звездная и безветренная. Из дверей и окон веранды тоже струился свет, так что сад был весь озарен и в темных кронах поблескивали листья.

Мисс Венделер, вероятно, уже в десятый раз, ушла в дом; теперь она вернулась, неся поднос с кофейным прибором, который поставила на другой столик. В ту же минуту ее отец поднялся с места, и Фрэнсис услышал, как он сказал:

-- Кофе -- это уж мое дело.

Затем Фрэнсис увидел своего предполагаемого отца у подсобного столика в свете зажженных свечей.

Продолжая разговаривать через плечо, мистер Венделер нацедил две чашки коричневого напитка, а затем ловким движением фокусника вылил в меньшую чашку содержимое крохотного флакончика. Он проделал это с необычайной быстротой, и Фрэнсис, глядевший прямо на старика, едва успел заметить, что случилось, как все уже было кончено. В следующее мгновение, продолжая смеяться, мистер Венделер повернулся к обеденному столу, держа по чашке в каждой руке.

-- Не успеем мы выпить кофе, -- сказал он, -- как появится наш ростовщик.

Невозможно описать смятение и ужас Фрэнсиса Скримджера. У него на глазах совершалось преступление, он понимал, что должен вмешаться, и не знал, как это сделать. А вдруг это просто шутка? Хорош он будет тогда со своим вмешательством! А если дело серьезно, то ведь преступник, возможно, его родной отец, и не придется ли тогда Фрэнсису каяться, что он навлек гибель на своего родителя? Он только теперь уяснил себе, что играет роль соглядатая. Для него было настоящей пыткой пассивно наблюдать за событиями, когда в душе боролись такие противоречивые чувства. Он приник к планкам ставен, сердце его билось быстро и неровно, он ощущал, как обильный пот выступил по всему его телу.

Прошло несколько минут.

Ему показалось, что разговор замирает, становится все менее оживленным, менее громким. Но ничего тревожного или необычного как будто не происходило.

Вдруг послышался звон разбитого бокала, а за ним негромкий глухой звук, словно кто-то уронил голову на стол. И сразу в саду раздался пронзительный крик.

-- Что ты сделал! -- кричала мисс Венделер. -- Он умер!

Диктатор ответил яростным шепотом, таким резким и свистящим, что до Фрэнсиса, стоявшего у окна, донеслось каждое слово.

-- Тише! -- говорил мистер Венделер. -- Ничего с ним не случилось. Бери его за ноги, а я потащу за плечи.

Фрэнсис услышал, что мисс Венделер разрыдалась.

-- Ты слышала, что я сказал? -- все так же продолжал диктатор. -- Или ты хочешь поссориться со мной? Выбирайте, мисс Венделер.

Последовала пауза, потом диктатор заговорил снова:

-- Бери его за ноги. Мне нужно внести его в дом. Будь я помоложе, я бы сам справился с кем угодно. Но пережитые годы сказываются, я ослабел, и мне без твоей помощи не обойтись.

-- Это -- преступление, -- возразила девушка.

-- Я твой отец, -- сказал мистер Венделер.

Его слова как будто возымели действие. Послышалось шарканье ног по гравию, опрокинулся стул, потом Фрэнсис увидел, как отец и дочь, пошатываясь, пронесли по дорожке бесчувственное тело мистера Роллза и скрылись с ним в дверях веранды. Молодой священник был бледен и бессильно повис у них на руках, и голова его качалась при каждом шаге.

Жив он или мертв? Несмотря на утверждения диктатора, Фрэнсис склонялся ко второму. Совершилось тяжкое преступление, и теперь обитателям дома с зелеными ставнями грозили великие бедствия. Фрэнсис неожиданно почувствовал, что сожаление к девушке и старику, стоявшим, по его мнению, на краю гибели, вытесняет в его душе ужас перед происшедшим. Прилив великодушия затопил его сердце. Он тоже будет поддерживать своего отца против всех и каждого, против судьбы и закона. Он распахнул ставни, зажмурился и, широко раскинув руки, бросился вниз, в листву каштана.

Одна ветка за другую вырывалась у него из пальцев или ломалась под его тяжестью. Наконец он ухватился за толстый сук, секунду продержался в воздухе и, отпустив ветку, грохнулся прямо на стол. По тревожному крику, раздававшемуся в доме, он понял, что вторжение его не прошло незамеченным. Он поднялся, шатаясь, в три прыжка покрыл расстояние, отделявшее его от дома, и стал в дверях веранды.

Он увидел небольшую комнату, устланную циновками. Вдоль стен выстроились застекленные шкафы, полные редкостных и ценных вещей, а посередине комнаты, склонившись над телом Роллза, стоял мистер Венделер. При появлении Фрэнсиса старик выпрямился и сделал быстрое движение рукой. Оно заняло не более секунды, все произошло в один миг. Молодой человек не мог бы утверждать с уверенностью, но ему показалось, будто диктатор вынул из внутреннего кармана священника какой-то предмет, глянул на него и тотчас поспешно передал дочери.

Все это случилось, пока Фрэнсис стоял только одной ногой на пороге. В

следующее мгновение он бросился на колени перед мистером Венделером.

-- Отец! -- вскричал он. -- Позвольте и мне помочь вам. Все, что вы захотите, я сделаю, ни о чем не спрашивая. Я готов служить вам, отдать вам свою жизнь! Обходитесь со мной, как с сыном, и вы встретите сыновнюю преданность.

В ответ диктатор разразился потоком отчаянной брани.

-- Сын? Отец? -- вскричал он. -- Отец и сын? Какого черта? Что это за дурацкая комедия? Как вы попали ко мне в сад? Что вам надо? И кто вы такой, скажите на милость?

Ошеломленный Фрэнсис поднялся и стоял теперь с пристыженным видом, не говоря ни слова.

Тут мистера Венделера, видимо, осенила догадка, и он громко расхохотался.

-- Понимаю! -- воскликнул он. -- Это же Скримджер! Отлично, мистер Скримджер, я в нескольких словах растолкую вам ваше дело. Вы проникли в мое жилище силой или обманом, но уж, во всяком случае, без моего приглашения. Вы попали не ко времени, когда моему гостю вдруг стало дурно за столом, и кидаетесь ко мне со своими излияниями. Я вам не отец. Вы, если хотите знать, незаконный сын моего брата и рыбной торговки. Вы мне безразличны, даже неприятны, а ваше поведение убеждает меня в том, что ваши умственные способности вполне соответствуют вашей внешности. Советую вам на досуге обдумать эти огорчительные для вас факты, а пока покорнейше прошу избавить нас от вашего присутствия. Не будь я так занят, -- тут диктатор прибавил ужасное ругательство, -- я бы задал вам хорошую трепку на дороге!

Фрэнсис слушал его, испытывая чувство глубокого унижения. Он убежал бы, если б мог. Но он не знал, как выйти из сада, куда забрался на свою беду, и теперь ему только и оставалось, что глупо стоять на месте.

Молчание нарушила мисс Венделер.

-- Отец, -- сказала она, -- ты говоришь в запальчивости. Мистер Скримджер, может быть, поступил опрометчиво, но из самых добрых и хороших побуждений.

-- Спасибо тебе, -- огрызнулся диктатор, -- ты мне напомнила обо всем остальном, что я по долгу чести хочу сообщить мистеру Скримджеру. Мой брат, -- продолжал он, обращаясь к молодому человеку, -- по глупости назначил вам пособие. По глупости и наглости он вознамерился женить вас на этой молодой особе. Позавчера вас ей показали. Я рад довести до вашего сведения, что она с отвращением отвергла эту затею. Позвольте добавить, что я имею большое влияние на вашего отца и поставлю себе в заслугу, если к концу недели у вас отберут пособие и отошлют вас обратно заниматься и дальше вашим бумагомаранием.

Тон старика был даже оскорбительней, чем его слова. Фрэнсис чувствовал, что его обливают жестоким, убийственным, невыносимым презрением. Голова у него кружилась, он закрыл лицо руками, и, хоть глаза его были сухи, у него вырвалось мучительное рыдание.

Но мисс Венделер еще раз вступилась за него.

-- Мистер Скримджер, -- сказала она ясным, ровным голосом, -- пусть резкие слова моего отца не расстраивают вас. Вы не внушаете мне никакого отвращения. Наоборот, я просила предоставить мне возможность узнать вас

поближе. А то, что произошло сегодня, поверьте, заставляет меня проникнуться к вам жалостью и уважением.

Тут мистер Роллз судорожно дернул рукой, и это убедило Фрэнсиса, что гостя только опоили снотворным снадобьем и что он теперь начинает приходить в себя. Мистер Венделер склонился над священником, всматриваясь в его лицо.

-- Ну, хватит! -- воскликнул он, поднимая голову. -- Пора кончать. И раз уж вы так очарованы поведением этого подкидыша, мисс Венделер, возьмите свечу и проводите его.

Девушка тотчас повиновалась.

-- Благодарю вас, -- сказал Фрэнсис, как только они очутились одни в саду. -- Благодарю вас от всей души. Это самый горький час в моей жизни, но с ним навсегда будет связано одно счастливое воспоминание.

-- Я сказала то, что думала, -- ответила она, -- и вы это заслужили. Мне больно, что с вами обошлись так несправедливо.

В это время они подошли к садовой калитке, и мисс Венделер, поставив свечу на землю, стала открывать засовы.

-- Еще одно слово, -- сказал Фрэнсис. -- Ведь мы прощаемся не навсегда? Я еще увижу вас, не правда ли?

-- Увы! -- ответила она. -- Вы слышали отца. Как я могу не подчиниться ему?

-- Скажите хотя бы, что все это происходит без вашего согласия, -- возразил Фрэнсис. -- Скажите, что вы не хотите распрощаться со мной навсегда.

-- Конечно, нет, -- ответила она. -- Вы, по-моему, человек смелый и честный.

-- Тогда, -- сказал Фрэнсис, -- подарите мне что-нибудь на память.

Взявшись за ключ, она задумалась; все засовы и задвижки были уже открыты, оставалось только отомкнуть замок.

-- Если вы получите мой подарок, -- спросила она, -- обещаете ли вы сделать все точь-в-точь, как я велю?

-- И вы спрашиваете? -- сказал Фрэнсис. -- Я охотно сделаю все по одному вашему слову.

Она повернула ключ и распахнула калитку.

-- Так тому и быть, -- сказала она. -- Вы не знаете, о чем просите, но так и быть. Что бы вы ни услышали, что бы ни случилось, не возвращайтесь к этому дому. Бегите изо всех сил, пока не достигнете освещенных и многолюдных улиц, но и там будьте начеку. Вы не представляете себе, какой опасности подвергаетесь. Обещайте мне, что не взглянете на мой подарок, пока не окажетесь в безопасном месте.

-- Обещаю, -- ответил Фрэнсис.

Она сунула в руку молодого человека что-то, небрежно завернутое в платок, и в тот же миг с силой, какой он не предполагал в ней, вытолкнула его на улицу.

-- Бегите же! -- крикнула она.

Он услышал, как за ним захлопнулась калитка и как загремели задвижки и засовы.

-- Ну, -- сказал он, -- раз уж я обещал!..

И он опрометью пустился вниз по переулку, ведущему к улице Равиньян.

Он не отбежал и пятидесяти шагов от дома с зелеными ставнями, как в ночной тишине вдруг раздался злобный вопль. Фрэнсис невольно остановился. Встречный пешеход последовал его примеру. Он видел, как в соседних домах люди припнули к окнам. Пожар не вызвал бы такой сумятицы в этом безлюдном квартале. А повинен в ней, очевидно, был один человек, взревевший от ярости и горя, как львица, у которой похитили детенышей. Фрэнсис удивился и встревожился, разобрав, что это его самого кто-то клянет по-английски на все лады.

Первым его побуждением было вернуться к дому, но, припомнив наставления мисс Венделер, он решил бежать быстрее прежнего. Едва он повернулся, чтобы привести свою мысль в исполнение, как вдруг без шляпы, с развевающимися седыми волосами, громко ругаясь, мимо пролетел диктатор, словно ядро из пушечного жерла, и во весь опор понесся вниз по улице.

"Вот чуть не попался! -- подумал про себя Фрэнсис. -- Ума не приложу, что ему от меня нужно и чего он так волнуется. Однако с ним сейчас явно не стоит встречаться, и лучше мне последовать совету мисс Венделер".

Он пошел назад, надумав вернуться обратно и спуститься по улице Лепик, пока его преследователь гонится за ним в другом направлении. План был неудачен: по сути дела, ему следовало засесть в ближнем кабачке и ждать, чтобы первая горячка погони миновала.

Но у Фрэнсиса не было опыта в мелких стычках такого рода, и он был мало расположен к ним. К тому же он настолько не чувствовал за собой никакой вины, что и не опасался ничего, кроме неприятной встречи. Однако неприятных встреч было за этот вечер, по его мнению, достаточно с него, а предполагать, что мисс Венделер чего-нибудь ему недосказала и зовет обратно, он не мог. Молодой человек в самом деле жестоко страдал и телом и душой: тело ныло от ушибов, а душа уязвлена была колкостями мистера Венделера, у которого, приходилось сознаться, был на редкость ядовитый язык.

Ушибы напомнили Фрэнсису, что он не только явился в сад диктатора без шляпы, но что его платье сильно пострадало, когда он продирался сквозь ветви каштана. В первой попавшейся лавке Фрэнсис купил себе дешевую широкополую шляпу и попросил привести в порядок его одежду. Подаренную на память вещицу он, не разворачивая, сунул пока в карман штанов.

Не успел он отойти и нескольких шагов от лавки, как его вдруг толкнули, чья-то рука схватила за горло, и прямо перед собой он увидел разъяренное лицо с разинутым ртом, изрыгающим проклятия. Диктатор, сбившись со следа, возвращался другим путем. Фрэнсис был дюжий молодец, но ему не сравниться было по силе и ловкости со своим противником. И после недолгой, безуспешной борьбы он прекратил сопротивление и сдался в плен.

-- Что вам надо от меня? -- спросил он.

-- Об этом мы поговорим дома, -- угрюмо отрезал диктатор.

И он повел молодого человека вверх по улице к дому с зелеными ставнями.

Но Фрэнсис, хоть и перестал отбиваться, только и ждал случая предпринять смелую попытку к бегству. Внезапно рванувшись и оставив воротник в руках мистера Венделера, он опять стремглав бросился наутек в сторону Бульваров.

Теперь роли переменялись. Диктатор был сильнее, зато Фрэнсис был моложе и бегал проворней: смешавшись с толпой, он легко ускользнул от диктатора. Радуюсь избавлению, но все больше тревожась и недоумевая, он шел быстрым шагом, пока не достиг площади Оперы, где от электрических фонарей было светло, как днем.

"Здесь, -- подумал он, -- уж, во всяком случае, все так, как хотелось мисс Венделер".

И, повернув вправо по Бульварам, он вошел в "Американское кафе" и заказал себе пива. Для большинства завсегдатаев этого кафе час был слишком поздний или слишком ранний. В зале сидели за отдельными столиками только два-три посетителя -- все мужчины. Фрэнсис так погрузился в свои мысли, что не обратил на них внимания.

Он вынул из кармана платок с завернутым в него предметом. В платке оказался сафьяновый футляр с застежкой и золоченым узором. Футляр открылся при помощи пружинки, и потрясенный молодой человек увидел алмаз невероятной величины и удивительного блеска. Случай был настолько необыкновенным, ценность камня, очевидно, так огромна, что, уставясь в открытый футляр, Фрэнсис замер без движения, без единой сознательной мысли, словно внезапно потеряв рассудок.

На его плечо легла чья-то легкая, но твердая рука, и тихий, но в то же время повелительный голос произнес над ним следующие слова:

-- Закройте футляр и постарайтесь казаться спокойным.

Подняв глаза, он увидел человека еще молодого, величавого, с изысканной осанкой и одетого дорого, но просто. Этот джентльмен, видимо, встал из-за соседнего столика и, забрав свой стакан, пересел к Фрэнсису.

-- Закройте футляр, -- повторил незнакомец, -- и не спеша положите его обратно в карман, где, я убежден, ему вовсе не место. Пожалуйста, постарайтесь успокоиться и держитесь так, будто я ваш знакомый, которого вы случайно встретили. Вот-вот! Чокнитесь со мной. Так лучше. Боюсь, сэр, что вы человек неискушенный.

И, значительно улыбнувшись при последних словах, незнакомец откинулся в кресле и глубоко затянулся папиросой.

-- Ради бога, -- сказал Фрэнсис, -- скажите, кто вы и что все это значит? Я, право, не знаю, почему мне надо слушаться ваших неожиданных советов. Но, честно говоря, со мною за этот вечер случилось столько несуразных приключений, и все, с кем я ни встречался, вели себя так странно, что мне кажется, будто я сошел с ума или залетел на другую планету. Ваше лицо внушает мне доверие, я думаю, вы умны, добры и опытны. Скажите мне, ради всего святого, почему вы обращаетесь ко мне с такими необычными речами?

-- Все в свое время, -- ответил незнакомец. -- Но мне спрашивать первому: расскажите же, как к вам попал Алмаз Раджи.

-- Алмаз Раджи?!

-- На вашем месте я не говорил бы так громко, -- заметил его собеседник. -- Но у вас в кармане именно Алмаз Раджи. Я десятки раз видел его в коллекции сэра Томаса Венделера и даже держал в руках.

-- Сэр Томас Венделер! Генерал! Мой отец! -- вскричал Фрэнсис.

-- Ваш отец? -- переспросил незнакомец. -- Я не знал, что у генерала есть дети.

-- Я незаконнорожденный, сэр, -- ответил Фрэнсис, вспыхнув.

Незнакомец поклонился со строгим выражением лица. Поклон его был почтительным, словно он молча приносил извинения равному себе. И Фрэнсису вдруг, неизвестно почему, стало легко и спокойно. Ему было хорошо с этим незнакомцем, как будто он обрел почву под ногами. Чувство уважения росло в его душе, и он невольно снял свою широкополую шляпу, словно в присутствии важного лица.

-- Заметно, -- сказал незнакомец, -- что ваши приключения отнюдь не были мирными. Воротник у вас оторван, лицо исцарапано, на виске порез. Надеюсь, вы простите мое любопытство, если я попрошу вас рассказать, откуда взялись эти повреждения и откуда у вас в кармане краденая вещь такой огромной ценности.

-- Вы неправы! -- резко возразил Фрэнсис. -- Нет у меня никаких краденых вещей. А если вы имеете в виду алмаз, его с полчаса тому назад мне подарила мисс Венделер на улице Лепик.

-- Мисс Венделер с улицы Лепик! -- повторил собеседник. -- Все это гораздо интересней, чем вы думаете. Пожалуйста, продолжайте.

-- Боже мой! -- воскликнул Фрэнсис.

Его память сделала внезапный скачок. Ведь он видел, что мистер Венделер вынул какой-то предмет из внутреннего кармана своего потерявшего сознание гостя; теперь он понял, что это и был сафьяновый футляр.

-- О чем вы вспомнили? -- осведомился незнакомец.

-- Слушайте, -- сказал Фрэнсис. -- Я не знаю, кто вы, но думаю, что вы достойны доверия и можете мне помочь. Я совершенно запутался, мне нужен совет, нужна поддержка, и, раз вы сами хотите, я расскажу вам все.

И он коротко пересказал свои приключения, начиная с того дня, как его вызвали из банка к адвокату.

-- Ваша история поистине замечательна, а ваше положение очень затруднительно и опасно, -- сказал незнакомец, когда рассказ молодого человека подошел к концу. -- Многие посоветовали бы вам разыскать вашего отца и отдать алмаз ему, но я думаю иначе.

И он позвал лакея.

Лакей подошел.

-- Скажите, пожалуйста, хозяину, что я прошу его на два слова, -- сказал незнакомец, и Фрэнсис опять заметил по его тону и обхождению, что он привык повелевать.

Лакей ушел и вскоре вернулся с хозяином, который подобострастно поклонился незнакомцу.

-- Чем могу служить? -- спросил он.

-- Будьте добры назвать этому джентльмену мое имя, -- сказал незнакомец, указывая на Фрэнсиса.

-- Сэр, -- сказал хозяин, обращаясь к молодому Скримджеру, -- вы имеете

честь сидеть за одним столом с его высочеством принцем Флоризелем Богемским.

Фрэнсис тотчас вскочил и учтиво поклонился принцу, который попросил его снова сесть.

-- Благодарю вас, -- сказал Флоризель, опять обращаясь к хозяину. --

Простите, что затруднял вас из-за такой малости.

И движением руки отпустил его.

-- А теперь, -- сказал принц, -- дайте мне алмаз.

Футляр был ему передан без единого возражения.

-- Вы правильно поступили, -- сказал Флоризель. -- Сердце подсказало вам верный путь, и вы когда-нибудь с благодарностью припомните злосключения этого вечера. Человек может запутаться среди тысячи разных затруднений, мистер Скримджер, но если он прямодушен и ум у него ясный, он выйдет из них незапятнанным. Будьте покойны: ваше дело в моих руках, и с помощью провидения у меня хватит сил привести его к благополучному концу. Идемте к моему экипажу.

С этими словами принц поднялся и, оставив лакею золотую монету, вышел с молодым человеком из кафе и повел по бульвару туда, где его поджидали двое слуг без ливрей и простая двухместная карета.

-- Этот экипаж, -- сказал Флоризель, -- в вашем распоряжении. Соберите, пожалуйста, как можно скорее свои вещи. Мои слуги свезут вас на одну виллу в окрестностях Парижа, где вы спокойно поживете, пока я буду устраивать вашу судьбу. Там вы найдете прекрасный сад, книги лучших авторов, повара, погреб с винами и хорошие сигары, которые я рекомендую вашему вниманию. Жером, -- прибавил он, оборачиваясь к одному из слуг, -- вы слышали, что я сказал? Оставляю мистера Скримджера на ваше попечение; я знаю, вы сумеете позаботиться о моем друге.

Фрэнсис невнятно пробормотал слова признательности.

-- Вы успеете поблагодарить меня, -- сказал принц, -- когда станете узаконенным сыном своего отца и мужем мисс Венделер.

Затем принц повернулся и не спеша направился в сторону Монмартра. Он кликнул первый попавшийся фиакр, назвал адрес и через четверть часа, отпустив экипаж несколько ниже по улице, уже стучался у садовой калитки мистера Венделера.

Ему с необычайными предосторожностями самолично открыл диктатор.

-- Кто это? -- спросил он.

-- Надеюсь, вы простите мне столь поздний визит, мистер Венделер, -- сказал принц.

-- Я всегда рад вашему высочеству, -- ответил мистер Венделер, отступая назад.

Пользуясь тем, что путь свободен, принц, не дожидаясь хозяина, прошел прямо к дому и открыл дверь на веранду. Там он застал мисс Венделер; глаза ее были заплаканы, и время от времени она судорожно всхлипывала. В джентльмене, сидевшем рядом с нею, принц узнал молодого человека, который около месяца тому назад в клубной курительной просил его совета в выборе литературы.

-- Добрый вечер, мисс Венделер, -- сказал Флоризель, -- у вас усталый вид. Мистер Роллз, если не ошибаюсь? Надеюсь, изучение книг Габорио пошло вам на пользу.

Но молодой священник был так раздражен, что не мог говорить. Он ограничился сдержанным поклоном и продолжал сидеть, кусая себе губы.

-- Какой счастливый ветер занес вас ко мне, ваше высочество? -- спросил мистер Венделер, входя вслед за гостем.

-- Я пришел по делу, -- сухо ответил принц. -- Как только мы его обсудим, я попрошу мистера Роллза прогуляться со мною... Мистер Роллз, -- строго прибавил он" -- разрешите напомнить вам, что я еще не садился.

Священник с извинениями вскочил на ноги. Тогда принц сел в кресло у стола, передал свою шляпу мистеру Венделеру, а трость мистеру Роллзу и, предоставляя им, словно лакеям, прислуживать себе, заговорил:

-- Я пришел, как уже сказал, по делу. Приди я сюда для удовольствия, мне были бы очень неприятны и ваш прием и еще больше ваше общество. Сэр, -- обратился он к мистеру Роллзу, -- вы вели себя неучтиво со старшим по положению. Вы же, Венделер, встречаете меня улыбками, отлично зная, что ваши руки замараны бесчестными поступками. Не перебивайте меня, -- прибавил он повелительно, -- я пришел сюда говорить, а не слушать и вынужден просить вас выслушать меня с уважением, а все мои требования выполнить неукоснительно. В самый короткий срок ваша дочь должна обвенчаться в посольстве с моим другом Фрэнсисом Скримджером, которого ваш брат открыто признает своим сыном. Вы обяжете меня, выделив не меньше десяти тысяч фунтов приданого. Вас самого я посылаю в Сиам -- ждите от меня письменных распоряжений по существу важного дела, которое поручается вашим заботам. А теперь, сэр, ответьте мне напрямик: принимаете ли вы мои требования?

-- Простите меня, ваше высочество, -- сказал Венделер, -- и разрешите почтительнейше задать вам два вопроса.

-- Разрешаю, -- ответил принц.

-- Ваше высочество, -- продолжал свою речь диктатор, -- вы назвали мистера Скримджера своим другом. Если бы я только знал, что вы почтили его своей дружбой, поверьте, я отнесся бы к нему с должным уважением.

-- Хитрый ход, -- сказал принц, -- но он вас не выручит. Вы получили мои приказания; они остаются попрежнему в силе, даже если бы я познакомился с этим джентльменом только сегодня.

-- Вы, ваше высочество, уловили мою мысль со своей обычной пронизательностью, -- заявил Венделер. -- Далее: я, к сожалению, обратился в полицию для розыска мистера Скримджера по подозрению в краже. Взять мне обратно свое обвинение или настаивать на нем?

-- Как вам угодно, -- ответил Флоризель. -- Это дело вашей совести и законов этой страны. Дайте мне шляпу, а вы, мистер Роллз, дайте мне трость и идите со мной. Спокойной ночи, мисс Венделер. -- Обратившись к Венделеру, он добавил: -- Считаю ваше молчание знаком безоговорочного согласия.

-- Если мне не удастся ничего сделать, -- ответил старик, -- я подчинюсь. Но я открыто предупреждаю вас, что без борьбы не сдамся.

-- Вы стары, -- сказал принц, -- но годами не скрасить порока. В старости вы безумней иного юнца. Не сердите меня, я могу оказаться суровой, чем вы думаете. Впервые мне приходится в гневе становиться вам поперек дороги, смотрите, чтобы это было в последний раз.

И, подав священнику знак идти за собой, Флоризель вышел из дома и направился к садовой калитке. Диктатор освещал им дорогу, следуя сзади со свечой, и снова сам отомкнул сложные засовы, при помощи которых надеялся уберечься от непрошенных гостей.

-- Так как вашей дочери сейчас здесь нет, -- промолвил принц, обернувшись с порога, -- я могу сказать вам, что понял ваши угрозы; но попробуйте только пальцем шевельнуть, и вы навлечете на себя скорую и неминуемую гибель.

Диктатор ничего не ответил, но, когда в свете уличного фонаря принц повернулся к нему спиной, он в безумной ярости погрозил кулаком. Через миг, скользнув за угол, он уже со всех ног бежал к ближайшей стоянке фиакров.

Здесь, говорит мой арабский автор, цепь событий уводит нас прочь от дома с зелеными ставнями. Еще одно приключение, добавляет он, и мы покончим с Алмазом Раджи. Это последнее звено цепи называется у обитателей Багдада "Повесть о встрече принца Флоризеля с сыщиком".

ПОВЕСТЬ О ВСТРЕЧЕ ПРИНЦА ФЛОРИЗЕЛЯ С СЫЩИКОМ

Принц Флоризель дошел с мистером Роллзом до самых дверей маленькой гостиницы, где тот жил. Они много разговаривали, и молодого человека не раз трогали до слез суровые и в то же время ласковые упреки Флоризеля.

-- Я погубил свою жизнь, -- сказал под конец мистер Роллз. -- Помогите мне, скажите, что мне делать. Увы! Я не обладаю ни добродетелями пастыря, ни ловкостью мошенника.

-- Вы и так унижены, -- сказал принц, -- остальное не в моей власти. В раскаянии человек обращается к владыке небесному, не к земным. Впрочем, если позволите, я дам вам совет: поезжайте колонистом в Австралию, там найдите себе простую работу на вольном воздухе и постарайтесь забыть, что были когда-то священником и что вам попался на глаза этот проклятый камень.

-- Ив самом деле проклятый! -- ответил мистер Роллз. -- Где он сейчас? Какую еще беду готовит людям?

-- Больше он никому не причинит зла, -- сказал принц. -- Он здесь, у меня в кармане. Как видите, -- прибавил он ласково, -- я все-таки доверяю вашему раскаянию, хоть оно еще и очень зелено.

-- Разрешите мне пожать вам руку, -- попросил мистер Роллз.

-- Нет, -- ответил принц Флоризель, -- пока нет.

Его последние слова прозвучали достаточно красноречиво, и после того как принц повернулся и пошел прочь, молодой человек еще несколько минут стоял на пороге, провожая глазами удаляющуюся фигуру и благословляя в душе своего превосходного советчика.

Несколько часов принц в одиночестве бродил по пустынным улицам. Он был весьма озабочен. Как поступить с алмазом? Вернуть ли его владельцу, недостойному, по его мнению, обладать таким чудом, или предпринять крутые и

решительные меры и раз навсегда сделать его недостижимым для человечества? Такой важный вопрос нельзя было решить сразу. Ему казалось, что алмаз попал в его руки явно по велению судьбы. Вынув драгоценный камень и рассматривая его под уличными фонарями, принц дивился его величине и поразительному блеску и все больше приходил к убеждению, что этот алмаз сулит миру одни бедствия и несчастья.

"Не дай бог глядеть на него долго -- чего доброго, и самому можно заразиться алчностью", -- подумал он.

Так и не приняв никакого решения, он направился на набережную к небольшому красивому дворцу, который уже несколько столетий принадлежит его роду. Герб Богемии высечен над его дверью и красуется на высоких трубах, прохожие заглядывают в зеленый дворик, усаженный редкостными цветами, а на коньке крыши, собирая перед домом толпу, целый день стоит единственный в Париже аист. По двору снуют деловитые слуги. Время от времени распахиваются большие ворота, и под арку вкатывается карета. Этот дворец по многим причинам был особенно дорог сердцу принца Флоризеля. Подходя к нему, принц неизменно чувствовал, что возвращается домой -- переживание, обычно чуждое великим мира сего, -- а в тот вечер он завидел острую крышу и неярко освещенные окна с особым ощущением покоя и облегчения.

Когда он уже подходил к боковому входу, которым всегда пользовался, если шел один, из тени стены выступил человек и с поклоном остановился на пути принца.

-- Я имею честь обращаться к принцу Флоризелю Богемскому? -- спросил он.

-- Да, это мой титул, -- ответил принц. -- Что вам нужно от меня?

-- Я сыщик, -- сказал человек, -- и мне поручено передать вашему высочеству записку от префекта полиции.

Принц взял письмо и проглядел его при свете уличного фонаря. Ему, хоть и в высшей степени учтиво, предлагалось незамедлительно последовать за подателем письма в префектуру.

-- Короче говоря, -- сказал Флоризель, -- я арестован.

-- Ваше высочество, -- ответил сыщик, -- я уверен, что арест вовсе не входит в намерения префекта. Как видите, он не выдал ордера на него. Это пустая формальность, или, если вам угодно, одолжение, которое вы, ваше высочество, сами оказываете властям.

-- А если бы, -- сказал принц, -- я все-таки отказался последовать за вами?

-- Не скрою от вашего высочества, мне предоставлена значительная свобода действий, -- с поклоном ответил сыщик.

-- Право, такая наглость меня поражает! -- воскликнул Флоризель. -- Вас-то, как простого полицейского, нельзя не простить, но ваше начальство жестоко поплатится за свои нелепые действия. Представляете ли вы себе хотя бы, чем вызван столь неблагоприятный и нарушающий мои права шаг? Заметьте, что я пока еще не давал ни отказа, ни согласия, поэтому многое зависит от вашего скорого и искреннего ответа. Разрешите напомнить вам, сударь, что это дело довольно серьезное.

-- Ваше высочество, -- смиренно сказал сыщик, -- генерал Венделер и его брат взяли на себя неслыханную смелость обвинить вас в краже. Они заявляют,

что пресловутый алмаз находится в ваших руках. Если это неверно, префект удовольствуется одним вашим словом. Скажу больше: если ваше высочество пожелает сделать честь простому сыщику и заявит мне о своей непричастности к делу, я буду тотчас просить разрешения удалиться.

До сих пор Флоризель считал свое приключение пустяком, которому лишь дипломатические соображения могли придать некоторый вес. При имени Венделера ему мгновенно открылась ужасная истина: он не только арестован, он виновен. Это не только досадная случайность, это гибель для его чести. Как ему ответить? Что делать? Алмаз Раджи -- и в самом деле проклятый камень! Казалось, принцу суждено стать последней его жертвой.

Одно было ясно: он не мог дать сыщику требуемого заверения. Надо попытаться выиграть время.

Его колебание не продлилось и секунды.

-- Пусть будет так, -- сказал он. -- Пойдемте вместе в префектуру.

Тот еще раз поклонился и, соблюдая почтительное расстояние, последовал за Флоризелем.

-- Подойдите, -- сказал принц, -- мне хочется поговорить, а рассмотрев вас, я подумал, что мы с вами встречаемся не в первый раз.

-- Считаю честью для себя, -- ответил полицейский, -- что вы, ваше высочество, припомнили мое лицо. Прошло восемь лет с тех пор, как я имел удовольствие видеться с вами.

-- Запоминать лица, -- возразил Флоризель, -- входит в мои обязанности, так же как и в ваши. Если рассудить, принц и сыщик в самом деле братья по оружию. Мы соратники в борьбе с преступлением, только моя должность прибыльней, а ваша опасней, однако в известном смысле обе они могут стать почетными для порядочного человека. И, как ни странно вам это покажется, по-моему, лучше быть умелым сыщиком с твердым характером, чем слабым и недостойным властителем.

Полицейский даже растерялся.

-- Ваше высочество, вы платите добром за зло, -- сказал он. -- На дерзкий поступок вы отвечаете дружеской снисходительностью.

-- Почему вы знаете, -- спросил Флоризель, -- может быть, я стараюсь подкупить вас?

-- Да минует меня искушение! -- воскликнул сыщик.

-- Похвальный ответ, -- объявил Флоризель. -- Так отвечают разумные и честные люди. Мир велик, он богат и прекрасен, и мало ли чем можно одарить человека? Иной откажется от миллионов, но продаст свою честь за царский трон или за женскую любовь. Ведь и мне самому встречаются случаи, столь соблазнительные, искушения, столь неодолимые даже для самой стойкой добродетели, что я подчас рад, как вы, скромно положиться на милость всевышнего. Только благодаря этому, -- добавил он, -- мы с вами можем вместе идти сейчас дозором по городу с незапятнанной совестью.

-- Я много слышал о вашей смелости, -- ответил сыщик, -- но не знал, что вы так мудры и благочестивы. Вы говорите правду, и притом так, что она трогает меня до глубины души. Поистине, мир полон испытаний.

-- Мы сейчас на середине моста, -- сказал Флоризель. -- Облокотитесь на перила и поглядите вниз. Подобно этому стремительному потоку, страсти и жизненные затруднения уносят честность слабодушных. Я хочу рассказать вам

одну историю.

-- Слова вашего высочества -- приказ для меня, -- ответил сыщик.

И по примеру принца он облокотился на перила и приготовился слушать. Париж уже погрузился в сон. Если бы не бесчисленные огни и очертания домов на фоне звездного неба, можно было бы подумать, что они стоят в одиночестве где-нибудь у реки далеко за городом.

-- Один офицер, -- начал принц Флоризель, -- человек храбрый и нравственный, справедливо возведенный в высокое звание и заслуживший себе не только хвалу, но почет и уважение, в несчастный для своего душевного покоя час посетил сокровищницу некоего индийского князя. Там он увидел алмаз такой удивительной величины и красоты, что с тех пор у него осталось лишь одно-единственное желание: честь, доброе имя, дружбу, любовь своей родины -- все отдал бы он, всем охотно пожертвовал бы за этот большой сверкающий кристалл. Три года служил офицер полудикому властителю, как Иаков служил Лавану. Он нечестно устанавливал границы, покрывал убийства, несправедливо осудил и казнил собрата по оружию, который имел несчастье разгневать раджу вольными и честными речами. В пору великой опасности для своей родины он даже предал отряд своих же солдат: по его вине неприятель разбил их, и тысячи людей были истреблены. В конце концов он скопил громадное состояние и вернулся домой с прельстившим его алмазом.

-- Шли годы, -- продолжал принц, -- и вот алмаз был случайно потерян. Он попадает в руки простого трудолюбивого юноши, молодого ученого, священника, только вступившего на путь, на котором он мог бы принести пользу людям и даже достичь известности. Алмаз околдовывает и его: он бросает все -- свое призвание, свои занятия -- и бежит с драгоценным камнем в чужую страну. Брат того офицера, хитрый, отчаянный, бессовестный человек, узнает тайну священника. Что он делает? Рассказывает брату, сообщает полиции? Нет, он тоже подпадает под действие дьявольских чар: он сам хочет завладеть этим камнем. С риском умертвить молодого священника он опаивает его снотворным зельем и захватывает добычу. Но тут по случайности, несущественной для моего рассказа, алмаз из его рук переходит еще к одному человеку. Тому камень внушает ужас, и он отдает его на хранение лицу высокого звания и стоящему выше подозрений. Имя офицера -- Томас Венделер, -- продолжал Флоризель. -- Камень зовется Алмазом Раджи. И, -- добавил он, вдруг раскрывая ладонь, -- вот он перед вами.

Сыщик вскрикнул и отшатнулся.

-- Мы толковали об искушениях. Мне этот большой блестящий кристалл отвратителен, словно он кишит могильными червями. Он страшен, словно в нем горит кровь невинных. Я вижу его на своей ладони, но знаю, что он светится адским огнем. Я не пересказал вам и сотой доли его приключений. Что с ним происходило в былые времена, на какие преступления и предательства он толкал людей в минувшем, нельзя себе представить без содрогания. Годы и годы служил он силам преисподней. Довольно же крови, довольно позора, довольно загубленных жизней и попорченной дружбы. Все когда-нибудь кончается: зло и добро, чума и нежная музыка, а что до этого алмаза, то, да простит мне господь, если я поступлю неправильно, но только этой ночью его власти придет конец.

Принц сделал внезапное движение рукой, и драгоценный камень, описав

сияющую дугу, с плеском нырнул в бегущую воду.

-- Аминь, -- сказал Флоризель торжественно. -- Я убил василиска!

-- Боже мой, -- вскричал сыщик. -- Что вы сделали? Теперь я погиб!

-- Полагаю, -- с улыбкой возразил принц, -- многие богачи в этом городе позавидуют такой гибели.

-- Увы, ваше высочество! -- сказал сыщик. -- Значит, вы все-таки подкупаете меня?

-- Видно, иначе нельзя! -- ответил Флоризель. -- А теперь идемте же в префектуру.

Немного времени спустя без всякого шума была отпразднована свадьба Фрэнсиса Скримджера с мисс Венделер, и принц выступал на свадьбе в роли шафера. Братья Венделер прослышали о том, что случилось с алмазом, и теперь большие водолазные работы, которые они затеяли на реке Сене, вызывают восторг и удивление зевак. Правда, по неверному расчету, братья принялись не за тот рукав реки. Что касается принца Флоризеля, эта блистательная личность, сослужив свою службу, может вверх тормашками отправляться в небытие вместе с автором "Арабских ночей". Но если читатель настаивает на более точных сведениях, я рад сообщить, что ввиду затянувшегося отсутствия принца, а также поучительного пренебрежения, какое он проявлял к своим общественным обязанностям, недавняя революция сбросила его с богемского трона, и теперь его высочество держит на Руперт-стрит табачную лавочку, часто посещаемую и другими политическими эмигрантами.

Время от времени я захоживаю туда покурить и поболтать и каждый раз убеждаюсь, что он так же великолепен, как и в годы своего процветания, -- за своим прилавком он выглядит настоящим олимпийцем. И хотя сидячий образ жизни начинает сказываться на ширине его жилетов, он все-таки, вероятно, самый красивый табачник в Лондоне.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. По воле волн (франц.).
2. Французский писатель XIX века, автор многочисленных уголовных романов.
3. Сыщик, герой романов Габорио.

<http://book.zehinli.info>